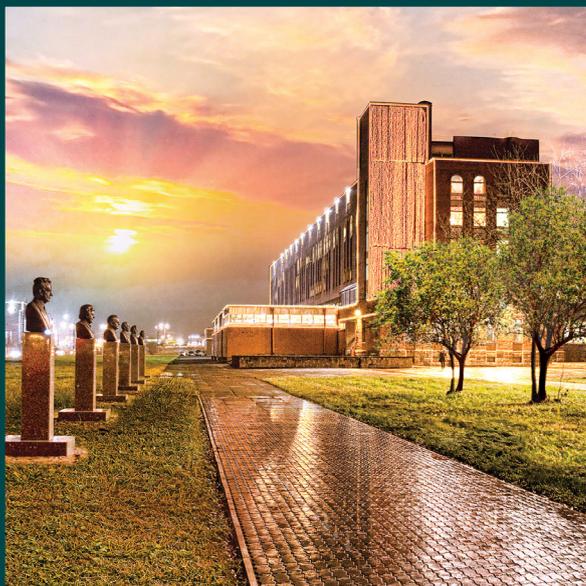

СОЦИАЛЬНО-
ТРУДОВЫЕ
КОНФЛИКТЫ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Выпуск
60

САНКТ-ПЕТЕРБУРГСКИЙ ГУМАНИТАРНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ ПРОФСОЮЗОВ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА: ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

Издано в рамках Программы получателя субсидии
Министерства труда и социальной защиты РФ в 2025 году

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ КОНФЛИКТЫ

Выпуск 60

Санкт-Петербург
2025

ББК 65.240.501

Г72

Авторский коллектив:

Г. Ф. Фейгин (научный руководитель), **Т. В. Ефимова**, **Е. С. Кутузова**,
Д. В. Лобок, **Н. В. Маслова**

Рецензенты:

М. М. Хайкин, заведующий кафедрой экономической теории
Санкт-Петербургского горного университета императрицы Екатерины II,
доктор экономических наук, профессор;

С. А. Бородулина, заведующая кафедрой № 17 «Экономика»
Санкт-Петербургского государственного университета гражданской авиации,
доктор экономических наук, профессор

Рекомендовано к публикации
редакционно-издательским советом СПбГУП

Г72 Государственное регулирование рынка труда: глобальные и региональные аспекты : [коллективная монография] / Г. Ф. Фейгин [и др.]. — Санкт-Петербург : СПбГУП, 2025. — 232 с. — (Социально-трудовые конфликты ; Вып. 60). — ISBN 978-5-7621-1360-1. — Текст : непосредственный.

В монографии рассматриваются различные аспекты государственного регулирования рынка труда. Обзор теоретических подходов сочетается с обобщением теоретической информации. Существенное внимание уделено новым инструментам государственного регулирования национальных рынков труда, которые используются на фоне турбулентности глобальной экономической конъюнктуры.

Адресовано студентам и аспирантам гуманитарных специальностей, а также широкому кругу специалистов, интересующихся проблемами рынка труда.

ББК 65.240.501

ISBN 978-5-7621-1360-1

© СПбГУП, 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Введение	5
Глава 1. ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ	7
1.1. Постановка проблемы	7
1.2. Основные инструменты регулирования занятости: краткий обзор	15
1.3. Моделирование воздействия фискальных интервенций на рынок труда	42
Выводы	45
Глава 2. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЗАНЯТОСТЬ	47
2.1. Международная организация труда: общая характеристика	47
2.2. Социальный диалог как основной принцип деятельности МОТ	49
Выводы	57
Глава 3. ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ	58
3.1. Турбулентный характер развития мировой экономики	58
3.2. Проблема дефицита рабочих мест достойного качества	62
3.3. Новые кризисные тенденции в мировой экономике и их воздействие на рынок труда: возможности использования регулятивных инструментов	65
Выводы	113
Глава 4. НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ	115
4.1. Особенности государственного регулирования экономики в периоды рецессий	115
4.2. Воздействие мер фискальной и денежно-кредитной политики на занятость в период пандемии	126
4.3. Перспективы применения инструментов государственного регулирования занятости в отдельных отраслях	140
Выводы	149

Глава 5. ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ	150
5.1. Молодежь на рынке труда: сущность и значение категории NEET	150
5.2. Государственная политика, направленная на снижение численности лиц, относящихся к категории NEET	169
Выводы	184
Заключение	186
Литература	188
Глоссарий	212

ВВЕДЕНИЕ

Рынки труда в настоящее время относятся к важнейшим элементам современных национальных экономик. Фактор занятости (использования рабочей силы), безусловно, имеет решающее значение для обеспечения устойчивого роста ВВП и поддержания социальной стабильности. Взаимодействия спроса и предложения на рынке труда самого по себе недостаточно для комплексного решения множества проблем, существующих в сфере трудовых отношений. Рыночные процессы должны быть дополнены государственным регулированием. В современных реалиях необходимо признать, что рынки труда уже не существуют исключительно в рамках национальных границ и все больше приобретают глобальное значение. Феномен распространения трудовой миграции позволяет ставить вопрос о наличии спроса на труд и предложения труда фактически в глобальном масштабе. Поэтому правомерно рассматривать регулирование рынка труда не только внутри отдельных национальных экономик, но и на глобальном уровне.

При этом на современном этапе развития мировой экономики еще нельзя говорить о наличии глобальных институтов, которые могли бы осуществлять регулирование рынка труда в мировом масштабе, как это происходит в отдельных странах. Однако международная организация труда как глобальный институт все же задает целевые ориентиры в контексте выработки некоторых общепризнанных стандартов и целей регулирования рынков труда. Также следует учитывать и то обстоятельство, что национальные экономики сегодня тесно взаимосвязаны друг с другом. Поэтому уже нельзя говорить о том, что подходы к регулированию рынка труда в разных странах существенно отличаются, хотя и сохраняют национальные особенности.

В настоящей работе проблемы государственного регулирования рынка труда рассматриваются как на глобальном, так и на национальном уровне. В первой главе представлены теоретические основы и основные инструменты воздействия государства на процессы занятости. Во второй главе дан краткий обзор целей и задач международной организации труда как основного глобального института, устанавливающего мировые стандарты для регулирования социально-экономических процессов, связанных с занятостью населения. Также отмечаются основные социально-экономические ориентиры,

устанавливаемые Международной организацией труда (МОТ) по отношению к процессам занятости во всем мире. В третьей главе вопросы регулирования занятости рассматриваются в контексте глобальной экономической конъюнктуры, где в последние десятилетия принимается во внимание турбулентный характер развития мировой экономики, в частности мировой экономической кризис 2008–2009 годов, а также рецессии, вызванные пандемией COVID-19 и глобальным конфликтом, обусловленным СВО на Украине. В четвертой главе анализируется и обобщается практика регулирования рынков труда в разных странах на современном этапе развития мировой экономики. В ходе анализа отмечаются сходства и различия между странами с высоким, средним и низким уровнями дохода. В пятой главе рассматриваются вопросы государственного регулирования занятости молодежи, в частности меры, направленные на сокращение числа лиц, принадлежащих к категории NEET (молодые люди да в возрасте от 15 до 29 лет), не имеющие работы, не получающие какого-либо образования и не проходящие какую-либо стажировку).

При отборе материалов учитывалась доступность данных (в том числе эмпирических). Внимание авторов было сконцентрировано на наиболее значимых и острых проблемах в области государственного регулирования рынка труда.

Глава 1

ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ЗАНЯТОСТИ: СУЩНОСТЬ И ОСНОВНЫЕ ФОРМЫ

1.1. ПОСТАНОВКА ПРОБЛЕМЫ

В современных реалиях сохраняет актуальность вопрос о воздействии конкретных бюджетных расходов и программ трансфертов на динамику рынка труда путем использования макро- и микроэкономических механизмов. Государственные расходы являются ключевым инструментом для достижения многих политических целей, но возможности их осуществлять сильно варьируют по странам. В частности, в развивающихся странах бюджетное пространство более ограничено. В подобных случаях недостаточный сбор налогов и сокращение потоков доходов уменьшают возможности правительств в области предоставления и перераспределения общественных благ и услуг. Структурные реформы в ряде сфер, в частности либерализация торговли, привели к дальнейшему сокращению государственных доходов, которые в развивающихся странах зачастую сильно зависят от импортных тарифов.

Государственные расходы охватывают *государственное потребление, инвестиции и трансфертные платежи*. Целевой перечень государственных расходов очень широк. Речь идет о затратах на образование, здравоохранение, развитие инфраструктуры, оборонных расходах и т. д. В целом такие расходы обеспечивают возможность предоставления государственных услуг. Также трансферты преследуют двойную цель: перераспределение (например, денежные переводы) и страхование (например, пособия по безработице и инвалидности, пенсии).

Национальные правительства воздействуют на рынок труда, используя несколько инструментов:

1) *через институты рынка труда* (например, путем установления минимальной ставки заработной платы и принятия законодательства о защите занятости);

2) *через совокупную налогово-бюджетную политику* (изменения в государственных расходах и налогах);

3) *посредством конкретной политики на рынке труда и программ социальной защиты*.

Институты рынка труда. Согласно общепринятому мнению, регулирование рынка труда повышает устойчивость национальной экономики. При дерегулировании снижаются затраты на адаптацию рабочей силы к изменениям спроса и неожиданным потрясениям. Подобные рыночные процессы оптимизируют распределение рабочей силы и способствуют росту производительности труда. Таким образом, меры государственного регулирования занятости (установление минимальной заработной платы, организация коллективных переговоров, принятие законодательных актов о защите занятости) рассматриваются как препятствия, мешающие оптимальному функционированию рынка труда и, следовательно, являющиеся источником безработицы. Традиционный взгляд на экономическую политику до настоящего времени основывался на либерализации рынка труда. При этом преследовалась двоякая цель: повысить конкурентоспособность фирм и снизить уровень безработицы¹. Однако анализ Бранкасио и других авторов² показал: только треть исследований позволяют сделать вывод о том, что дерегулирование способствует росту занятости и снижает уровень безработицы. Напротив, более половины исследований свидетельствуют о том, что именно жесткие нормы по защите являются фактором снижения безработицы.

Кроме того, большая часть исследований, содержащих выводы о том, что дерегулирование рынка труда улучшит экономические показатели и создаст больше рабочих мест, основана на использовании индекса занятости работников Всемирного банка, разработанного в рамках системы индикаторов «легкости ведения бизнеса»³. Обширные исследования, проведенные МОТ, выявили серьезные концептуальные и методологические проблемы, связанные с индексом занятости работников, которые могут привести к неверным политическим выводам⁴. Наконец, помимо количественного воздействия на занятость, либерализация рынка труда зачастую вела к его фрагментации и росту числа низкокачественных рабочих мест. Все это негативно

¹ The OECD Jobs Study: Facts, Analysis, Strategies. P. : OECD, 1994.

² *Brancaccio E., Garbellini N., Giannetti R.* Structural Labour Market Reforms, GDP Growth and the Functional Distribution of Income // *Structural Change and Economic Dynamics*. 2018. Vol. 44. P. 34–45.

³ *Doing Business*. Washington, D. C. : World Bank, 2008.

⁴ *Berg J., Cazes S.* The Doing Business Indicators: Measurement Issues and Political Implications // *ILO Economic and Labour Market Paper*. 2007. Vol. 6 ; *Idem.* Policymaking Gone Awry: The Labor Market Regulations of the Doing Business Indicators // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. 2008. Vol. 29, № 4. P. 349–382.

сказывалось не только на социальной справедливости, но и на инновационном потенциале рабочей силы.

Налогово-бюджетная политика. Данная политика может оказывать общее воздействие на совокупный спрос, объем производства и (в конечном счете) занятость через дискреционные каналы и (или) автоматические фискальные стабилизаторы: ключевое преимущество последних заключается в том, что они не требуют дискреционного вмешательства со стороны правительства и, следовательно, не предполагают дополнительных издержек. Например, в случае, если объем производства сокращается, а безработица увеличивается, пособия по безработице действуют как автоматические стабилизаторы совокупного спроса. Они сглаживают потребление (то есть колебания доходов) без вмешательства фискальных органов. Вместе с тем правительства используют дискреционную налогово-бюджетную политику (то есть изменения в налогах или государственных расходах) с целью решения средне- и долгосрочных экономических проблем. Степень, в которой дискреционная налогово-бюджетная политика может стимулировать экономическую активность, зависит от размера фискального мультипликатора. Рост государственных расходов на товары и услуги стимулирует спрос со стороны фирм на капитал и трудовые ресурсы для удовлетворения растущего спроса. Тем самым создаются предпосылки для увеличения объема производства и занятости. Это, в свою очередь, повышает доходы домохозяйств и создает стимул как для внутреннего, так и для внешнего потребления. Следовательно, растет спрос на деньги. В результате повышается процентная ставка и создается эффект вытеснения частных инвестиций¹. Более того, домохозяйства периодически ожидают будущего повышения налогов (для компенсации дополнительных расходов со стороны государства). В результате частное потребление будет снижаться (эффект превентивных сбережений), что еще сильнее уменьшит размер фискального мультипликатора.

Далее рассмотрим некоторые факторы, которые могут оказывать влияние на результативность мер налогово-бюджетной политики в области регулирования занятости.

Режим валютного курса. Эффект фискального стимулирования может варьироваться в зависимости от режима обменного курса страны. При фиксированных обменных курсах экспансионистская фискальная политика увеличивает спрос и приводит к росту объема

¹ *Hebous S.* The Effects of Discretionary Fiscal Policy on Macroeconomic Aggregates: A Reappraisal // *Journal of Economic Surveys*. 2011. Vol. 25, № 4. P. 674–707.

производства. В результате оказывается повышательное давление на процентные ставки. Рост процентных ставок способствует удорожанию курса национальной валюты. Центральные банки вынуждены реагировать, осуществляя денежную эмиссию. Тем самым вышеупомянутый эффект роста производства и занятости не будет ослаблен. И наоборот, в экономике с режимом гибкого обменного курса эффект фискальных стимулов будет ослаблен за счет повышения процентных ставок и укрепления национальной валюты, что приведет к сокращению инвестиций и чистого экспорта. Таким образом, фискальный мультипликатор выше в странах с фиксированным обменным курсом по сравнению со странами с режимом плавающего обменного курса.

— *Открытость торговли.* Теоретически ожидается, что фискальный мультипликатор будет выше в странах, характеризующихся сравнительно предельной склонностью к импортированию. Согласно экономической теории, рост внутренних доходов в результате экспансионистского фискального воздействия приводит к повышению спроса как на внутренние, так и на внешние товары. Таким образом, в странах, характеризующихся более высокой открытостью, часть фискальных стимулов, по сути, «уходит» из страны через канал импорта. И наоборот, страны с меньшей склонностью к импорту, как правило, имеют более высокие фискальные мультипликаторы.

Источник финансирования государственных расходов и фискальная позиция страны. Ожидается, что бюджетное стимулирование, финансируемое за счет долга, будет иметь больший экспансионистский эффект, нежели налогово-бюджетная политика, нейтральная к доходам (дополнительные доходы финансируются за счет дополнительных расходов)¹. Тем не менее на этот эффект может влиять и фискальная позиция страны. В странах с высоким соотношением государственного долга к ВВП выпуск дополнительных долговых обязательств может привести к увеличению премий за суверенный риск. Тем самым подрывается устойчивость долга и в конечном счете вытесняются частные инвестиции.

Фаза бизнес-цикла. Теоретические модели обычно не содержат каких-либо обоснований зависимости размеров мультипликаторов от фазы цикла². Тем не менее эмпирические данные указывают на бо-

¹ *Abiad A., Furceri D., Topalova P.* The Macroeconomic Effects of Public Investment: Evidence from Advanced Economies // *Journal of Macroeconomics*. 2016. Vol. 50. P. 224–240.

² *Ramey V. A.* Ten Years After the Financial Crisis // *The Journal of Economic Perspectives*. 2019. Vol. 33, № 2. P. 89–114.

лее высокие мультипликаторы в фазах рецессии по сравнению с фазами экономического роста¹.

Координация с мероприятиями денежно-кредитной политики. Размер фискального мультипликатора зависит от сопутствующих мер денежно-кредитной политики. Налогово-бюджетная политика дает лучшие результаты, когда сочетается с монетарным стимулированием или нулевой нижней границей номинальных процентных ставок², так как центральные банки зачастую не готовы реагировать на инфляционное давление, вызванное позитивными фискальными шоками. Однако эмпирические данные в данном контексте довольно неоднозначны³.

Поддержка со стороны институтов рынка труда. Институциональные условия, возможно, могут объяснить различия в эффективности налогово-бюджетной политики между отдельными странами. Теория предсказывает, что страны с более жесткими нормами регулирования рынка труда будут иметь более высокие фискальные мультипликаторы. Иными словами, минимальная заработная плата и строгое законодательство о защите занятости подразумевают снижение гибкости заработной платы. Данное обстоятельство в тенденции усиливает реакцию производства на шоки спроса⁴.

Конкретный характер воздействия фискальных мультипликаторов на ситуацию на рынке труда в конечном счете остается вопросом для эмпирических исследований. Например, можно утверждать, что фискальные мультипликаторы должны быть выше в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, чем в развитых странах. Именно в первой группе стран значительно больше домохозяйств, живущих «от зарплаты до зарплаты» или не придерживающихся принципа «рикардианской

¹ *Auerbach A., Gorodnichenko Y.* Measuring the Output Responses to Fiscal Policy // American Economic Journal: Economic Policy. 2012. Vol. 4, № 2. P. 1–27. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/pol.4.2.1>

² *Woodford M.* Simple Analytics of the Government Expenditure Multiplier // American Economic Journal: Macroeconomics. 2011. Vol. 3, № 1. P. 1–35 ; *Christiano L., Eichenbaum M., Rebelo S.* When Is the Government Spending Multiplier Large? // Journal of Political Economy. 2011. Vol. 119, № 1. P. 78–121.

³ *Klein M., Winkler R.* The Government Spending Multiplier at the Zero Lower Bound: International Evidence from Historical Data // Journal of Applied Econometrics. 2021. Vol. 36, № 6. P. 744–759 ; *Ramey V. A., Zubairy S.* Government Spending Multipliers in Good Times and in Bad: Evidence from US Historical Data // Journal of Political Economy. 2018. Vol. 126, № 2. P. 850–901.

⁴ *Woodford M.* Op. cit.

эквивалентности»¹. Однако и в развивающихся странах могут иметь место слабые фискальные эффекты. Данный феномен может быть вызван неэффективным административным управлением государственными расходами².

И нельзя забывать еще об одном важном аспекте. На практике трудно сделать выводы о том, были ли созданы рабочие места в тех сферах, где они действительно необходимы, поскольку влияние налогово-бюджетной политики на занятость не прямое, а производное от ее воздействия на объем производства. Кроме того, неопределенной остается реакция рабочей силы на фискальное воздействие в отдельных отраслях. Некоторые категории работников, как правило, более восприимчивы к потере рабочих мест во время рецессий, чем другие. Например, кризис 2008 года оказал более пагубное влияние на работников мужского пола. В то же время кризис, вызванный пандемией COVID-19, непропорционально сильно ударил по работникам отраслей сектора услуг, в которых женщины представлены в подавляющем количестве. Соответственно, общие контрциклические экспансии, возможно, будут увеличивать совокупную занятость, но вряд ли приведут к созданию рабочих мест в тех секторах, которые пострадали больше всего. В результате может произойти дальнейшая профессиональная поляризация.

Активная политика на рынке труда (АПРТ) — это финансируемые государством мероприятия, направленные на улучшение функционирования рынка труда путем стимулирования изменений в спросе на рабочую силу и ее предложении, а также в процессе согласования подобных изменений. В частности, эта политика направлена на сохранение существующих рабочих мест и создание новых возможностей трудоустройства, поощрение стабильности на рынке труда и реинтеграцию на рынок труда пребывающих долгое время без работы. На практике меры активной политики направлены на аутсайдеров рынка труда — всех безработных и неактивных людей.

База данных Организации экономической координации и развития (ОЭКР) классифицирует АПРТ по шести широким категориям: 1) обучение; 2) стимулирование занятости; 3) непосредственное создание рабочих мест; 4) стимулирование стартапов; 5) функциониро-

¹ Fiscal Multipliers in the 21st Century / P. Brinca, H. A. Holter, P. Krusell, L. Malafry // Journal of Monetary Economics. 2016. Vol. 77. P. 53–69.

² Furceri D., Li G. B. The Macroeconomic (and Distributional) Effects of Public Investment in Developing Economies // IMF Working Paper. 2017. № 217.

вание государственных служб занятости и управления; б) содействие в поиске работы и реинтеграция на рынок труда.

Программы, основанные на профессиональной подготовке, способствуют реинтеграции и трудоустройству безработных путем приобретения соответствующих навыков. Субсидии на занятость представляют собой финансовые стимулы, выплачиваемые фирмам либо для сохранения существующих рабочих мест (например, путем внедрения схем неполной занятости), либо для создания новых, в том числе путем сокращения фонда заработной платы. Стимулы для стартапов поощряют самозанятость или побуждают людей открывать собственный бизнес. Подобные стимулы означают предоставление кредитов и оказание консультационных услуг. Прямое создание рабочих мест, например программы общественных работ, в основном характерно для развивающихся стран, где такие меры позволяют не допускать стремительного роста числа безработных и защищать уязвимые слои населения от негативных последствий макроэкономических и иных шоков. Государственные службы занятости (ГСЗ) содействуют реинтеграции получателей социальных пособий. Они применяют различные поощрительные или санкционные меры для активизации тех, кто находится в поиске работы, осуществляют их консультирование и оказывают им посредническую поддержку. Наконец, субсидируется и профессиональная реабилитация для продуктивной занятости лиц с постоянным (или длительным) снижением трудоспособности. Рассмотрим некоторые инструменты активной политики на рынке труда.

1. *Социальные выплаты.* Страхование и пособие по безработице защищают работников от рисков на рынке труда и представляют собой доход в случае потери работы. Социальные выплаты действуют как автоматические стабилизаторы совокупного спроса в течение бизнес-цикла, так как снижают колебания доходов. Другие программы социальной защиты, такие как пенсия по старости, пособие по инвалидности, семейное пособие, пособие по уходу за детьми, направлены на повышение благосостояния людей и сокращение (или предотвращение) бедности на протяжении всего их жизненного цикла. Таким образом, цели схем поддержки доходов выходят далеко за рамки функционирования рынка труда, поскольку представляют собой важные инструменты противодействия не только негативным экономическим шокам, но и специфическим обстоятельствам (таким как инвалидность). Однако, по мнению некоторых экспертов, чрезмерно щедрые схемы поддержки доходов могут быть связаны

с демотивацией занятости и соответствующим сокращением предложения рабочей силы.

В случае, если эти мероприятия направлены на конкретные социально-демографические группы, такие как низкоквалифицированные работники, работники неформального сектора, пожилые люди, молодежь, инвалиды или женщины, они могут способствовать значительному сокращению социального неравенства и инклюзивному развитию рынка труда¹. Все программы социальной защиты включают значительный компонент страхования. Меры активной политики на рынке труда могут облегчить доступ к рынку труда некоторым группам людей, которые зачастую сталкиваются с дискриминационными барьерами, усилить переговорную позицию этих людей в трудовых спорах, а также создать предпосылки для сокращения устойчивого разрыва в заработной плате (повышения социальной справедливости).

2. Взаимодополняемость различных видов политики занятости. В некоторых случаях один вид политики вводится для снижения рисков, связанных с другим видом. Например, политика поддержки доходов (пособия по безработице и инвалидности), скорее всего, создает предпосылки для демотивации к трудоустройству и, следовательно, может быть более эффективной, если она будет дополнена соответствующими мерами по стимулированию активизации населения на рынке труда. Получателям социальных пособий нужно помочь вернуться на работу². Поэтому следует ожидать положительной корреляции между двумя типами политики.

3. Замещение одного вида политики другим. Побочные эффекты могут возникать даже случайно, особенно при отсутствии координации политики. Так, последствия одной политики могут быть частично нивелированы существованием другой. Например, пенсионные реформы (такие как повышение установленного законом пенсионного возраста) направлены на увеличение предложений на рынке труда для пожилых работников и снижение давления на государственные бюджеты. Однако эффективность реформы, несомненно, будет зависеть от наличия альтернативных путей выхода на пенсию (например, пособия по инвалидности и безработице), а также от размера соответствующих выплат. Иными словами, повышение пенсионного возраста может привести к увеличению числа лиц, обращающихся за пособием по безработице или по инвалидности.

¹ Inclusivity in the Labor Market / A. El-Ganainy [et al.] // IMF Working Paper. 2021. № 141.

² Boone J., Ours J. C., van. Effective Active Labor Market Policies // IZA Discussion Paper. 2004. № 1335.

1.2. ОСНОВНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ: КРАТКИЙ ОБЗОР

Эффективность налогово-бюджетной политики, как правило, оценивается с помощью фискальных мультипликаторов. Ставятся следующие вопросы: насколько вырастет объем производства в ответ на увеличение государственных расходов на 1 процентный пункт (или снижение налогов на 1 процентный пункт)? Какие факторы формируют размер фискальных мультипликаторов? Однако в этом контексте занятость является лишь побочным эффектом. Другое направление исследований изучает влияние различных институтов рынка труда и структурных реформ в области законодательства о защите занятости. Основная гипотеза во многих исследованиях заключается в том, что институты рынка труда снижают его эффективность, что препятствует росту занятости и производительности. Также во многих исследованиях ставятся вопросы прикладного характера: влияет ли на уровень безработицы сокращение социальных выплат или увеличение государственных расходов на реализацию активной политики на рынке труда? Как быстро проявляются последствия? Зависит ли величина воздействия от условий бизнес-цикла и режима денежно-кредитной политики? Также существуют исследования, где предпринимаются попытки объяснить влияние конкретных мер (обучение, субсидии на трудоустройство, пособия по инвалидности, семейная политика, социальные выплаты) на ключевые показатели рынка труда — безработицу, занятость, заработную плату или потоки безработицы.

Фискальные мультипликаторы. Исследования фискальных мультипликаторов далеки от того, чтобы дать общепринятую точку зрения вследствие различий в базовых допущениях и подходах к моделированию (например, динамическое стохастическое моделирование общего равновесия и реального делового цикла предсказывает снижение потребления, в то время как ретроспективные модели кейнсианского типа предполагают более высокое потребление). Помимо используемой методологии, величина фискальных мультипликаторов зависит от экономического контекста и типа стимулов¹. Используя метарегрессионный анализ, основанный на 104 эмпирических и имитационных исследованиях, можно прийти к выводу, что мультипликаторы государственных расходов варьируют в диапазоне от 0,7 до 1.

¹ *Gechert S. What Fiscal Policy Is Most Effective? A Meta-regression Analysis // Oxford Economic Papers. 2015. Vol. 67, № 3. P. 553–580.*

Налоговые льготы и трансферты предполагают значительно более низкие мультипликаторы (0,3–0,4), в то время как государственные инвестиции предполагают мультипликатор в размере 0,6. Тем не менее общие выводы согласуются с теоретическими прогнозами о страновой специфике. Во-первых, фискальный мультипликатор, как правило, ниже в более открытых экономиках. Страны с более высокой долей импорта в ВВП характеризуются более низкими мультипликаторами вследствие утечки части средств через канал импорта. Во-вторых, чем выше доля лиц, поведение которых не соответствует принципу рикарданской эквивалентности, тем выше фискальный мультипликатор. В-третьих, в случае, если центральные банки проводят меры по инфляционному таргетированию (следуя той или иной форме правила Тейлора), монетарная реакция частично вытесняет инвестиции (или потребление) путем повышения реальной процентной ставки, что приводит к снижению мультипликаторов. Напротив, фиксированные реальные процентные ставки или режим нулевой нижней границы обуславливают более высокие мультипликаторы.

Однако этот метаанализ ничего не говорит о соотношении воздействий в различных странах. Рассмотрим результаты двух исследований, в которых используется один и тот же метод для оценки бюджетных мультипликаторов, но основное внимание уделяется разным группам стран (развитые страны, страны с формирующимся рынком и развивающиеся страны). Абиад и другие¹ обобщили характер воздействия государственных инвестиций в 17 странах с развитой экономикой за период 1985–2013 годов и обнаружили, что краткосрочный фискальный мультипликатор составил около 0,4, а среднесрочный — около 1,4. Авторы подчеркивают, что экспансионистский эффект оказался сильнее в периоды экономического спада и денежной эмиссии. При этом государственные инвестиции, финансируемые за счет заемных средств, более эффективны, чем нейтральные для бюджета меры (когда рост государственных расходов сопровождается повышением налогов). Фурцери и Ли² использовали выборку стран с формирующимся рынком и развивающихся стран за период 1990–2013 годов. По результатам исследования фискальные мультипликаторы оказались выше в периоды низкого экономического роста и при наличии эффективных государственных инвестиций. Однако величина мультипликатора государственных инвестиций намного меньше, чем в странах с развитой экономикой (0,2). В отличие от Абиад и других

¹ Abiad A., Furceri D., Topalova P. Op. cit.

² Furceri D., Li G. B. Op. cit.

авторов¹, Фурсери и Ли показывают, что налогово-бюджетная политика практически неэффективна в странах, характеризующихся высоким уровнем задолженности, поскольку она увеличивает давление на устойчивость государственного долга, что, в свою очередь, повышает процентные ставки и сводит к минимуму первоначальные положительные эффекты. Кроме того, в соответствии с теоретическими прогнозами они предполагают, что фискальный мультипликатор выше при фиксированных обменных курсах, нежели при режимах гибких обменных курсов. Также он выше в странах, характеризующихся меньшей склонностью к импортированию. Подводя итог, можно заключить, что мультипликаторы в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах меньше, чем в странах с развитой экономикой, особенно в условиях высокого государственного долга и в случае режима гибких обменных курсов.

Ластаускас и Стейкенс² оценивают реакцию рынка труда на реформы в сфере социальных выплат, а также дополнительные расходы в рамках активной политики на рынке труда. В частности, они исследуют роль денежно-кредитной политики экономики (размер денежной эмиссии) до введения евро и после. По их оценкам, повышение социальных пособий, как правило, приводит к росту безработицы, если только не сопровождается смягчением денежно-кредитной политики. Аналогичным образом меры активной денежно-кредитной политики эффективны только при условии сокращения безработицы. Более того, при повышении коэффициентов замещения социальных выплат на 1 % реальный эффективный обменный курс обесценивается в условиях независимой денежно-кредитной политики и ужесточения ее, в то время как смягчение денежно-кредитной политики не оказывает никакого эффекта. Напротив, в рамках валютного союза реальный эффективный обменный курс демонстрирует тенденцию роста в условиях ослабления денежно-кредитной политики и незначительного обесценения при ужесточении денежно-кредитной политики. Любое снижение конкурентоспособности страны проявляется отчетливее именно при валютном союзе. Аналогично Дюваль и Фурчери³ показывают, что увеличение государственных расходов на проведение активной политики государства на рынке труда оказывает

¹ *Abiad A., Furceri D., Topalova P.* Op. cit.

² *Lastauskas P., Stakėnas J.* Labor Market Reforms and the Monetary Policy Environment // *European Economic Review*. 2020. № 128. 103509.

³ *Duval R., Furceri D.* The Effects of Labor and Product Market Reforms: The Role of Macroeconomic Conditions and Policies // *IMF Economic Review*. 2018. Vol. 66, № 1. P. 31–69.

большее влияние на занятость в периоды экономического спада. Напротив, сокращение социальных выплат в периоды спада неэффективно, так как это усилит негативное влияние на совокупный спрос.

Непосредственное создание рабочих мест в государственном секторе. Для производства общественных благ и предоставления общественных услуг правительствам требуются трудовые ресурсы. Действительно, занятость в государственном секторе представляет собой большой сегмент рынка труда в развитых странах, хотя ее доля в общей занятости значительно варьируется. В отдельных европейских странах она составляет от 15 до 30 % от общей занятости, в то время как размер государственного сектора в развивающихся странах намного меньше. Таким образом, заработная плата в государственном секторе составляет значительную часть государственных расходов. Кроме того, во всех европейских странах гендерный разрыв в занятости существует именно в частном секторе, при этом практически во всех странах мужчин больше, чем женщин. Напротив, в государственном секторе гендерное равенство обычно достигается. В отдельных африканских странах наблюдается противоположная ситуация.

Вышеупомянутые обстоятельства заставляют нас усомниться в том, что правительства могут способствовать развитию рынка труда с точки зрения доступа к отдельным видам услуг и социальной справедливости. Как правило, заработная плата в государственном секторе развитых стран регулируется, характеризуется прозрачностью и меньшей дифференциацией, чем в частном секторе¹. Таким образом, работники, выполняющие одну и ту же работу, обычно получают одинаковую заработную плату независимо от производительности, возраста, пола или расы. Многие правительства сокращают сохраняющийся разрыв в занятости и заработной плате между средним уровнем и уязвимыми слоями населения с помощью политики занятости в государственном секторе и программ общественных работ. Опосредованно это оказывает влияние и на политику занятости компаний в частном секторе².

В периоды экономического спада правительства могут непосредственно увеличивать количество (а также качество) имеющихся рабочих мест за счет расширения занятости в государственном секторе (например, в сферах здравоохранения и образования, а также в госу-

¹ *Garibaldi P., Gomes P.* The Economics of Public Employment: An Overview for Policy Makers // Fondazione Rodolfo de Benedetti Policy Report. 2020.

² *Caponi V.* The Effects of Public Sector Employment on the Economy // IZA World of Labor. 2017. Vol. 332. P. 1–10.

дарственном управлении). Непосредственное создание рабочих мест может также снизить уровень неформальной занятости за счет действия интеграции неформально занятых в государственный сектор (где уровень неформальной занятости в принципе довольно низок). Вместе с тем правительства также могут выступать в качестве «работодателя последней инстанции» через программы общественных работ. В данном контексте правительство намеренно создает временные рабочие места в государственном секторе, чтобы обеспечить поддержку доходов наиболее уязвимых слоев населения. Такая политика популярна в развивающихся странах, поскольку защищает от негативных потрясений (например, погодных потрясений, макроэкономических шоков) и тем самым сокращает уровень бедности¹.

Следовательно, прямое создание рабочих мест в государственном секторе (при условии, что занятость в частном секторе и доля рабочей силы в общей численности населения являются постоянными) приведет к снижению уровня безработицы². Рост занятости в государственном секторе может обусловить положительный вторичный эффект с точки зрения развития инфраструктуры, а также повышение качества государственных услуг (например, в сферах здравоохранения, образования и транспорта). Аналогичным образом целенаправленная государственная политика в области занятости может способствовать стимулированию регионального развития и устранению региональных диспропорций путем расширения возможностей трудоустройства в районах с высоким уровнем безработицы.

Теоретическая основа, предложенная Элганом и другими³, исходит из базового предположения: работники предлагают рабочую силу либо в частном, либо в государственном секторе. Фирмы платят заработную плату, эквивалентную предельному продукту труда, в то время как правительства не максимизируют прибыль и выплачивают заработную плату, которая необязательно зависит от производительности. Положительная разница в заработной плате между государственным и частным секторами дает работникам больше возможностей для ведения переговоров о трудоустройстве и создает пул соискателей, стоящих в очереди, чтобы устроиться на работу в государственном секторе. Иными словами, более высокая заработная

¹ Public Works as a Safety Net: Design, Evidence and Implementation / K. Subbarao, C. del Ninno, C. Andrews, C. Rodríguez-Alas. Washington, D. C. : World Bank, 2012.

² Garibaldi P., Gomes P. Op. cit.

³ Algan Y., Cahuc P., Zylberberg A. Public Employment and Labour Market Performance // Economic Policy. 2002. № 17 (334). P. 7–65.

плата делает рабочие места в государственном секторе более привлекательными, вытесняя занятость в частном секторе и оказывая давление на заработную плату в частных фирмах. В случае, если разница в заработной плате между государственным и частным секторами невелика, эффект вытеснения будет незначительным.

Заметим, что в условиях монополии на рынке труда как уровень занятости, так и равновесный уровень заработной платы ниже, чем они были бы в условиях совершенной конкуренции. Таким образом, повышение заработной платы в государственном секторе (по аналогии с повышением минимальной заработной платы) может привести как к росту заработной платы, так и к росту занятости в частном секторе. Кроме того, более высокая заработная плата в государственных организациях может способствовать росту доли рабочей силы в общей численности населения. Неактивная часть населения может вновь начать искать работу. Косвенно это скажется и на уровне безработицы.

Кроме того, увеличение занятости в государственном секторе также может привести к сдвигу в структуре занятости в частном секторе. Занятые могут перейти из более производительных отраслей (где создаются торгуемые блага) в менее производительные. Общая занятость в частном секторе не меняется, но снижается конкурентоспособность страны¹. Нужно различать производство торгуемых благ (идут на экспорт) и неторгуемых. При производстве неторгуемых благ рост занятости в государственном секторе за счет более высокой заработной платы может расти². В то же время более высокая заработная плата может вытеснить частную занятость при производстве торгуемых благ. Это происходит потому, что фирмы-экспортеры должны считаться с международной конкуренцией и не могут компенсировать рост стоимости рабочей силы за счет повышения цен³.

Подводя итог, можно сказать, что прямое создание рабочих мест в государственном секторе может, во-первых, снизить уровень безработицы, во-вторых, увеличить долю рабочей силы в общей численности населения и снизить уровень неформальной занятости. В случае, если увеличение предложения рабочей силы превысит количество доступных рабочих мест в рамках программы общественных работ,

¹ *Faggio G., Overman H.* The Effect of Public Sector Employment on Local Labour Markets // *Journal of Urban Economics*. 2014. № 79. P. 91–107.

² *Dale-Olsen H., Schöne P.* Can Placement of Governmental Sector Jobs Spur Private Sector Employment and Performance? // *IZA Discussion Paper*. 2020. № 13993.

³ *Garibaldi P., Gomes P.* Op. cit.

это приведет к более высокому уровню безработицы. Третий эффект прямого создания рабочих мест заключается в повышении уровня заработной платы. Положительный разрыв в заработной плате между государственным и частным секторами может вытеснить рабочие места в частном секторе. Поэтому теоретические прогнозы об эффекте чистой безработицы неоднозначны и остаются вопросом для эмпирических исследований.

Далее мы проанализируем несколько исследований, в которых изучалось влияние занятости в государственном секторе на рынок труда на микро- и макроуровне и были получены неоднозначные результаты.

Программы, основанные на обучении. Программы профессиональной подготовки, спонсируемые правительством, призваны улучшить перспективы трудоустройства их участников путем предоставления им общей или специальной подготовки, с помощью которой они могут приобрести новые технические навыки и навыки межличностного общения. В свою очередь, такое повышение квалификации способствует реинтеграции неактивных на рынке труда и безработных лиц, а также их карьерному росту. Существует вероятность, что после нового трудоустройства у этих людей будут более высокие доходы, нежели до предыдущей потери работы¹. Кроме того, хорошо продуманные схемы обучения могут уменьшить несоответствие между спросом и предложением на рынке труда, так как они помогают работникам адаптировать свои навыки к требованиям местного рынка труда. В дополнение к этому целевое обучение может способствовать структурным изменениям в экономике². Уволенные работники в старых секторах могут быть переобучены и найти работу в новых секторах, тем самым приспособившись к структурным изменениям и эволюции промышленного производства.

Таким образом, ожидается, что активная политика на рынке труда, основанная на профессиональной подготовке, окажет положительное влияние на процесс трудоустройства и подбора персонала, а также на условия труда после пребывания без работы (например, на заработную плату). Однако эти позитивные эффекты могут быть ослаблены неблагоприятным риском «блокировки» активности, когда работники сокращают интенсивность поиска работы во время участия

¹ *Brown A. J. G., Koettl J.* Active Labor Market Programs: Employment Gain or Fiscal Drain? // IZA Journal of Labor Economics. 2015. Vol. 4, № 1. P. 1–36.

² *Auer P., Efendioğlu Ü., Leschke J.* Active Labour Market Policies around the World: Coping with the Consequences of Globalization. Geneva : ILO, 2008.

в программе, а также значительными необратимыми издержками¹. В некоторых случаях программы профессиональной подготовки могут даже компенсировать недостаток базового образования и служить ступенькой к более длительному трудоустройству.

Кандидаты, которые ищут работу впервые, могут столкнуться со значительными препятствиями при выходе на рынок труда вследствие отсутствия профессионального опыта, особенно в странах, для которых характерны слабые связи между обучением и работой. Это часто происходит во время рецессий. Уровень безработицы среди молодежи в странах *Организации экономического сотрудничества и развития* (ОЭСР) в третьем квартале 2021 года варьировался от менее 5 % в Японии до почти 40 % в Коста-Рике². В странах с уровнем безработицы среди молодежи, превышающим 20 %, имеется значительный гендерный разрыв (он особенно велик для Коста-Рики, где уровень безработицы молодежи среди женщин был на 15 процентных пунктов выше, чем среди мужчин). Кроме того, соотношение между уровнями безработицы среди молодежи и взрослого населения отражает неблагоприятное положение молодежи на рынке труда. По данным Международной организации труда (МОТ), в 2019 году в Южной Азии наблюдалось самое высокое соотношение безработицы среди молодежи и взрослого населения (8,1 раза), за ней следуют Юго-Восточная Азия и Тихоокеанский регион (6,2 раза) и арабские государства (4 раза). В странах с развитой экономикой, по данным Калиендо и Шмидла³, в 2013 году это соотношение варьировалось от 1,6 в Германии до почти 4 в Швеции. Эти барьеры и дискриминация в отношении молодежи могут быть существенно снижены за счет проведения активной политики государства на рынке труда, ориентированной на молодежь.

Субсидии на трудоустройство. Правительства могут стимулировать изменения в потоках на рынке труда путем предоставления фирмам финансовых стимулов в форме прямых трансфертов или налоговых льгот, которые влияют на их решения о найме и увольнении персонала. Субсидии можно сгруппировать в соответствии с их целями: сохранение занятости, обеспечение определенного уровня заработной платы, покрытие издержек на рекрутирование персонала.

¹ Brown A. J. G., Koettl J. Op. cit.

² Youth Unemployment Rate (indicator) / OECD. DOI: <https://doi.org/10.1787/c3634df7-en>.

³ Caliendo M., Schmidl R. Youth Unemployment and Active Labor Market Policies in Europe // IZA Journal of Labor Policy. 2016. Vol. 5, № 1.

Схемы сохранения занятости — это финансируемые государством меры, направленные на сохранение подверженных риску рабочих мест. Как правило, это временные меры, которые широко использовались во время финансового кризиса 2008 года, а также в условиях кризиса в период пандемии COVID-19. Большинство стран с развитой экономикой и стран с формирующимися рынками ввели подобные схемы в той или иной форме (например, интеграционная касса в Италии; неполная занятость в Германии; схема отпусков в Великобритании). Тем самым удалось избежать значительного сокращения рабочих мест.

Схемы сохранения занятости позволяют фирмам корректировать свои трудозатраты (в соответствии с предполагаемой рентабельностью) в ответ на влияние негативных шоков (например, изменения спроса). При этом у них нет необходимости увольнять персонал, так как правительство предоставляет работникам компенсацию за потерю дохода. Соответственно такие меры важны для предотвращения всплесков безработицы. Тем не менее подобные меры не лишены недостатков. В частности, могут быть понесены значительные издержки в случае, если субсидируемые рабочие места были бы сохранены и при отсутствии субсидий. Также их следует признать неэффективными, если временно нанятые работники будут уволены после окончания субсидии¹. Тем не менее удержание сотрудников, даже временное, может предотвратить «эрозию» навыков, которая могла бы произойти, если бы работники были уволены изначально. Кроме того, финансовые схемы сохранения занятости могут также усиливать сегментацию рынка труда². Еще один контраргумент состоит в том, что схемы сохранения рабочих мест ослабляют механизм движения рабочей силы (то есть перераспределения работников из низкопроизводительных фирм в высокопроизводительные). Это, в свою очередь, приводит к снижению темпов совокупного роста производительности труда.

Напротив, субсидии на сохранение уровня заработной платы и рекрутирование персонала являются финансовыми стимулами, предлагаемыми фирмам с целью расширения возможностей трудоустройства. Эти меры увеличивают шансы на трудоустройство для аутсайдеров рынка труда и часто нацелены на конкретные категории

¹ *Hijzen A., Martin S.* The Role of Short-time Work Schemes during the Global Financial Crisis and Early Recovery: A Cross-country Analysis // *IZA Journal of Labor Policy*. 2013. Vol. 2, № 5.

² *Ibid.*

работников, включая пребывающих долгое время без работы, низкоквалифицированных работников и другие уязвимые группы населения. Цель субсидирования занятости состоит в том, чтобы компенсировать работодателям реальную или предполагаемую более низкую производительность при принятии работников, характеризующихся более низким уровнем квалификации или отсутствием опыта.

Браун¹ излагает характеристики двух альтернативных форм субсидирования занятости (рекрутирования персонала и субсидий на заработную плату), которые можно обобщить следующим образом. Во-первых, субсидии на заработную плату могут увеличить занятость при извлечении прибыли за счет действия как интенсивных, так и экстенсивных факторов. При субсидиях на рекрутирование возможен только второй вариант. Во-вторых, обе эти меры могут привести к значительным безвозвратным издержкам, если они субсидируют рабочие места, которые возникли бы в любом случае, и к издержкам перемещения, если они вытесняют рабочие места в других отраслях. Тем не менее безвозвратные издержки на субсидирование заработной платы, как правило, выше при субсидировании персонала, поскольку они касаются не только новых сотрудников, но и всех сотрудников с определенными характеристиками. Кроме того, продолжительность субсидирования заработной платы может быть значительно более длительной или даже постоянной. В-третьих, целевые субсидии на трудоустройство могут привести к изменению состава спроса на рабочую силу (например, от среднеквалифицированных к низкоквалифицированным работникам). Этот эффект замещения существенно снижает эффект чистой занятости. В случае субсидирования рекрутирования персонала работники, нанятые в рамках субсидии на краткосрочный наем, могут быть заменены новыми субсидируемыми работниками после окончания действия субсидии. Это обстоятельство усугубляет текучесть кадров без создания новых рабочих мест (эффект «вращающейся двери»). В-четвертых, субсидии на трудоустройство могут увеличить заработок работников, что также приведет к снижению эффекта занятости².

Тем не менее это вряд ли произойдет на рынке труда, характеризующемся высоким уровнем безработицы, где работодатели обладают существенной «переговорной силой»³. Наконец, когда речь заходит

¹ *Brown A. J. G., Koettl J.* Op. cit.

² *Ibid.*

³ *Boockmann B.* The Effects of Wage Subsidies for Older Workers // *IZA World of Labor*. 2015. № 189. P. 1–10.

о фискальных последствиях, субсидии на заработную плату имеют более высокие финансовые затраты, нежели субсидии на рекрутирование персонала. Последние, как правило, охватывают меньшую долю рабочей силы. Например, Браун и другие¹ сообщают, что схемы найма, ориентированные на длительно безработных, затрагивают только 2,2 % рабочей силы. Напротив, субсидии на заработную плату направляются не только на безработных, но и на всех работников со специфическими характеристиками. Если эти меры по созданию рабочих мест оказываются эффективными, они, как правило, со временем самофинансируются за счет увеличения налоговых поступлений от вновь принятых работников и экономии бюджетных средств в результате сокращения безработицы (например, более низкие расходы на выплату пособий по безработице). Однако Браун с соавторами² утверждает, что такая самокупаемость маловероятна в случае субсидирования заработной платы вследствие больших невозвратных издержек.

Кроме того, после постепенного отказа от субсидий на трудоустройство могут проявиться два дополнительных положительных эффекта: скрининга и формирования навыков³. Во-первых, на рынках труда, характеризующихся информационной асимметрией, скрининг позволяет фирмам узнавать о производительности работников, что в конечном счете приводит к долгосрочной занятости. Во-вторых, во время субсидируемой занятости работники могут адаптировать или совершенствовать свои навыки с помощью обучения на практике, что, возможно, повысит их шансы на трудоустройство в будущем⁴. Кроме того, субсидирование рекрутирования и заработной платы может сделать рынки труда более устойчивыми при условии, что они будут обусловлены наймом определенных категорий представителей уязвимых слоев населения.

В целом, несмотря на то что субсидии на трудоустройство могут снизить уровень безработицы среди целевых групп, их чистый эффект в контексте создания рабочих мест (особенно в долгосрочной перспективе) и уровня заработной платы неоднозначен и остается вопросом для эмпирических исследований.

Пособия по безработице. В отличие от ранее обсуждавшихся субсидий на трудоустройство, предоставляемых фирмам, пособия по

¹ *Brown A. J. G., Merkl C., Snower D. J. Comparing the effectiveness of employment subsidies // Labour Economics 2011. Vol. 18, № 2. P. 168–179.*

² *Ibid.*

³ *Brown A. J. G. Op. cit.*

⁴ *Brown A. J. G., Koettl J. Op. cit.*

безработице выплачиваются работникам с целью вызвать изменения в предложении рабочей силы. По сути, они являются перераспределительными инструментами, преследующими двойную цель: создать стимулы к труду и обеспечить поддержку доходов. В широком смысле они направлены на поддержание привязанности к рынку труда работников с низкими доходами путем увеличения их чистого дохода. Кроме того, решается задача поощрения неактивных работников к поиску рабочих мест. Последнее осуществляется путем проверки их нуждаемости и увеличения разрыва между трудовыми и нетрудовыми доходами, получаемыми в силу отсутствия работы¹.

Работники должны быть трудоустроены и иметь доход ниже определенного уровня, чтобы у них было право на пособие по безработице. Таким образом, подобный подход побуждает тех, кто находится за пределами рынка труда, искать работу, чтобы получить доступ к пособиям по безработице. Однако такая схема также может препятствовать работающим трудиться дольше, поскольку они будут постепенно лишены права на пособие по безработице, как только их доход превысит определенный порог². Аналогичным образом, если право на получение пособия основано на семейном доходе, пособия по безработице могут снижать стимулы к труду и иметь негативные последствия для предложения рабочей силы лиц, получающих вторичный доход (то есть замужних женщин). То, какой эффект будет преобладать, зависит от уровня и структуры пособий, а также от институциональных условий, характерных для конкретной страны.

Помимо положительного влияния на уровень занятости и долю рабочей силы в общей численности населения, высокие пособия по безработице могут также сократить число работающих бедных за счет общего увеличения дохода населения. Тем не менее если эти льготы (высокие пособия) являются постоянными, работники теряют стимул инвестировать в человеческий капитал и могут застрять в «ловушке» низкой заработной платы³.

Использование налоговых льгот по безработице будет зависеть от альтернативных вариантов, например развития существующих схем социальной помощи. Некоторые данные из США свидетельствуют, что схема налогового зачета за заработанный доход (EITC) действи-

¹ *Immervoll H., Pearson M.* A Good Time for Making Work Pay? Taking Stock of In-Work Benefits and Related Measures across the OECD. P. : OECD, 2009.

² *Boeri T., Ours J. C., van.* The Economics of Imperfect Labor Markets. Princeton, N. J. : Princeton Univ. Press, 2008.

³ *Brown A. J. G., Koettl J.* Op. cit.

тельно снижает вероятность получения пособий по социальной защите, но не выводит бенефициаров из программы¹.

Обоснование налоговых льгот по безработице тесно связано с уровнем минимальной заработной платы. Последний призван обеспечить минимальный достаточный уровень жизни и не допускать появления работающих бедных. Другими словами, она помогает низкоквалифицированным работникам и работникам с низкими доходами получать достаточный трудовой доход, чтобы не оказаться за чертой бедности. Стандартный контраргумент против повышения уровня минимальной заработной платы заключается в том, что это может уменьшить спрос на низкоквалифицированных работников, если их предполагаемая производительность будет ниже обязательного уровня минимальной заработной платы². Это влияние минимальной заработной платы на низкоквалифицированную занятость усиливает аргументы в пользу пособий по безработице, которые, по сути, перекладывают бремя с фирм на правительства и обуславливают тем самым значительные бюджетные расходы.

Кроме того, изменение предложения рабочей силы, вызванное выплатой пособий на рабочем месте, может привести к снижению заработной платы до уплаты налогов. От этого выигрывают работодатели, а не работники с низким доходом³. Пособия по безработице могут также деформировать спрос на рабочую силу. В странах с низкой минимальной заработной платой и сравнительно большими пособиями по безработице фирмы, стремясь снизить издержки, будут по возможности предлагать вакансии с низкой оплатой. Тем самым еще больше усугубляется проблема распространенности низкой заработной платы. В условиях высокого обязательного уровня минимальной заработной платы подобное поведение фирм уже затруднено, поскольку заработная плата не может опуститься ниже определенного уровня.

Ноймарк и Ушер⁴ исследовали вопрос о влиянии минимальной заработной платы на эффективность пособий по безработице. Они утверждают, что характер взаимодействия минимальной заработной

¹ *Nichols A., Rothstein J.* The Earned Income Tax Credit". In *Economics of Means-Tested Transfer Programs in the United States* / ed. by R. A. Moffitt. Chicago : Univ. of Chicago Press, 2016. Vol. 1. P. 137–218.

² *Neumark D.* Employment Effects of Minimum Wages: When Minimum Wages are Introduced or Raised, Are There Fewer Jobs? // *IZA World of Labor*. 2018. № 6.

³ *Rothstein J.* Is the EITC Equivalent to an NIT? Conditional Cash Transfers and Tax Incidence // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. 2009. № 14966.

⁴ *Neumark D., Wascher W.* Does a Higher Minimum Wage Enhance the Effectiveness of the Earned Income Tax Credit? // *ILR Review*. 2011. Vol. 64, № 4. P. 712–746.

платы и пособия по безработице вариативен в разных социально-демографических группах. В частности, пособие по безработице в сочетании с более высокой минимальной заработной платой эффективно для матерей-одиночек и других неполных семей с детьми. Напротив, более высокая минимальная заработная плата усиливает негативное влияние пособий низкоквалифицированных лиц, не имеющих детей. Такие люди не имеют права на получение пособий по безработице, в то время как высокая минимальная заработная плата будет препятствовать их трудоустройству.

Николс и Ротштейн¹ представляют всесторонний обзор литературы о влиянии пособий по безработице с более широким охватом стран. Авторы приходят к выводу, что пособия являются успешным инструментом борьбы с бедностью. Что касается результатов на рынке труда, то существует консенсус в отношении эффективности пособий по безработице для стимулирования повышения эффективности участия матерей-одиночек в качестве рабочей силы в Великобритании и США², в то время как в Нидерландах это влияние незначительно³. В противоположность этому существуют свидетельства того, что пособия по безработице негативно влияют на лиц, получающих вторичный доход (например, замужних женщин), и не оказывают влияния на мужчин. Что касается вопроса о том, как пособие влияет на рыночную заработную плату, имеющиеся данные свидетельствуют, что работодатели низкооплачиваемых работников могут получать (по крайней мере, частично) выгоды за счет снижения заработной платы до вычета налогов. Особенно это справедливо для низкоквалифицированных работников, ограниченных в правах на получение пособия по безработице.

Как обстоят дела с пособиями по безработице на протяжении всего бизнес-цикла? Их перераспределяющая роль может проявиться во время подъема. Однако вряд ли это будет иметь место во время рецессий, поскольку они не являются контрциклическими⁴. Пособия по безработице хорошо подходят для увеличения предложения рабо-

¹ *Nichols A., Rothstein J.* Op. cit.

² *Did Working Families' Tax Credit Work? The Impact of In-work Support on Labour Supply in Great Britain / M. Brewer, A. Duncan, A. Shephard, M. J. Suárez // Labour Economics.* 2006. Vol. 13, № 6. P. 699–720.

³ *Linden B., van der.* Do In-work Benefits Work for Low-skilled Workers? // *IZA World of Labor.* 2021. № 246.

⁴ *Bitler M., Hoynes H., Schanzenbach D.* The Social Safety Net in the Wake of COVID-19 // *National Bureau of Economic research Working Paper.* 2020. № 27796 ; *Linden B., van der.* Op. cit.

чей силы домохозяйств с низкими доходами, но они не предназначены для защиты их от потери работы и не выступают в качестве системы социальной защиты¹. В частности, низкоквалифицированные работники могут потерять рабочие места не только во время спадов, но и в условиях технологических изменений и постоянно растущей внешней конкуренции.

Защита от безработицы. Страхование по безработице является центральным элементом пассивной политики на рынке труда. Пособия по безработице, в частности, защищают работников от риска потери работы, предлагая им компенсационный доход, который либо пропорционален, либо не зависит от их последнего дохода. В частности, пособия сглаживают потребление уволенных работников и предотвращают их преждевременный уход с рынка труда, так как стимулируют к поиску новой работы. С другой стороны, социальные выплаты безработным обеспечивают поддержку дохода домохозяйствам с низким доходом и должны отличаться от пособий, которые не подвергаются проверке на нуждаемость и выплачиваются строго по установленному регламенту всем безработным, имеющим на них право². Пособия превосходят социальные выплаты с точки зрения сглаживания колебаний потребления вынужденно безработных. При этом социальные выплаты играют большую роль в процессе перераспределения доходов в пользу бедных домохозяйств и охватывают более широкие слои населения³. С макроэкономической точки зрения обе формы поддержки безработных действуют как автоматические стабилизаторы, так как имеют контрциклическую природу.

Пособия по безработице различаются в отдельных странах с точки зрения условий их выплаты и размеров⁴. К таким условиям относятся минимальная продолжительность трудового стажа до потери работы (работники с относительно минимальным стажем работы могут не иметь права на получение пособия) и причины увольнения (обычно применяются ко всем тем, кто был уволен по причинам, не связанным с неправомерным поведением). Часто для получения пособия требуется активное применение инструментов политики на рынке труда, например прохождение обязательной профессиональной переподготовки. Продолжительность выплаты пособия так или иначе зависит

¹ *Bitler M., Hoynes H., Schanzenbach D.* Op. cit.

² *Vroman W.* Unemployment Insurance and Unemployment Assistance: A Comparison // World Bank Social Protection Discussion Paper. 2002. № 24084.

³ *Vodopivec M.* Comparing Unemployment Insurance and Unemployment Assistance // World Bank Employment Policy. 2004. № 3.

⁴ *Boeri T., Ours J. C., van.* Op. cit.

от продолжительности трудового стажа. В отличие от этого, социальные выплаты безработным обычно охватывают лиц с небольшим, недостаточным или отсутствующим предыдущим опытом работы. В частности если безработные с низким доходом не удовлетворяют критериям для получения пособия (например, минимальное количество месяцев, которые ранее отработали), они могут иметь право на получение социальных выплат.

Структура системы социальной поддержки безработных вариативна в разных странах. Пособие по безработице и социальные выплаты либо являются самостоятельными мерами, либо интегрированы (двухуровневые системы). В частности, пособия выступают в качестве инструмента для того, чтобы войти в положение безработного. Как только срок возможного получения пособия истекает, безработные могут претендовать на социальные выплаты при условии, что их доход ниже определенного порога. Например, австралийская система полностью основана на социальных выплатах, в то время как австрийская является примером двухуровневой системы: здесь можно подать заявку на пособие на срок до одного года, а по истечении этого периода безработные с низким доходом могут иметь право на получение социальной выплаты.

Около 22 % безработных во всем мире получают пособие, хотя их доля в разных странах варьирует в зависимости от уровня как развития национальной экономики, так и доходов отдельных групп работающих¹. Этот показатель особенно низок в Африке (5,6%) и Северной и Южной Америке (16,7 %), несколько выше в регионах Азии и Тихого океана (22,5 %), но все еще заметно ниже уровня охвата, наблюдаемого в странах с высоким уровнем дохода².

Асенхо и Пиньятти³ показывают, что в 2015 году уровень охвата различался в диапазоне от 100 % в странах с развитой экономикой (а именно в Австрии, Бельгии, Финляндии и Германии) до менее 10 % в некоторых из выбранных развивающихся стран (Колумбия, Сербия и Турция). Таким образом, степень охвата существенно ниже в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах, которые также характеризуются значительно более высокой долей работни-

¹ World Social Protection Report 2017–2019: Universal Social Protection to Achieve the Sustainable Development Goals. Geneva : ILO, 2017.

² World Employment and Social Outlook: Trends 2020 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang-en/index.htm>.

³ Asenjo A., Pignatti C. Unemployment Insurance Schemes around the World: Evidence and Policy Options // ILO Research Department Working Paper. 2019. № 49.

ков, не имеющих права на получение НБ, и более высоким уровнем бедности населения. Существующие в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах схемы страхования по безработице считаются недостаточными для реальной защиты интересов безработных. Кроме того, отсутствие достаточного пособия практически не удерживает безработных на официальном рынке труда, тем самым создается предпосылка для роста неформальной занятости.

Большинство источников финансирования систем социального страхования определяются государственной политикой. Применяемые в разных странах модели подразделяются на две большие группы. В первую группу входят страны с бисмарковским типом государства всеобщего благосостояния, который основан на взносах социального страхования, уплачиваемых как работодателями, так и работниками. В некоторых странах взнос полностью оплачивается работодателем. Ставка взносов значительно варьирует в разных странах: примерно от 1 % ВВП в Албании до 8 % в Дании¹. Любого дефицит средств, как правило, покрывается правительством. Во вторую группу входят некоторые развитые страны, где пособие по безработице финансируется за счет общих налогов. Социальные выплаты с проверкой нуждаемости полностью финансируются государством в обеих системах².

Ожидается, что более «щедрое» источники финансирования пособий снизят интенсивность поиска работы и увеличат продолжительность периодов безработицы. Лавиль³ показывает, что продолжительность использования источников финансирования также имеет значение для рынка труда. В частности, крупные долгосрочные интервенции (допустим 170 недель) увеличивают продолжительность безработицы и сокращают число трудоустроенных, в то время как небольшие интервенции (например, продолжительностью 13 недель) не обязательно увеличивают периоды пребывания без работы. Кроме того, интенсивность поиска работы возрастает по мере приближения момента прекращения использования источников финансирования. К тому же, выплаты по безработице зависят от дохода домохозяйства и могут отрицательно влиять на выбор предложения рабочей силы другими членами семьи⁴.

¹ *Asenjo A., Pignatti C. Op. cit.*

² *Vroman W. Op. cit.*

³ *Lalive R. Unemployment Benefits, Unemployment Duration, and Post-unemployment Jobs: A Regression Discontinuity Approach // American Economic Review. 2007. Vol. 97, № 2. P. 108–112.*

⁴ *Vroman W. Op. cit.*

Кроме того, объемы финансирования пособий и социальных выплат также могут влиять на позицию работников после трудоустройства. Более высокие размеры пособий могут усилить переговорную позицию наемных работников и таким образом оказывать повышательное давление на заработную плату. Тем самым могут быть снижены темпы создания рабочих мест. Более «щедрые» источники финансирования также могут повысить качество поиска работы¹. Другими словами, длительный срок использования источника финансирования может быть полезен в той мере, в какой он позволяет работникам искать работу, соответствующую их основным компетенциям. Усилия, направленные на поиск работы, становятся интенсивнее по мере приближения окончания срока выплаты пособия. По мере увеличения продолжительности пребывания без работы целевая заработная плата снижается². Иными словами, работники, которые имеют право на пособие в течение длительного временного отрезка, должны демонстрировать меньшие усилия по поиску работы и более высокие целевые ожидания по заработной плате.

Аджемоглу и Шимер³ показывают, что в ситуациях, когда работники не склонны к риску, умеренные размеры финансирования социальной поддержки способствуют повышению уровня выпуска и улучшению состава рабочих мест. Понятно, что источники финансирования социальной поддержки защищают работников, не склонных к риску, и побуждают их брать на себя больше рисков, например искать более высокооплачиваемую работу, предполагающую высокий риск безработицы. Наконец, при условии, что только лица, активно ищущие работу, имеют право на получение пособия, рост размера пособий может создать стимулы для неактивных лиц начать поиск работы. В результате растёт доля рабочей силы в общей численности населения и число безработных⁴.

С одной стороны, неразвитая система защиты от безработицы может поддерживать «порочный круг» возможностей трудоустройства для безработных с ограниченной квалификацией, которые часто «вынуждены» принять первое предложение о работе. Тем самым люди оказываются привязаны к низкооплачиваемой работе. Усиливается

¹ *Tatsiramos K., Ours J. C., van. Labor Market Effects of Unemployment Insurance Design // Journal of Economic Surveys. 2014. Vol. 28, № 2. P. 284–311.*

² *Marinescu I., Skandalis D. Unemployment Insurance and Job Search Behavior // Quarterly Journal of Economics 2021. Vol. 136, № 2. P. 887–931.*

³ *Acemoglu D., Shimer R. Efficient Unemployment Insurance // Journal of Political Economy. 1999. Vol. 107, № 5. P. 893–928.*

⁴ *Boeri T., Ours J. C., van. Op. cit.*

несоответствие качества рабочих мест реальному потенциалу работников. С другой стороны, пособия позволяют безработным быть более избирательными в поиске работы. Четти¹ показывает, что влияние пособий на более длительные периоды пребывания без работы (60 %) обусловлено эффектом ликвидности, а не моральным риском. Тем не менее получатели пособий могут в конечном счете стать жертвами структурной безработицы, если потеряют работу до того, как смогут найти новую. В целом теоретические прогнозы показывают, что схемы страхования по безработице снижают мотивацию к трудоустройству и увеличивают периоды безработицы. В принципе это должно компенсироваться улучшением качества трудовой деятельности и жизни в целом после нахождения работы.

С макроэкономической точки зрения пособия действуют как автоматические стабилизаторы совокупного спроса, то есть сглаживают колебания доходов (потребление). Таким образом, при разработке схемы финансирования выплат пособий по безработице следует учитывать компромисс между издержками, связанными с демотивацией к трудоустройству, и выгодами, соотносимыми с эффектом сглаживания потребления и более качественным подбором рабочих мест, что является особой проблемой в странах с формирующимся рынком и развивающихся.

Так, Дюваль и Лунгани² выступают за то, чтобы в развивающихся странах пособия по безработице были существенно ниже, чем в странах с развитой экономикой, характеризующихся низким уровнем неформальной занятости. Они утверждают, что безработные в странах с формирующимся рынком и развивающихся странах с большей вероятностью будут заняты в неформальном секторе, получая при этом пособие. Тем самым усиливается демотивационный эффект в отношении формальной занятости. Эта традиционная точка зрения, однако, недооценивает тот факт, что пособия по безработице позволяют сохранить определенный уровень дохода после потери работы. Соответственно, они очень важны в странах, где уровень дохода сравнительно низок. Бедные слои работников с большей вероятностью пострадают от негативных потрясений и с меньшей вероятностью будут иметь достаточно сбережений, чтобы компенсировать временную

¹ *Chetty R.* Moral Hazard versus Liquidity and Optimal Unemployment Insurance // *Journal of Political Economy*. 2008. Vol. 116, № 2. P. 173–234.

² *Duval R., Loungani P.* Designing Labor Market Institutions in Emerging and Developing Economies: Evidence and Policy Options // *IMF Staff Discussion Note*. 2019. № SDN-19-04.

потерю заработной платы. В странах с более крупным неформальным сектором затраты на повышение эффективности долгосрочных пособий не обязательно высоки, они могут даже снижаться за счет дальнейшего роста неформальной занятости на рынке труда¹.

Наконец, недавние исследования были сосредоточены на изучении того, должен ли уровень пособий меняться в течение бизнес-цикла. Ландайс и другие² утверждают, что оптимальная схема финансирования пособий зависит от состояния рынка труда. Пособия должны быть более высокими во время рецессий, чем в периоды подъемов.

Пенсии по старости. Пенсии по старости представляют собой наиболее распространенную во всем мире меру защиты доходов, при этом их получают около 70 % лиц, достигших установленного законом пенсионного возраста³. Показатели охвата сильно различаются в зависимости от страны. В государствах с высоким уровнем дохода, особенно в Северной Америке и Европе, показатели охвата близки к 100 %, в то время как в Африке, Южной Азии и арабских государствах более 70 % населения старше пенсионного возраста не получают пенсию.

Государственные расходы на выплату пенсий и пособий по инвалидности для лиц старше установленного законом пенсионного возраста составляют почти 7 % мирового ВВП, варьируя от 10,7 % в Европе до менее 2 % в странах Африки к югу от Сахары и Юго-Восточной Азии. Демографические изменения, связанные с увеличением продолжительности жизни, привели к росту опасений по поводу фискальной устойчивости пенсионных систем и соответственно к призыву их реформировать в развитых странах. Действительно, доминирующий политический дискурс вокруг пенсионных схем сосредоточен на повышении установленного законом пенсионного возраста. Вместе с тем в большинстве стран с формирующимся рынком и развивающихся стран показатели охвата населения схемами пенсионного обеспечения значительно ниже. Таким образом, политические дебаты в настоящее время больше сосредоточены на неспособности

¹ Gerard F., Gonzaga G. Informal Labor and the Efficiency Cost of Social Programs: Evidence from the Brazilian Unemployment Insurance Scheme // National Bureau of Economic Research Working Paper. 2018. № 22608.

² Landais C., Michaillat P., Saez E. Optimal Unemployment Insurance over the Business Cycle // National Bureau of Economic Research Working Paper. 2010. № 16526.

³ World Employment and Social Outlook: Trends for Women 2017 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2017. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends-for-women2017/lang--en/index.htm>.

пенсионных систем обеспечить адекватную защиту от потери дохода для людей пожилого возраста.

В Докладе о социальной защите в мире за 2017–2019 годы¹ отмечается, что даже в странах, которые ввели универсальные пенсионные схемы для работающего населения старше определенного возраста, их уровень зачастую недостаточен для удержания благосостояния работников пожилого возраста выше черты бедности. Также данные схемы зачастую исключают работников неформального сектора, который составляет значительную часть национальных рынков труда. Таким образом, гарантированный доход пожилых людей и право на получение пенсионных выплат тесно связаны с неравенством, существующим на рынке труда.

Эта картина выглядит еще более тревожной, когда мы смотрим на гендерный разрыв в пенсиях. Например, в Албании 100 % мужского населения старше установленного законом пенсионного возраста получают пенсию по старости, в отличие от примерно 60 % женщин². Однако эти различия в пенсионном обеспечении связаны не только с условиями получения пенсии (например, работники формального и неформального секторов, женщины и мужчины), но и с уровнем выплат. Например, в Европейском союзе женщины в среднем имеют право на пенсию, которая на 40 % ниже, чем у мужчин. Гендерный разрыв в пенсиях колеблется от 4 % в Эстонии до 46 % в Нидерландах. Это прямое следствие существующего гендерного неравенства на рынке труда. Другими словами, исторически сложившийся разрыв в заработной плате выражен в пенсионном разрыве. Однако это не всегда так, поскольку государственные пенсионные схемы могут включать некоторые прогрессивные функции, которые обеспечивают всеобщий охват независимо от послужного списка заявителя³.

Пенсионные системы финансируются либо через систему «плати по мере использования», когда текущие пенсионные взносы финансируют (по крайней мере, частично) текущие пенсионные выплаты, либо через индивидуальные счета (где текущие пенсионные выплаты эквивалентны прошлым взносам и рыночной доходности по ним). Уровень пенсионного дохода может основываться либо на расчете

¹ Working on a Warmer Planet: The Impact of Heat Stress on Labour Productivity and Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf.

² World Employment and Social Outlook: Trends for Women 2017...

³ Tinios P., Bettio F., Betti G. Men, Women and Pensions. Brussels : European Commission, 2015.

пожизненных взносов (так называемые установленные взносы), либо на стаже работы и окончательной заработной плате (так называемые фиксированные выплаты). Тем не менее во многих национальных пенсионных схемах используется многоуровневый подход, который, по сути, сочетает в себе элементы, рассмотренные выше¹.

Влияние выхода на пенсию на предложение рабочей силы очевидно. Он напрямую сокращает предложение рабочей силы за счет оттока занятых с рынка труда. Эмпирические данные свидетельствуют, что выход на пенсию, как правило, подразумевает прямой переход от полной занятости к заслуженному отдыху².

Многие исследования сосредоточены на том, как изменения в установленном законом пенсионном возрасте и другие стимулы влияют на предложение рабочей силы пожилых людей в развитых странах, в то время как литература по развивающимся странам в основном сосредоточена на мерах по сокращению бедности. Помимо этого, решение о выходе на пенсию зависит и от ряда других факторов, таких как структура государственной пенсионной схемы, состояние здоровья и варианты досрочного выхода на пенсию.

Институциональная структура является ведущим фактором, объясняющим занятость людей пожилого возраста. Государственные пенсионные системы часто опираются на установленный законом пенсионный возраст (в среднем 65 лет). Тем не менее люди могут принять решение о выходе на пенсию до или после этого, исходя из стимулов, присущих структуре конкретной государственной пенсионной системы. Иногда программы досрочного выхода на пенсию предлагаются с целью сокращения безработицы (например, для стимулирования смены поколений). Тем не менее работники могут выйти на пенсию до наступления установленного законом пенсионного возраста с помощью альтернативных способов, в том числе путем получения пособия по инвалидности и безработице³.

Стаубли и Цвеймюллер⁴ исследуют влияние австрийской государственной пенсионной реформы, которая повысила возраст раннего выхода на пенсию. Они обнаружили, что это привело к повышению как занятости, так и безработицы в пострадавшей возрастной группе.

¹ *Tinios P., Bettio F., Betti G.* Op. cit.

² *Blundell R., French E., Tetlow G.* Retirement Incentives and Labor Supply // Handbook of the Economics of Population Aging / eds by J. Piggott, A. Woodland. Amsterdam : North-Holland Publishing Company, 2016. P. 457–566.

³ *Boeri T., Ours J. C., van.* Op. cit.

⁴ *Staubli S., Zweimüller J.* Does Raising the Early Retirement Age Increase Employment of Older Workers? // Journal of Public Economics. 2013. № 108. P. 17–32.

Реакция проявилась особенно отчетливо среди высокооплачиваемых работников с хорошим здоровьем. В отличие от этого, реформа не оказала существенного влияния на привязанность к рынку труда людей с низкой заработной платой и не очень здоровых людей, которые выбрали альтернативы программам досрочного выхода на пенсию (то есть пособия по инвалидности и безработице). В конечном счете сокращение государственных расходов, положенное в основу реформы, было частично компенсировано ростом пособий по безработице и инвалидности. Кроме того, Сузар и другие авторы¹, изучив последствия повышения установленного законом и досрочного пенсионного возраста для женщин в Эстонии, сообщают, что эти две реформы значительно повысили уровень занятости женщин, проходящих лечение.

В системах с установленными взносами работники имеют стимулы продолжать работать и выходить на пенсию позже, поскольку их будущая пенсия будет увеличиваться с дополнительными годами взносов, в то время как в системах с установленными выплатами у людей меньше стимулов работать после достижения стандартного или раннего пенсионного возраста. До достижения установленного законом или досрочного пенсионного возраста у них есть двойной стимул продолжать работать, поскольку уровень пенсии увеличивается с повышением продолжительности трудовой деятельности и ростом заработной платы (последнее справедливо только в том случае, если заработная плата растет с увеличением стажа работы). Кроме того, на стимулы к труду может повлиять корректировка пенсионных выплат при раннем или позднем выходе на пенсию². Например, если пенсии будут скорректированы в сторону понижения для ускорения выхода на пенсию, то это, скорее всего, отсрочит принятие решений о выходе на пенсию и вывод работников из состава рабочей силы.

Эрнст и Тойбер³ использовали «модель пересекающихся поколений» для Нидерландов, чтобы оценить влияние различных реформ в области налоговых льгот. В этой стране пенсии по старости назначаются всем людям в возрасте 65 лет и старше, независимо от взносов, при условии, что они прожили в стране большую часть своей жизни. Они утверждают, что снижение уровня пенсии, вероятно, повысит

¹ Soosaar O., Puur A., Leppik L. Does Raising the Pension Age Prolong Working Life? Evidence from Pension Age Reform in Estonia // Journal of Pension Economics and Finance. 2021. Vol. 20, № 2. P. 317–335.

² Blundell R., French E., Tetlow G. Op. cit.

³ Ernst E., Teuber T. The Dutch Tax-Benefit System and Life-Cycle Employment: Outcomes and Reform Options // OECD Economics Department Working Papers. 2008. № 617.

активность пожилых работников в контексте досрочного или отсроченного выхода на пенсию. При этом на уровень благосостояния пенсионеров не будет оказано негативного влияния.

Однако немаловажным фактором, которым не стоит пренебрегать, является здоровье. Ухудшение состояния здоровья может сделать пожилых работников невосприимчивыми к изменениям установленного законом пенсионного возраста или введению финансовых стимулов. В литературе, например в работе Блундера¹, подтверждается гипотеза, что здоровье является значимым фактором, объясняющим (по крайней мере, частично) решения о выходе на пенсию и, соответственно, различия в продолжительности занятости пожилых людей. Кроме того, лица с серьезными проблемами со здоровьем могут иметь право на получение пособий по нетрудоспособности, которые часто зависят от периодов пребывания без работы. Это также оказывает негативное влияние на уровень занятости пожилых людей.

Пособия по инвалидности. Это финансируемые государством схемы поддержки доходов, которые предлагают помощь в денежной и (или) натуральной форме, предназначенную для лиц с функциональными нарушениями и серьезными проблемами со здоровьем². Разрыв в уровне занятости между людьми с инвалидностью и без инвалидности значителен. Джонс³ сообщает, что в 2011 году этот разрыв в занятости варьировался от 10 % в Швеции до примерно 35 % в Нидерландах и Венгрии.

Подобные широко распространенные тенденции более ярко проявляются в развивающихся странах, особенно среди женщин⁴. Эта ситуация стала предметом многочисленных исследований, где, с одной стороны, исследуются различные виды дискриминации, с которыми сталкиваются люди с инвалидностью, а с другой — роль пособий по инвалидности в объяснении огромных отличий между инвалидами и неинвалидами в сфере занятости. Несмотря на разные политические и нормативные инициативы, направленные на искоренение дискриминации, с которой сталкиваются инвалиды на рынке труда, мно-

¹ *Blundell R., French E., Tetlow G.* Op. cit.

² *World Social Protection Report 2017–2019...*

³ *Jones M.* Disability and Labor Market Outcomes // IZA World of Labor. 2021. № 253. P. 1–11.

⁴ *Stoewska V.* International Day of Persons with Disabilities: How Disability Affects Labour Market Outcomes // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2020. URL: <https://ilostat.ilo.org/international-day-of-persons-with-disabilities-how-disability-affects-labour-market-outcomes/>.

гие ее аспекты по-прежнему сохраняются с точки зрения как доступа, так и справедливости.

Например, эмпирические данные из Франции свидетельствуют, что введение обязательных квот для инвалидов, направленное на содействие их трудоустройству в частном секторе, не принесло ожидаемых результатов. Джонс¹, Барней и другие² пришли к выводу, что на самом деле эта мера оказала негативное воздействие на рынок труда. Авторы связывают это с возможностью уплаты штрафа, если работодатели отказываются принять на работу кандидата с инвалидностью.

Некоторые развитые страны провели реформы, отвечая на растущее число заявок на получение пособий по инвалидности. Это было обусловлено опасениями касательно финансовой устойчивости существующих схем и их эффективности в содействии интеграции людей с инвалидностью на рынке труда. МакХейл и другие исследователи³ представляют обзор фактических данных о влиянии на занятость недавних реформ, затронувших правовую базу получения пособий по инвалидности, проведенных в странах ОЭСР. Авторы пришли к выводу, что ужесточение условий получения пособий по инвалидности в европейских странах, несомненно, снизило нагрузку на государственные бюджеты в рамках политики бюджетной консолидации. В то же время результаты реформ, проведенных в Канаде и Соединенных Штатах, которые смягчили требования к предоставлению пособий по инвалидности, не дали однозначных результатов. Половина исследований показала, что такой подход значительно сократил занятость людей с инвалидностью, в то время как другая половина не выявила каких-либо закономерностей. Например, Отор и Дагган⁴ показывают, что смягчение критериев получения пособий по инвалидности в США значительно снизило долю рабочей силы в общей численности населения для лиц с низким уровнем образования (то есть тех, кто бросил среднюю школу). Они также указывают на то, что эти люди в два раза чаще уходили с рынка труда под воздействием внешних шоков.

¹ Jones M. Op. cit.

² An Evaluation of the 1987 French Disabled Workers Act: Better Paying than Hiring / T. Barnay, E. Duguet, C. Le Clainche, Y. Videau // *The European Journal of Health Economics*. 2019. Vol. 20, № 4. P. 597–610.

³ What is the Effect of Changing Eligibility Criteria for Disability Benefits on Employment? A Systematic Review and Meta-analysis of Evidence from OECD Countries / P. McHale [et al.] // *PLoS ONE*. 2020. Vol. 15, № 12. P. 1–19.

⁴ Autor D. H., Duggan M. G. The Rise in the Disability Rolls and the Decline in Unemployment // *Quarterly Journal of Economics*. 2003. Vol. 118, № 1. P. 157–205.

Фрутос и Каstellо¹ исследуют обширную административную базу данных в Испании о занятости и состоянии здоровья людей с инвалидностью. Результаты их исследований показывают, что в среднем, при прочих равных условиях, вероятность трудоустройства на 5 % ниже для лиц, получающих пособия по инвалидности, чем для их коллег, которые не получают таких пособий. Однако, когда они рассматривают различные уровни инвалидности, демотивация к труду, по-видимому, является значимой только для группы лиц с значительной инвалидностью (то есть близкой к порогу выполнения условий для получения пособия по инвалидности). Этот вывод говорит о том, что простой дихотомический показатель (инвалид или нет) может вводить в заблуждение, поскольку не учитывает различия в стимулах к труду в зависимости от уровня инвалидности.

Наконец, рассмотренные нами программы (пособия по безработице, пенсии по старости, пенсии или пособия по инвалидности) в значительной степени взаимосвязаны. Лоусон² теоретически подтверждает это положение и показывает, что повышение размеров пособий по безработице приводит к значительному сокращению охвата программ страхования по нетрудоспособности. Тем самым обеспечивается значительная экономия бюджетных средств.

Инструменты регулирования занятости, наиболее эффективные для женщин. Гэл и Тейсинг³, используя межстрановые данные по ОЭСР, показывают, что семейные пособия в натуральной форме (то есть субсидируемые услуги по уходу за детьми) положительно коррелируют с уровнем занятости женщин трудоспособного возраста. Таким образом, они могут помочь женщинам вернуться к работе. Напротив, влияние детских семейных пособий, предоставляемых в денежной форме (то есть детских пособий), на занятость женщин минимально. Используя аналогичные данные, но, сосредоточив внимание на показателях полной или частичной занятости женщин, Тевенон⁴ оценивает корреляцию с различными инструментами политики заня-

¹ Frutos E. M. L., Castello J. V. Equal Health, Equal Work? The Role of Disability Benefits in Employment after Controlling for Health Status // The European Journal of Health Economics. 2015. Vol. 16, № 3. P. 329–340.

² Lawson N. Social Program Substitution and Optimal Policy // Labour Economics. 2015. № 37. P. 13–27.

³ Gal P., Theising A. The Macroeconomic Impact of Structural Policies on Labour Market Outcomes in OECD Countries: A Reassessment // OECD Economics Department Working Papers. 2015. № 1271.

⁴ Thévenon O. Drivers of Female Labour Force Participation in the OECD // OECD Social, Employment and Migration. 2013. Working Paper № 145.

тости. Исследования показывают, что степень охвата населения услугами по уходу за детьми положительно коррелирует как с полной, так и с частичной занятостью, в то время как денежные пособия по уходу за детьми положительно коррелирует только с уровнем занятости женщин полный рабочий день. Можно предположить, что более высокий уровень пособий по уходу за детьми способствует переходу женщин от неполной занятости к полной. Также полной занятости женщин способствует предоставление отпуска по беременности и отпуску по уходу за детьми. Однако здесь результаты сильно зависят от конкретного режима социального обеспечения.

Циполлон и другие¹ используют микроданные для изучения детерминант моделей активности женщин на рынке труда в 15 странах ЕС в период с 1994 по 2009 год. Они используют неоднородность стран и различных групп женщин для изучения влияния социальной политики и институтов рынка труда на долю рабочей силы в общей численности населения. Их оценки показывают, что данный фактор оказывает влияние примерно на четвертую часть молодых женщин и третью часть женщин с высоким уровнем образования. Доля рабочей силы в общей численности населения женщин с детьми, независимо от уровня образования, положительно коррелирует с распространением гибкого графика работы. Повышение пособий по уходу за детьми влияет на активность женщин на рынке труда в основном тогда, когда речь идет о специалистах средней и высокой квалификации.

Оливетти и Петронголо² рассматривают влияние семейной политики на гендерный разрыв в занятости и заработной плате в странах с высоким уровнем дохода в период с 1970 по 2010 год. Они указывают, что взаимосвязь между уровнем занятости женщин и правом на отпуск по уходу за ребенком положительна, но не монотонна. В частности, уровень занятости женщин возрастает, когда период выплаты пособий увеличивается до 50 недель. Дальнейшее увеличение периода выплаты данного пособия будет негативно влиять на уровень занятости женщин. Отпуск по уходу за ребенком оказывает большее влияние на заработную плату, нежели на занятость.

¹ *Cipollone A., Patacchini E., Vallanti G.* Female Labor Market Participation in Europe: Novel Evidence on Trends and Shaping Factors // *IZA Journal of European Labor Studies*. 2014. Vol. 3, № 18.

² *Olivetti C., Petrongolo B.* The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-income Countries // *Journal of Economic Perspectives*. 2017. Vol. 31, № 1. P. 205–230.

Мартинс и Пертикара¹ приводят некоторые микроэконометрические данные, основанные на эксперименте, проведенном в Чили, которые свидетельствуют о том, что введение внешкольного ухода за детьми старшего возраста (в возрасте от 6 до 13 лет) оказало положительное влияние на активность женщин на рынке труда. Реализация подобных программ повышает уровень занятости на 5 %, а долю рабочей силы в общей численности населения — на 7 %.

Таким образом вышеупомянутые исследования, как правило, выявляют общее положительное влияние финансируемой государством поддержки ухода за детьми на занятость женщин, особенно когда речь идет о полной занятости. Тем не менее данные о влиянии пособий по беременности и отпуска по уходу за детьми на занятость женщин неоднозначны и предполагают различные интерпретации по отношению к разным возрастным группам занятых женщин и уровню их квалификации.

1.3. МОДЕЛИРОВАНИЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ ФИСКАЛЬНЫХ ИНТЕРВЕНЦИЙ НА РЫНОК ТРУДА

Воздействие налогово-бюджетной политики государства на характер функционирования рынка труда зависит от конкретных трансмиссионных механизмов. В литературе, посвященной функционированию рынка труда на макроуровне, выделяются два основных теоретических подхода. Первый основан на фондовых рынках с институциональными ограничениями. В рамках этого подхода вынужденная безработица возникает вследствие номинальной и реальной ригидности. Более поздние модели сместили акцент на институциональные ограничения (например, минимальная заработная плата, которая, по сути, не позволяет заработной плате полностью адаптироваться к избыточному предложению рабочей силы). Второе направление основано на схеме, которая включает в качестве элементов динамику безработицы в результате создания и уничтожения рабочих мест; процесс сопоставления безработных, ищущих работу, и вакансий; установление заработной платы в ходе переговоров между работниками и фирмами (рис. 1)².

¹ *Martínez A. C., Perticará M. Childcare Effects on Maternal Employment: Evidence from Chile // Journal of Development Economics. 2017. № 126. P. 127–137.*

² *Pissarides C. A. Equilibrium Unemployment Theory. Cambridge, M. A. : MIT Press, 2000.*

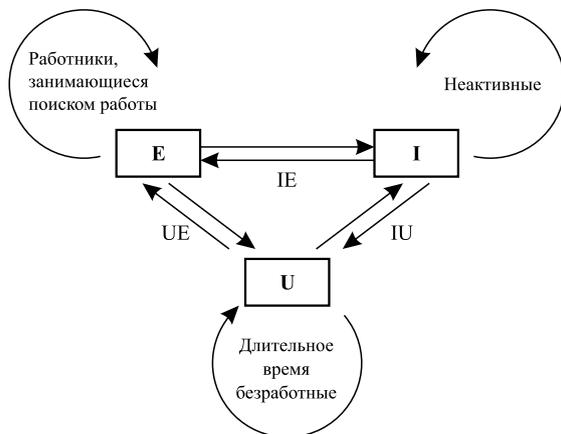

Рис. 1. Поток на рынке труда

Источник: Ernst E. Supporting Jobseekers: How Unemployment Benefits Can Help Unemployed Workers and Strengthen Job Creation // International Social Security Review. 2015. Vol. 68, № 3. P. 43–67.

Модели поиска и сопоставления основаны на анализе потоков рабочей силы, а не запасов¹. Фирмы расширяются и сокращаются, что влияет на показатели найма и увольнения. Темп создания или ликвидации рабочих мест является соответственно убывающей или возрастающей функцией заработной платы. Тем самым рост ставки заработной платы отрицательно влияет на прибыль компании. Кроме того, на количество рабочих мест воздействуют другие факторы (реальные процентные ставки, технологии, спрос или внешняя конкуренция). Как показано на рис. 1, работники теряют работу, переходя от занятости к статусу безработных. Также они находят работу и тем самым переходят от безработных к статусу занятых. В эндогенных моделях потоки рабочей силы также включают переходы от занятости к бездействию, от бездействия к бездействию, например выход на пенсию, материнство и инвалидность, а также переходы от безработицы к бездействию в случае разочарования в перспективах найти работу. Наконец, как только неактивные бездействующие работники возобновляют поиск работы, они переходят либо к статусу занятых, либо к статусу безработных.

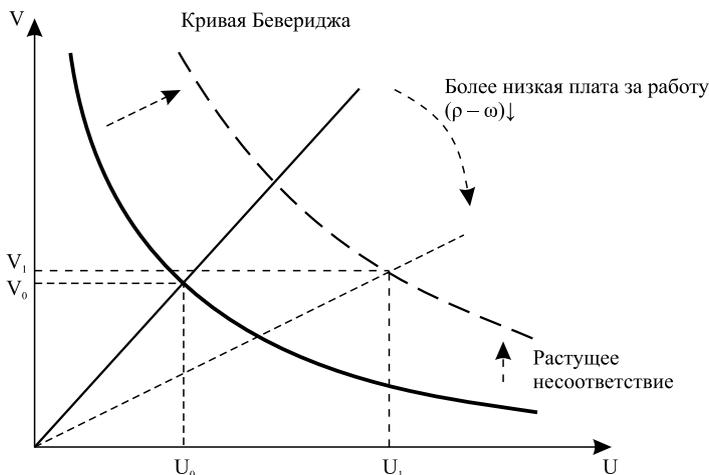
¹ Pissarides C. A. Op. cit.

Процесс поиска является дорогостоящим как для фирм, так и для работников. Всегда есть безработные, которые ищут работу, и вакансии, ожидающие заполнения, поэтому рынок труда непрерывно функционирует. Каждое замещение вакансии влечет за собой плату, которая обсуждается на переговорах между фирмами и работниками. Соотношение между вакансиями и кандидатами зависит от текущей ситуации на рынке труда (то есть от соотношения числа вакансий к числу безработных). В периоды застоя на рынке труда, характеризующегося небольшим количеством вакансий и высоким уровнем безработицы, фирмы будут иметь большую переговорную силу, то есть затраты на поиск новой работы для кандидатов будут высоки. И наоборот, когда на рынке труда много незакрытых вакансий и уровень безработицы низок, работники будут иметь сильную переговорную позицию, в этом случае возрастают затраты фирм на поиск работников.

Ключевым уравнением в модели поиска и сопоставления является кривая Бевериджа, которая представляет собой обратную зависимость количества вакансий и уровня безработицы (рис. 2). Равновесие числа вакансий и безработных (V_0, U_0) представлено пересечением линии создания рабочих мест и кривой Бевериджа. Движения вдоль кривой Бевериджа (сплошной линии) обусловлены циклическими колебаниями, в то время как кривая смещается вправо (см. пунктирную линию) при увеличении несоответствия между спросом на рабочую силу и ее предложением. Несоответствие может возникнуть из-за множества факторов: например, технологический шок может усилить разрыв между требованиями в рамках вакансий и навыками кандидатов. В результате безработица возрастет. Напротив, повышение эффективности рынка труда вызовет смещение кривой Бевериджа влево. Например, развитие образовательных программ может помочь работникам адаптировать свои навыки к новым технологиям. Вместе с тем факторы, влияющие на норму прибыли фирмы ($p - w$), приведут к смещению линии создания рабочих мест. Например, рост пособий по безработице обусловит увеличение заработной платы работников, что снизит прибыльность фирмы. Произойдет нисходящий сдвиг кривой создания рабочих мест, как показано на рис. 2.

Детальный учет динамики рынка труда в макромоделях позволяет получить более полное представление о влиянии мер государственной политики на уровень занятости. Эти модели существенно

улучшены по отношению к вальрасианскому типу рынков труда, хотя и они периодически подвергаются критическим оценкам¹.

Кривая Бевериджа связывает вакансии с лицами, ищущими работу, с помощью функции соответствия $m = m(V, U)$. В равновесии соответствие равно уничтожению рабочих мест: $m(V, U) = \sigma(1 - U)$.

- Рост заработной платы, снижение производительности труда, более высокие затраты на открытие вакансий снижают уровень создания рабочих мест.
- Растущее несоответствие смещает кривую Бевериджа наружу.

Рис. 2. Кривая Бевериджа и функция согласования

Источник: *Ernst E. Supporting Jobseekers: How Unemployment Benefits Can Help Unemployed Workers and Strengthen Job Creation // International Social Security Review. 2015. Vol. 68, № 3. P. 43–67.*

ВЫВОДЫ

В современной экономике рынки труда подвергаются макроэкономическому регулированию прежде всего путем использования институтов рынка труда через бюджетно-налоговую политику или реализации социальных программ. Кроме того, на эффективность

¹ *Shimer R. The Cyclical Behavior of Equilibrium Unemployment and Vacancies // American Economic Review. 2005. Vol. 95, № 1. P. 25–49.*

регулирования рынка труда на макроуровне могут оказывать влияние различные факторы, например режим валютного курса, международная торговля, состояние государственного бюджета, фаза бизнес-цикла. Также большое значение имеет взаимодействие мер бюджетно-налоговой политики и денежно-кредитной политики.

Государственное регулирование рынка труда предполагает использование широкого набора инструментов, таких как непосредственное создание рабочих мест в государственном секторе, образовательные программы, финансовая поддержка различных форм сохранения занятости, пособия по безработице, страхование от безработицы, а также различные схемы пенсионного и социального обеспечения. Эффективность использования различных инструментов варьирует в зависимости от уровня развития страны и общей макроэкономической ситуации. В то же время в большинстве стран мира так или иначе используются вышеупомянутые инструменты. Страны учитывают собственный опыт и практику других государств. Таким образом, вышеупомянутые инструменты макроэкономического регулирования рынка труда имеют не только национальное, но и глобальное значение.

Глава 2

МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ИНСТИТУТ, РЕГУЛИРУЮЩИЙ ЗАНЯТОСТЬ

2.1. МЕЖДУНАРОДНАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ ТРУДА: ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА

Международная организация труда (МОТ) — это учреждение ООН, главной целью которого является создание условий для получения достойной работы и обеспечения соблюдения принципов свободы, равенства, безопасности и норм человеческого достоинства. Также деятельность МОТ направлена на усиление социальной защиты и укрепление диалога между работодателем и наемным работником в решении вопросов, связанных с трудоустройством и профессиональной деятельностью.

МОТ является единственным трехсторонним учреждением ООН, объединяющим представителей государства, работодателей и работников в целях совместной разработки политики занятости. В состав МОТ входит 187 государств.

МОТ была создана в 1919 году в рамках Версальского договора, положившего конец Первой мировой войне. Создание МОТ означало утверждение представления о том, что всеобщий и прочный мир может быть достигнут только в том случае, если он основан на социальной справедливости. Основатели МОТ были привержены идее распространения гуманных условий труда и борьбы с несправедливостью, лишениями и бедностью. В 1944 году, во время очередного международного кризиса, члены МОТ приняли Филадельфийскую декларацию, в которой говорится, что труд не является классическим товаром. Основные права человека излагаются в соответствии с принципом «Бедность представляет собой опасность для процветания во всем мире».

МОТ в 1946 году вошла в состав созданной незадолго до этого Организации Объединенных Наций. В 1969 году, к своему 50-летию, МОТ была удостоена Нобелевской премии мира. В течение первых десятилетий после Второй мировой войны большое количество стран вступило в состав МОТ. Организация расширила перечень направлений своей активности. Были запущены программы технической помощи для предоставления экспертных знаний и помощи правительствам, работникам и работодателям во всем мире, особенно в развивающихся странах.

Еще одной важной вехой для МОТ стал 1998 год, когда делегаты Международной конференции труда приняли Декларацию об основополагающих принципах и правах в сфере труда. Среди них — право на свободу объединений и ведение коллективных переговоров, а также на искоренение детского труда, принудительного труда и любых форм дискриминации, связанной с занятостью. Гарантия этих основополагающих принципов в трудовой сфере важна, так как именно таким образом люди могут получить за свой труд достойную оплату и в полной мере раскрыть при этом свой человеческий потенциал.

Работа имеет решающее значение для благополучия людей. Помимо обеспечения дохода, профессиональная деятельность может проложить путь к социальному и экономическому прогрессу, укрепить положение отдельных людей, их семей и сообществ. Однако такой прогресс зависит исключительно от достойной работы. Интегральное понятие «достойный труд» обобщает чаяния людей в их профессиональной деятельности и охватывает возможности для продуктивной работы, справедливый доход, безопасность на рабочем месте и социальную защиту семей.

Достойный труд означает лучшие перспективы для личного развития и социальной интеграции, а также свободу людей выражать свои опасения и участвовать в принятии решений, которые влияют на их жизнь. Также достойный труд является ключом к искоренению бедности. Если женщины и мужчины будут иметь доступ к достойной работе, они смогут воспользоваться преимуществами международной экономической интеграции. Расширение возможностей достойного труда для большего числа людей является важнейшей предпосылкой сделать глобализацию более социально ориентированной и справедливой.

В 2004 году роль МОТ в продвижении стратегий справедливой глобализации была подтверждена в докладе Всемирной комиссии по социальным аспектам глобализации. Стремление содействовать достойному труду охватывает всю деятельность организации на международном, региональном, национальном и местном уровнях. Объединяя правительства, работодателей и работников с целью установления трудовых норм, контроля за их соблюдением, повышения осведомленности, выработки политики и программ, МОТ стремится обеспечить максимальное приближение принимаемых мер к реальным потребностям работающего населения. МОТ активно сотрудничает с ООН и другими наднациональными институтами в рамках форми-

рования инструментов государственной политики, которые ориентированы на создание предпосылок достойного труда и искоренение бедности.

2.2. СОЦИАЛЬНЫЙ ДИАЛОГ КАК ОСНОВНОЙ ПРИНЦИП ДЕЯТЕЛЬНОСТИ МОТ

В основу работы МОТ положена организация сотрудничества между правительствами, работодателями и работниками с целью содействия социальному и экономическому прогрессу. Данный диалог очень важен для достижения консенсуса по вопросам, имеющим жизненно важное значение в трудовой сфере.

Социальный диалог может означать переговоры, консультации или просто обмен мнениями между представителями работодателей, работников и правительств. Также речь может идти об отношениях между трудящимися и руководством компаний с прямым участием правительства или без него. Социальный диалог — это гибкий инструмент, который позволяет правительствам, работодателям и работникам управлять изменениями и достигать экономических и социальных целей.

Сама структура МОТ, где работники и работодатели имеют равные голоса (наряду с правительствами) в работе ее управляющих советов, демонстрирует социальный диалог в действии. Это гарантирует, что взгляды социальных партнеров будут точно отражены в трудовых стандартах, политике и программах МОТ.

В то же время МОТ помогает правительствам и организациям работодателей и наемных работников устанавливать конструктивные трудовые отношения, адаптировать национальное трудовое законодательство к меняющимся экономическим и социальным условиям и совершенствовать государственное регулирование вопросов занятости. МОТ поддерживает и укрепляет организации работодателей и работников, помогает им создавать условия для ведения эффективного диалога с правительствами и друг с другом.

Общая политика МОТ определяется Международной конференцией труда, которая собирается раз в год и объединяет участников организации. Конференция также принимает новые международные трудовые стандарты и утверждает план работы и бюджет МОТ.

В период между сессиями конференции МОТ руководствуется рекомендациями Административного совета, в состав которого входят 28 представителей правительств, 14 представителей работодателей и 14 представителей наемных работников. Секретариат МОТ,

Международное бюро труда, имеет штаб-квартиру в Женеве (Швейцария) и отделения более чем в 40 странах. В 1999 году Хуан Сомавиа из Чили стал девятым Генеральным директором МОТ и первым представителем Южного полушария, который возглавил организацию.

Основные трудовые стандарты. С первых дней своего существования МОТ стремилась обеспечить защиту прав наемных работников и улучшить условия труда людей за счет создания системы международных трудовых стандартов, выраженных в форме конвенций, рекомендаций и кодексов.

С тех пор МОТ приняла более 180 конвенций и 190 рекомендаций, охватывающих все аспекты сферы труда. Этот свод международного трудового права был рассмотрен Административным советом, который установил, что более 70 конвенций, принятых до 1985 года, сохраняют актуальность, а остальные требуют пересмотра или отмены. Кроме того, были разработаны десятки кодексов. В таких вопросах, как отпуск по беременности и родам или защита мигрантов, эти международные стандарты играют важную роль в процессе совершенствования национального законодательства. МОТ осуществляет надзор за соблюдением установленных и ратифицированных отдельными государствами — членами стандартов, а также предоставляет консультации при разработке национального трудового законодательства.

С принятием Декларации об основополагающих принципах и правах в сфере труда в 1998 году государства — члены МОТ решили поддерживать ряд основных трудовых норм независимо от того, ратифицировали ли они соответствующие конвенции, — это базовые права человека и основа достойного труда.

Свобода объединений. Право работников и работодателей создавать организации по своему выбору и присоединяться к ним является неотъемлемой частью свободного и открытого общества. Это базовая гражданская свобода, основа социального и экономического прогресса. С этим связано и признание права на коллективные переговоры. Право на голос и представительство в какой-либо инстанции является важной частью достойного труда.

Существование независимых ассоциаций работников и работодателей служит основой трехсторонней структуры МОТ, а их участие в государственной политике прямо или косвенно укрепляет свободу объединений. МОТ предлагает широкий перечень форм поддержки свободы объединений — от консультирования правительств по трудовому законодательству до предоставления образования и обучения профсоюзам и группам работодателей.

Комитет МОТ по свободе объединений был создан в 1951 году для расследования нарушений прав рабочих и работодателей в рамках каких-либо объединений. Комитет рассмотрел более 2 тыс. дел, включая обвинения в убийствах, исчезновениях, физических нападениях, арестах и принудительном изгнании профсоюзных деятелей. Комитет является трехсторонним и рассматривает жалобы в государствах — членах МОТ независимо от того, ратифицировали ли они конвенции о свободе объединений. Через Комитет по свободе объединений и другие механизмы надзора МОТ часто защищает права профсоюзов и организаций работодателей.

Ограничения принудительного труда. Согласно экспертным оценкам, не менее 12 млн человек во всем мире являются жертвами принудительного труда, из них 10 млн принудительно работают в частном секторе экономики. Принудительный труд жертв торговли людьми приносит ежегодную прибыль в размере 32 млрд долларов США. Он принимает разные формы, включая долговую кабалу, торговлю людьми и другие формы современного рабства. Наиболее уязвимыми жертвами являются женщины и девочки, которых принуждают заниматься проституцией, мигранты, попавшие в долговую кабалу, а также работники потогонных цехов или ферм, удерживаемые там незаконными методами и получающие за свой труд крайне низкую оплату.

МОТ с момента своего создания работает над решением проблемы принудительного труда и условий, которые его порождают. Была учреждена Специальная программа действий по принудительному труду для активизации этих усилий. В партнерстве с работниками, работодателями и другими международными организациями МОТ стремится рассмотреть все аспекты принудительного труда. Действия МОТ вариативны — от превентивных мер, включая проекты по улучшению условий жизни в общинах, откуда происходят жертвы торговли людьми, до поддержки освобожденных рабочих. Последняя мера может включать микрофинансирование для улучшения бытовых условий и облегчения доступа к образованию.

МОТ также настаивает на принятии эффективных национальных законов и создании более сильных механизмов правоприменения, таких как правовые санкции и активное судебное преследование тех, кто эксплуатирует подневольных работников. Тем самым МОТ стремится привлечь внимание к таким нарушениям прав человека и трудовых прав.

Недопустимость детского труда. Во всем мире работают более 200 млн детей, многие из которых трудятся полный рабочий день. Они лишены надлежащего образования, заботы о здоровье и основных свобод. Из них 126 млн (или каждый 12-й ребенок во всем мире) подвергаются опасным формам детского труда, которые ставят под угрозу их физическое, умственное или моральное благополучие. За последние 15 лет мир осознал, что детский труд является острой социальной, экономической проблемой и нарушением прав человека. Сегодня детский труд во всем мире сокращается, и если эта тенденция сохранится, его особо опасные формы могут быть ликвидированы в ближайшее десятилетие. Это прямой результат мощного международного движения за искоренение детского труда.

Это движение происходит в беспрецедентных темпах, с которыми страны ратифицируют Конвенцию МОТ № 182 «О запрещении и немедленных мерах по искоренению наихудших форм детского труда», принятую в 1999 году 90 % государств — членов МОТ. Аналогичным образом Конвенция МОТ № 138 «О минимальном возрасте для приема на работу», принятая в 1973 году, в настоящее время ратифицирована 80 % входящих в МОТ стран. В 1992 году была принята Международная программа по искоренению детского труда (ИПЕК). В настоящее время она охватывает более чем 80 стран.

Политика и программы МОТ направлены на то, чтобы помочь детям получить образование и подготовку, необходимые для того, чтобы стать продуктивными взрослыми людьми, имеющими достойную работу.

Недопустимость трудовой дискриминации. Сотни миллионов людей страдают от дискриминации в сфере труда. Это не только нарушает самое основное право человека, но и имеет более широкие социальные и экономические последствия. Дискриминация сужает возможности развития талантов человека, необходимых для экономического прогресса. Тем самым усугубляются социальная напряженность и неравенство. Борьба с трудовой дискриминацией является важным направлением деятельности МОТ. Например, поддерживая свободу объединений, МОТ стремится предотвратить дискриминацию в отношении членов и должностных лиц профсоюзов.

Программы по борьбе с принудительным и детским трудом включают помощь девочкам и женщинам, которых зачастую обманым путем заставляют заниматься проституцией и принудительным домашним трудом. Недискриминация является основным принципом Кодекса практики МОТ в области ВИЧ/СПИДа и трудовой сферы.

Руководящие принципы МОТ по трудовому законодательству включают положения о дискриминации.

Также важной задачей деятельности МОТ является обеспечение гендерного равенства. Речь идет о постоянных и разнообразных проблемах, с которыми сталкиваются женщины на рынке труда. Женщины по-прежнему зарабатывают меньше мужчин, преобладают в низкооплачиваемых и менее защищенных сферах трудовой деятельности и составляют большинство работников в неформальном секторе. МОТ работает над расширением возможностей трудоустройства для женщин, улучшением условий труда и ликвидацией гендерной дискриминации. Она поощряет женское предпринимательство посредством услуг поддержки, развития бизнеса, обучения, микрофинансирования и документирования передовой практики. Это помогает организациям работников защищать и расширять права женщин на рабочем месте и повышать их роль в профсоюзах и обществе в целом.

Проблемы занятости и уровня дохода. В целом безработица во всем мире довольно высока. Поэтому проблемы занятости должны стать одной из центральных задач экономической и социальной политики. Феномен бедности затрагивает также значительное количество работающего населения. Поэтому необходимо создавать больше продуктивных рабочих мест, совершенствовать международную координацию в макроэкономической политике, которая позволила бы повысить эффективность мер, принимаемых на международном уровне.

МОТ определяет политику, которая ориентирована на создание рабочих мест, предполагающих достойные работу и доход. Именно такие задачи сформулированы в разработанной МОТ Глобальной программе занятости. МОТ проводит исследования и принимает участие в обсуждении стратегий занятости на международном уровне. Особое беспокойство у МОТ вызывает огромное количество незанятых молодых женщин и мужчин (около 50 % молодых людей в мире). МОТ стремится помочь им в проведении политических консультаций, пройти конкретные формы обучения и максимально использовать информационные технологии как инструмент поиска работы.

МОТ инициировала немало проектов в области исследования неформальной занятости. Этот термин используется для описания работы, выходящей за рамки законов и правоприменительных механизмов. Во многих развивающихся странах более половины сельскохозяйственных работников занято в неформальном сегменте

экономики. Большинство женщин в этих странах работают в сфере неформальной уличной торговли. Неформальная работа в большинстве случаев непродуктивная, неоплачиваемая и выполняется в неблагоприятных условиях. Чтобы помочь работникам выйти из неформального сектора, необходимы коммуникационные стратегии, направленные на повышение квалификации и производительности, улучшение правоприменения законов и развитие институтов самоподдержки. Периодические публикации МОТ, в том числе о динамике ключевых показателей рынка, позволяют анализировать тенденции и предоставлять обширные статистические данные.

МОТ оказывает техническую поддержку и консультации в разных областях — от обучения и повышения квалификации до микрофинансирования и развития малого бизнеса. Оказывается консультационная поддержка странам по вопросам занятости, рынка труда и политики в области человеческих ресурсов. Организация также работает над продвижением инвестиций, обеспечивающих занятость в развивающихся странах.

Заработная плата и другие условия труда. Хотя заработная плата может повышаться во многих странах, часто она остается слишком низкой для того, чтобы многие работники могли удовлетворить свои основные потребности. Несмотря на то что у некоторых работников может наблюдаться сокращение времени, которое они посвящают работе, глобальная нестабильность может ослабить гарантии занятости и создать новые трудности для совмещения работы и семьи. Неблагоприятные и опасные условия труда, которые в промышленно развитых странах становятся все более редким явлением, по-прежнему преобладают в развивающихся странах. Между тем во всем мире серьезной проблемой являются стрессовые ситуации, связанные с работой.

Заработная плата, рабочее время, организация и условия труда, адаптация трудовой жизни к жизненным вызовам вне работы являются ключевыми аспектами экономической деятельности и, таким образом, представляют принципиальный интерес для МОТ. Эти вопросы — основные компоненты управления человеческими ресурсами, коллективных переговоров и социального диалога, а также государственной политики.

Социальная защита. Большинство мужчин и женщин во всем мире не имеют надлежащего уровня социальной защиты. Они сталкиваются с опасностями на рабочем месте и с плохим или отсутствующим пенсионным и медицинским страхованием. Некоторым не пре-

доставляется достаточно времени для отдыха, а многие женщины не имеют пособий по беременности и родам. ООН признают социальную защиту одним из основных прав человека. Более того, хорошо продуманные системы социального обеспечения улучшают экономические показатели и способствуют повышению конкурентоспособности хозяйствующих субъектов. МОТ стремится помочь странам распространить социальную защиту на все группы общества и улучшить условия труда и безопасность на работе.

Социальное обеспечение. Лишь 20 % населения в мире имеют адекватное социальное обеспечение, а более чем у половины вообще нет никакого социального страхования. При этом охват работников зависит от уровня экономического развития. В наименее развитых странах системы социального обеспечения охватывают меньше 10 % работников, в странах со средним уровнем дохода системой социального обеспечения охвачены 20–60 % работников, в то время как в большинстве промышленно развитых стран подобный охват близок к 100 %. Социальное обеспечение предполагает доступ к медицинскому обслуживанию и гарантированный доход, особенно при наступлении старости, безработицы, болезни, инвалидности, производственной травмы, а также в случае материнства или потери основного кормильца.

Будучи обеспокоена проблемами социального обеспечения, МОТ в 2023 году начала Глобальную кампанию по всеохватывающему социальному обеспечению. Кампания опирается на усилия МОТ, которые уже осуществляются более чем в 30 странах. К ним относятся проекты, призванные помочь странам расширить социальный охват на национальном уровне и укрепить общественные организации социального обеспечения. МОТ также проводит важные исследования для выявления факторов, которые угрожают безопасности людей и подрывают ее в развивающихся и развитых странах.

Международная миграция. Почти половина всех мигрантов и беженцев во всем мире (или около 86 млн взрослых) являются экономически активными. Они трудоустроены или иным образом заняты в приносящей доход деятельности. Ожидается, что число мигрантов, пересекающих границы в поиске работы и безопасности, будет быстро увеличиваться в ближайшие десятилетия из-за неспособности глобализации создать реальные предпосылки для сохранения рабочих мест во многих странах. Строгий иммиграционный контроль и барьеры, установленные основными принимающими странами, привели к возникновению ряда проблем. Речь идет о многочисленных

злоупотреблениях при использовании труда мигрантов, фактически об откровенной эксплуатации их труда.

МОТ видит сегодняшнюю глобальную задачу в выработке политики и поиске ресурсов для более эффективного управления трудовой миграцией. В идеале трудовая миграция должна быть полезна как для стран происхождения мигрантов, так и для принимающих стран, а также для благосостояния самих мигрантов.

Здоровье и безопасность. Ежегодно более 2 млн человек умирают от несчастных случаев на производстве или профессиональных заболеваний. По самым скромным оценкам, в мире происходит 270 млн несчастных случаев на производстве и возникает 160 млн случаев профессиональных заболеваний.

Безопасность труда сильно различается в зависимости от страны, отрасли и социальных групп. Смертность и ранения особенно велики в развивающихся странах, где большое количество людей занято в относительно опасных видах деятельности, таких как строительство, лесозаготовка, рыболовство и добыча полезных ископаемых. Во всем мире наиболее пострадавшими являются самые бедные и наименее защищенные слои населения, зачастую женщины, дети и мигранты.

Учитывая прогресс, достигнутый многими промышленно развитыми странами в процессе снижения серьезного травматизма, можно сделать вывод о том, что улучшение безопасности на рабочем месте дает результаты. Однако существует недостаток осведомленности, конкретных знаний и общей информации по этому вопросу.

МОТ пытается восполнить этот пробел посредством исследований, пропаганды и технической помощи. Она помогает странам разрабатывать инструменты управления, мониторинг и информационные услуги, уделяя особое внимание опасным профессиям. МОТ придает особое значение развитию и применению превентивной культуры безопасности и здоровья на рабочих местах во всем мире.

Проблема ВИЧ-инфекции. За относительно короткий период пандемия ВИЧ/СПИДа стала одной из наиболее острых проблем при трудоустройстве. Почти 40 млн человек трудоспособного возраста инфицированы ВИЧ, а в целом с момента начала эпидемии в 1990-е годы потеряно около 28 млн работников из-за СПИДа. Помимо разрушительного воздействия эпидемии на зараженных женщин, мужчин и их семьи, она во многом влияет на сферу труда. Например, дискриминация людей с ВИЧ/СПИДом угрожает фундаментальным правам в сфере труда и подрывает возможности людей получить достойную работу.

После консультаций между правительствами, работодателями и работниками МОТ в 2001 году приняла Кодекс практики по ВИЧ/СПИДу и сфере труда. Новаторский кодекс призван помочь предотвратить распространение ВИЧ/СПИДа и одновременно смягчить его воздействие на рынок труда. Среди ключевых принципов кодекса можно выделить недискриминацию, гендерное равенство, здоровую рабочую среду, отказ от тестирования на ВИЧ при приеме на работу, конфиденциальность и продолжение трудовых отношений. Кодекс все чаще служит ориентиром для работодателей и профсоюзов, ведущих переговоры о соглашениях по борьбе с ВИЧ/СПИДом в сфере труда.

ВЫВОДЫ

Международная организация труда в настоящее время является основным глобальным институтом, осуществляющим регулирование в сфере занятости. Международная организация труда существует уже более ста лет, и в ее состав входит 187 государств.

Главный принцип деятельности Международной организации труда заключается в обеспечении социального диалога между тремя сторонами: государственными институтами, ассоциациями работодателей и наемных работников. В настоящее время функции МОТ неидентичны функциям национальных правительств. В то же время Международная организация труда принимает многочисленные конвенции и декларации, которые служат своеобразным ориентиром для национальных правительств при определении приоритетов политики занятости.

Важными направлениями деятельности МОТ являются отстаивание права на свободу объединений, недопущение распространения принудительного и детского труда, преодоление трудовой дискриминации, а также проблемы повышения уровня заработной платы, социальной защиты занятых, регулирования трудовой миграции и охраны здоровья занятых.

Глава 3

ГЛОБАЛЬНЫЙ РЫНОК ТРУДА: ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ

3.1. ТУРБУЛЕНТНЫЙ ХАРАКТЕР РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

Ухудшение перспектив мировой экономики грозит усугубить дефицит достойного труда. Важнейшим фактором является растущая геополитическая напряженность. Также неравномерное восстановление мировой экономики после пандемии COVID-19 и «узкие места» в цепочках поставок, которые медленно ослабевают, создали условия для стагфляции — первого периода высокой инфляции в сочетании с низким ростом — с начала 1970-х годов¹. Большие колебания в потреблении и перебои в цепочках поставок, которые сопровождали пандемию, привели к асимметричным потрясениям спроса и предложения, вследствие чего обозначилась нехватка рабочей силы и произошел рост цен в ряде секторов. Инфляция (в частности, высокие цены на продукты питания и энергоносители) снижает реальный доход, что негативно сказывается на совокупном спросе и способности беднейших слоев населения мира поддерживать адекватный уровень жизни.

Инфляционное давление побудило крупные центральные банки проводить более рестриктивную денежно-кредитную политику. Последовавшее за этим повышение процентных ставок ослабило экономическую активность и породило признаки финансовой нестабильности в странах с большим государственным долгом². Этот фактор значительно увеличивает неопределенность и сдерживает инвестиции в бизнес, от которых зависит дальнейшее сокращение безработицы

¹ К сентябрю 2022 года индекс давления в глобальных цепочках поставок начал возвращаться к уровню, наблюдавшемуся до пандемии (Global Supply Chain Pressure Index // Federal Reserve Bank of New York. 2022). Напротив, показатель нехватки промежуточных ресурсов среди немецких производителей в третьем квартале 2022 года оставался на высоком уровне, наблюдавшемся во время пандемии, что немного превышало дефицит, наблюдавшийся в предыдущих деловых циклах (Zusammenhang zwischen Materialknappheit und Industrieaktivität // Destatis (Federal Statistical Office of Germany). 2022. Statistisches Bundesamt. URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Industrie-Verarbeitendes-Gewerbe/materialknappheit/industrieaktivitaet.html>).

² Система отслеживания потоков капитала Института международных финансов показывает крупный чистый отток капитала из развивающихся рынков в первой половине 2022 года, но некоторый разворот в августе-октябре 2022 года (Recent Trackers // Institute of International Finance : [сайт]. URL: <https://www.iif.com/Products/Capital-Flows-Tracker>).

и рост числа работающих представителей беднейших слоев населения. Таким образом, прогресс в области распространения достойного труда и социальной справедливости, который во многих странах был достигнут в последние десятилетия, может быть подорван.

В табл. 1 и 2 представлена динамика уровня безработицы, а также динамика доли рабочей силы в общей численности населения в разных странах

Таблица 1

Уровень безработицы в разных странах (2001–2023)

Страна	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2017	2019	2020	2021	2022	2023
Избранные страны ЕС													
Германия	7,77	11,17	8,66	7,53	7,74	6,97	4,98	3,75	3,14	3,86	3,64	3,14	3,05
Франция	8,61	8,88	8,01	7,39	9,12	9,28	10,27	9,41	8,42	8,01	7,87	7,31	7,32
Бельгия	6,18	8,44	7,46	6,98	7,91	8,29	8,52	7,09	5,36	5,56	6,26	5,56	5,51
Нидерланды	2,12	5,87	4,15	3,65	4,35	4,99	7,42	4,84	3,38	3,82	4,21	3,52	3,56
Италия	9,60	7,73	6,08	6,72	7,75	8,36	12,68	11,21	9,95	9,16	9,50	8,07	7,62
Испания	10,35	9,15	8,23	11,26	17,86	19,86	24,44	17,22	14,10	15,53	14,78	12,92	12,14
Швеция	4,73	7,49	6,16	6,24	8,35	8,61	7,95	6,72	6,83	8,29	8,72	7,39	7,59
Финляндия	10,29	8,38	6,85	6,37	8,25	8,39	8,66	8,64	6,70	7,76	7,61	6,72	7,16
Польша	18,37	17,75	9,60	7,12	8,17	9,64	8,99	4,89	3,28	3,16	3,36	2,89	2,91
Чехия	8,13	7,93	5,32	4,39	6,66	7,28	6,11	2,89	2,02	2,55	2,80	2,22	2,59
Венгрия	5,67	7,19	7,41	7,82	10,03	11,17	7,73	4,16	3,42	4,25	4,05	3,61	4,13
Болгария	19,92	10,08	6,88	5,61	6,82	10,28	11,42	6,16	4,23	5,13	5,27	4,27	4,30
Другие европейские страны													
Великобритания	4,70	4,75	5,26	5,62	7,54	7,79	6,11	4,33	3,74	4,47	4,83	3,73	4,06
Швейцария	2,49	4,44	3,64	3,35	4,11	4,81	4,83	4,80	4,39	4,82	5,10	4,30	4,05
Норвегия	3,74	4,38	2,49	2,55	3,10	3,52	3,48	4,16	3,69	4,42	4,37	3,23	3,58
Страны Северной Америки													
США	4,731	5,084	4,622	5,784	9,254	9,633	6,168	4,355	3,669	8,055	5,349	3,65	3,625
Канада	7,219	6,758	6,156	6,284	8,46	8,178	7,023	6,426	5,69	9,657	7,527	5,28	5,366
Мексика	2,627	3,558	3,628	3,874	5,356	5,303	4,819	3,419	3,477	4,441	4,019	3,256	2,812
Избранные страны Центральной и Южной Америки													
Бразилия	10,65	10,55	9,28	8,27	9,42	8,42	6,76	12,79	11,94	13,70	13,16	9,23	7,95
Аргентина	17,32	11,51	8,47	7,84	8,65	7,71	7,27	8,35	9,84	11,46	8,74	6,81	6,18
Чили	10,39	9,34	8,43	9,29	11,31	8,55	6,76	7,29	7,53	11,01	9,33	8,30	9,04
Перу	5,07	4,87	4,08	4,03	3,96	3,60	3,21	3,69	3,38	7,18	5,10	3,85	4,82
Эквадор	4,25	3,78	3,14	3,92	4,61	4,09	3,48	3,84	3,81	6,13	4,55	3,76	3,37
Колумбия	15,04	11,06	11,20	11,27	12,07	11,15	8,80	9,09	10,28	15,98	13,90	10,55	9,57
Уругвай	15,05	12,01	9,40	8,03	7,74	7,16	6,55	7,89	8,73	10,33	9,30	7,88	8,35
Венесуэла	13,04	10,66	7,28	6,25	6,10	7,11	6,82	5,05	5,89	7,53	7,03	5,75	5,53
Ямайка	6,69	6,60	6,61	6,67	7,31	7,63	9,05	7,40	4,99	6,50	5,19	4,08	4,42
Гватемала	2,75	3,06	2,83	2,87	3,21	3,50	2,72	2,46	2,19	2,95	2,17	3,05	2,71

Окончание табл. 1

Страна	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2017	2019	2020	2021	2022	2023
Куба	4,08	1,95	1,79	1,58	1,67	2,50	2,70	1,70	1,20	1,40	1,37	1,25	1,16
Никарагуа	7,22	5,37	4,89	6,20	8,16	7,83	4,52	3,30	5,47	6,17	6,06	4,98	4,80
Избранные страны Азии													
Китай	3,80	4,52	4,35	4,59	4,72	4,53	4,63	4,47	4,56	5,00	4,55	4,98	4,67
Индия	8,04	8,70	8,53	8,49	8,41	8,32	7,99	7,72	6,51	7,86	6,38	4,82	4,17
Индонезия	6,08	7,95	8,06	7,21	6,11	5,61	4,05	3,78	3,59	4,26	3,83	3,46	3,42
Япония	5,02	4,45	3,89	4,00	5,07	5,10	3,59	2,82	2,35	2,81	2,83	2,60	2,58
Монголия	6,11	7,02	7,20	5,57	5,86	6,55	4,80	6,36	9,27	6,59	7,75	6,21	6,13
Таиланд	2,60	1,35	1,18	1,18	1,49	0,62	0,58	0,83	0,72	1,10	1,22	0,94	0,91
Вьетнам	2,76	2,08	2,03	1,89	1,74	1,11	1,26	1,87	1,68	2,10	2,39	1,54	1,60
Избранные страны Ближнего Востока													
Иран	12,36	11,81	10,77	10,63	12,11	13,68	10,68	12,23	10,74	9,69	9,28	9,09	9,10
ОАЭ	2,44	3,12	2,93	2,81	2,92	2,79	1,96	2,46	2,33	4,29	3,11	2,87	2,71
Саудовская Аравия	4,62	6,05	5,73	5,09	5,38	5,55	5,88	5,89	5,64	7,45	6,62	5,59	4,88
Иордания	14,70	14,80	13,10	12,70	12,90	12,50	11,90	18,12	16,80	19,21	19,84	18,20	17,94
Избранные страны Африки													
Алжир	27,30	15,27	13,79	11,33	10,16	9,96	10,21	12,00	12,29	14,04	13,61	12,44	11,81
Египет	9,26	11,05	8,80	8,52	9,09	8,76	13,11	11,77	7,85	7,97	7,44	7,34	7,31
Тунис	14,40	12,87	12,37	12,44	13,29	13,05	14,26	15,33	17,15	17,58	16,51	15,30	15,11
Марокко	12,46	11,01	9,56	9,57	8,96	9,09	9,70	9,23	9,21	11,20	10,54	9,53	9,11
Мали	1,26	1,33	1,37	1,39	1,40	1,38	1,49	1,49	2,41	3,53	2,29	3,09	3,01
Эфиопия	3,17	2,50	2,34	2,33	2,33	2,30	2,36	2,68	2,95	4,02	3,94	3,49	3,50
Замбия	13,41	15,90	10,56	7,93	10,58	13,19	8,13	8,52	5,54	6,03	5,20	5,99	5,91
Кения	2,87	2,74	2,65	2,75	2,81	2,79	2,77	3,54	5,01	5,62	5,69	5,81	5,68
Нигерия	3,83	3,69	3,77	3,77	3,75	3,74	3,90	4,83	5,21	5,71	5,39	3,83	3,07
Ботсвана	18,54	19,85	16,99	16,32	16,17	17,86	18,52	19,68	20,09	21,02	23,11	23,62	23,38
Мадагаскар	5,35	2,62	3,20	3,43	3,88	4,28	1,39	2,11	2,46	3,25	3,42	3,19	3,06
ЮАР	19,73	19,56	19,39	19,51	20,51	23,18	22,61	23,99	25,54	24,34	28,77	28,84	27,99
Избранные страны Австралии и Океании													
Австралия	6,75	5,04	4,38	4,24	5,57	5,21	6,08	5,59	5,16	6,46	5,12	3,70	3,67
Новая Зеландия	5,43	3,81	3,66	4,17	6,12	6,56	5,43	4,74	4,11	4,60	3,78	3,30	3,74

Источник: Statistic data 2025 // Worldbank : [сайт]. URL: www.worldbank.org и расчеты авторов.

Таблица 2

**Доля рабочей силы в общей численности населения
(% от общей численности населения в возрасте 15–64 лет)**

Страна	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2017	2019	2020	2021	2022
Избранные страны ЕС												
Германия	71,11	74,11	75,88	76,15	76,52	76,54	77,57	78,87	80,07	78,82	78,92	79,88
Франция	68,91	69,70	69,72	69,92	70,38	70,38	71,67	72,19	72,37	71,70	73,71	74,31
Бельгия	63,65	66,71	66,98	67,08	66,90	67,66	67,71	68,61	69,63	69,08	70,19	71,16

Продолжение табл. 2

Страна	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2017	2019	2020	2021	2022
Нидерланды	76,45	75,72	77,25	78,35	78,61	78,38	79,47	80,06	81,25	81,30	81,94	83,04
Италия	60,78	62,80	62,67	63,16	62,50	62,22	64,32	65,76	66,06	64,42	64,68	65,76
Испания	64,39	70,02	71,77	72,74	73,11	73,55	74,22	73,93	73,79	72,27	73,75	74,10
Швеция	78,12	78,22	79,14	79,35	78,92	79,08	81,45	82,50	82,93	82,51	82,80	83,40
Финляндия	74,59	74,57	75,42	75,83	74,83	74,38	75,26	76,63	78,16	78,13	78,69	79,63
Польша	65,62	64,37	63,20	63,85	64,70	65,61	68,09	69,79	70,72	71,05	72,85	73,22
Чехия	71,00	70,31	69,81	69,73	70,20	70,28	73,53	75,87	76,75	76,47	76,88	77,13
Венгрия	59,34	61,18	61,70	61,38	61,40	62,06	66,89	71,09	72,58	72,77	76,15	76,87
Болгария	63,60	61,81	65,51	66,98	66,27	67,09	69,44	71,71	73,69	72,63	72,55	74,13
Другие избранные европейские страны												
Великобритания	75,20	75,66	75,82	76,10	75,90	75,63	76,88	77,80	78,37	78,04	77,44	77,55
Швейцария	81,19	80,81	81,59	82,28	82,40	81,26	82,77	83,81	84,15	83,92	83,61	83,23
Норвегия	80,36	78,06	78,75	79,99	78,84	78,07	77,95	77,25	78,20	78,15	79,88	80,36
Страны Северной Америки												
США	75,35	73,97	73,80	73,78	73,11	72,43	71,46	72,13	72,87	71,72	72,07	72,68
Канада	76,88	78,19	78,68	78,78	78,33	78,17	78,03	78,65	79,13	77,69	79,44	79,76
Мексика	61,44	62,99	64,02	63,75	63,76	63,63	63,97	63,98	65,18	60,56	64,28	65,45
Избранные страны Центральной и Южной Америки												
Бразилия	68,56	71,00	70,44	70,29	70,64	69,50	68,98	70,19	70,99	66,60	69,06	70,28
Аргентина	68,82	68,53	68,37	67,82	68,18	67,63	67,00	66,42	68,08	63,66	68,70	68,41
Чили	59,85	60,79	62,58	63,99	63,88	64,23	65,80	66,01	65,82	63,14	64,77	67,79
Перу	70,90	75,84	81,41	81,21	81,83	82,52	80,63	80,62	80,78	72,20	75,32	75,57
Эквадор	66,18	69,11	69,01	68,87	66,40	65,20	65,29	70,98	69,15	63,51	69,10	69,21
Колумбия	70,54	68,39	67,16	67,53	70,41	70,56	70,99	70,40	69,02	68,28	69,55	68,31
Уругвай	72,25	70,48	74,61	74,66	75,46	75,09	77,15	75,52	75,28	72,90	75,05	75,37
Венесуэла	67,05	67,24	67,58	67,52	67,31	67,26	65,83	64,42	59,56	54,76	55,23	57,53
Ямайка	69,65	68,23	67,65	67,33	64,92	63,22	65,85	69,24	70,80	68,66	71,00	70,75
Гватемала	64,26	63,98	63,12	62,69	62,26	61,82	62,40	62,66	61,08	59,46	60,84	62,16
Куба	59,34	60,98	62,27	62,70	64,31	63,90	65,79	66,72	67,28	63,35	64,76	67,36
Никарагуа	62,03	63,59	64,35	64,73	65,12	65,51	67,09	67,72	67,41	66,78	66,90	67,91
Избранные страны Азии												
Китай	81,60	79,54	78,48	77,94	77,40	76,86	76,16	75,71	75,39	74,29	75,84	75,93
Индия	58,79	56,72	56,77	56,79	56,82	56,85	55,24	54,52	53,92	53,20	54,10	55,36
Индонезия	69,10	66,58	68,41	68,61	68,27	68,88	69,10	69,08	70,61	69,68	68,21	69,09
Япония	73,01	73,14	74,05	74,24	74,35	74,41	76,09	78,21	80,24	80,30	80,64	81,27
Монголия	62,94	62,47	62,44	60,77	61,01	61,98	62,89	62,47	66,12	64,13	61,93	64,12
Таиланд	77,30	78,48	78,67	78,61	78,05	77,07	76,23	74,70	74,89	75,14	75,33	76,46
Вьетнам	77,65	76,90	78,89	79,67	80,43	80,71	81,74	81,36	81,36	79,40	77,96	78,40
Избранные страны Ближнего Востока												
Иран	45,66	47,02	45,32	43,12	44,08	43,47	42,53	46,63	46,90	44,20	43,97	46,03
ОАЭ	75,29	77,62	76,80	76,66	77,07	77,83	80,53	82,25	83,38	83,20	82,53	83,66
Саудовская Аравия	52,70	54,58	53,88	53,72	53,43	54,38	57,30	56,97	59,66	61,41	62,94	63,07
Иордания	40,35	39,96	41,61	41,37	42,00	41,38	38,06	42,05	41,24	42,06	40,73	41,42

Окончание табл. 2

Страна	2001	2005	2007	2008	2009	2010	2014	2017	2019	2020	2021	2022
Избранные страны Африки												
Алжир	46,11	45,116	44,582	44,309	44,029	44,294	43,574	45,066	45,256	42,824	43,413	45,641
Египет	47,248	48,434	50,315	50,011	50,314	51,785	50,742	47,296	44,569	44,029	45,556	46,471
Тунис	49,782	48,461	48,994	49,543	50,021	50,406	51,542	51,665	51,891	49,715	50,037	52,348
Марокко	53,131	52,703	52,834	52,91	52,463	52,015	50,694	48,35	49,264	47,884	48,682	47,7
Мали	72,011	72,005	72,117	72,157	72,183	72,196	72,306	71,049	68,975	67,341	67,387	68,01
Эфиопия	81,655	83,225	83,105	83,045	82,988	82,935	82,685	82,437	82,28	81,505	82,069	82,03
Замбия	58,977	59,212	59,334	59,367	59,395	59,419	59,184	58,806	59,855	61,168	60,516	59,964
Кения	73,323	73,648	73,824	73,914	74,006	74,105	74,524	74,566	74,263	73,559	74,033	74,071
Нигерия	59,967	60,127	60,25	60,296	60,341	60,378	59,658	59,267	59,005	58,437	58,699	59,053
Ботсвана	58,915	59,971	61,43	62,617	63,792	60,608	62,889	64,638	65,816	64,225	66,331	66,847
Мадагаскар	87,836	87,807	87,784	87,749	87,701	87,642	87,346	86,991	86,779	85,923	86,202	86,407
ЮАР	63,736	62,872	62,714	62,684	61,095	57,351	59,54	62,698	62,477	58,349	59,537	60,824
Избранные страны Австралии и Океании												
Австралия	73,96	75,34	76,16	76,47	76,38	76,41	76,28	77,42	78,44	77,70	78,82	79,52
Новая Зеландия	76,03	77,72	78,49	78,38	78,16	77,90	79,06	81,47	81,33	81,04	81,92	82,85

Источник: Statistic data 2025 // Worldbank : [сайт]. URL: www.worldbank.org и расчеты авторов.

3.2. ПРОБЛЕМА ДЕФИЦИТА РАБОЧИХ МЕСТ ДОСТОЙНОГО КАЧЕСТВА

Дефицит достойного труда проявляется в разнообразных формах. Около 473 млн человек в мире лишены возможности получить доход путем трудоустройства. В их число входят 205 млн безработных, которые недавно ищут работу¹. Два миллиарда трудоустроенных заняты в неформальном секторе. Это означает, что у них значительно меньше шансов отстаивать свои права на работе, участвовать в социальном диалоге и получать социальную защиту. Особенно отчетливо это проявляется в сельской местности². Более того, 214 млн человек имеют работу, но не могут избежать крайней нищеты — они и их семьи живут менее чем на 1,9 доллара

¹ Как установила 19-я Международная конференция статистиков труда, недоиспользование рабочей силы подразумевает неудовлетворенную потребность в занятости, одним из показателей которой является безработица (Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: http://www.ilo.ch/wcmsp5/groups/public/---/dgreports/---/stat/documents/normativeinstrument/wcms_230304.pdf).

² Advancing Social Justice and Decent Work in Rural Economies // ILO Policy Brief. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_858195.pdf.

США на человека в день, рассчитанного по паритету покупательной способности (ППС)¹.

Глобальный трудовой доход распределяется крайне неравномерно: беднейшие 50 % работников получают лишь около 8 % мирового трудового дохода. Частично это неравенство вызвано огромным разрывом в производительности труда: валовой внутренний продукт (ВВП) на одного работника в странах с высоким уровнем дохода в 18 раз выше, чем в странах с низким уровнем дохода. Социальная поддержка потерявших работу в разных странах также крайне вариативна. Социальная защита занятых распространяется только на 47 % мирового населения². В 2020 году около 160 млн детей в мире были вынуждены работать. Большинство из них трудились в сельском хозяйстве³. Кроме того, примерно 28 млн человек были заняты принудительным трудом⁴. Таким образом, 188 млн человек заняты видами труда, которые относятся к социально недопустимым.

Тяжелое положение на рынке труда характерно в первую очередь для женщин и молодых людей. Во всем мире доля рабочей силы в общей численности населения для женщин составляет 47,4 %, в то время как для мужчин — 72,3 %. Разрыв в 24,9 процентных пункта означает, что на каждого экономически неактивного мужчину приходится две экономически неактивные женщины. Молодые люди (в возрасте 15–24 лет) сталкиваются с серьезными трудностями в процессе поиска достойной работы и ее сохранения. Уровень безработицы молодых людей до 25 лет в три раза выше, чем у взрослых (в возрасте 25+). Более того, 23,5 % молодых людей не учатся, не работают или не проходят обучение (категория NEET).

В долгосрочном периоде наблюдается некоторый прогресс в сокращении дефицита достойного труда, но это происходит недостаточно быстро. Так, снижение уровня работающих бедных с 35 % в 1991 году до 6,4 % в 2022-м является заметным успехом. Однако отсутствие дальнейшего прогресса в странах с низкими доходами

¹ Всемирный банк пересмотрел порог крайней бедности до 2,15 доллара США в день (ППС) в течение 2022 года. Это изменение пока не может быть учтено при составлении оценок для настоящего отчета, но оно будет учтено в будущих изданиях.

² World Social Protection Report 2020–2022: Social Protection at the Crossroads — in Pursuit of a Better Future // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2021. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_817572/lang--en/index.htm.

³ Child Labour: Global Estimates 2020, Trends and the Road Forward // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2021. URL: https://www.ilo.org/ipec/Informationresources/WCMS_797515/lang--en/index.htm.

⁴ Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. 2022. DOI: <https://doi.org/10.54394/CHUI5986>.

означает, что число работающих бедных в этих странах растет. Снижение уровня неформальной занятости также незначительно: за последние 18 лет уровень снизился всего на 5 %. Гендерный разрыв по доле рабочей силы в общей численности населения за последние три десятилетия практически не изменился. Число лиц, относящихся к категории NEET, среди молодых мужчин за последние 17 лет увеличилось, тогда как для молодых женщин аналогичный показатель снизился. Доля трудовых доходов в мире с 2004 года регулярно снижается. Между тем безработица, как правило, представляет собой циклическое явление, где невозможно спрогнозировать долгосрочные тенденции.

Кризис в период пандемии COVID-19 усугубил проблему дефицита достойного труда¹. В 2020 году общее количество отработанных часов сократилось примерно на 8,7 % по сравнению с четвертым кварталом 2019 года, что соответствует 252 млн рабочих мест с полной занятостью (48 часов в неделю). Потери рабочего времени и, следовательно, доходов происходили во всем мире. Однако различие в распространенности и масштабах социальной поддержки обуславливает дальнейшее увеличение межстрановой социальной дифференциации. Также социальные различия усугубились и внутри стран, поскольку, например, женщины, а также работники с низкой и средней квалификацией столкнулись с проблемами существенного сокращения занятости². Намегившиеся до пандемии тенденции к сокращению уровня неформальной занятости и числа работающих бедных в период COVID-19 были на некоторое время обращены вспять. После пандемии ситуация стала меняться к лучшему, но в странах с низким и средним уровнем дохода позитивные изменения идут довольно медленно.

Сочетание асимметричных шоков спроса и предложения привело к повышению уровня базовой инфляции³. Частично эти проблемы свя-

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2021 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2021. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2021/WCMS_795453/lang--en/index.htm.

² ILO Monitor on the World of Work. 10th ed. Multiple Crises Threaten the Global Labour Market Recovery // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---/publ/documents/briefingnote/wcms_859255.pdf.

³ В выборке из 35 стран медианные темпы базовой инфляции начали расти во втором квартале 2021 года примерно с 2 % и достигли 6,5 % в третьем квартале 2022 года (World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis // International Monetary Fund (IMF). 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>).

заны с большими колебаниями потребления, наблюдавшимися во время пандемии, когда в 2020 году сократился спрос на услуги и вырос спрос на электронные товары. В 2021 году произошли обратные процессы, так как в большинстве национальных экономик мира постепенно были отменены ограничения на работу в офисах и поездки. Однако корректировка предложения происходила не столь быстро. В частности, растущий спрос на товары вместе с одновременным снижением пропускной способности морских перевозок привел к значительным сбоям в глобальных цепочках поставок¹. С постепенной нормализацией ситуации, начавшейся в 2021 году, деловая активность быстро возобновилась. Свою позитивную роль здесь сыграл отложенный спрос, возникший в связи с вынужденными сбережениями, накопленными в начале пандемии. Как следствие, для нескольких секторов, в том числе авиации и туризма, была характерна серьезная нехватка мощностей. Сила этих потрясений, вероятно, была несколько недооценена политиками, несмотря на то что они были ожидаемы².

3.3. НОВЫЕ КРИЗИСНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ В МИРОВОЙ ЭКОНОМИКЕ И ИХ ВОЗДЕЙСТВИЕ НА РЫНОК ТРУДА: ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ РЕГУЛЯТИВНЫХ ИНСТРУМЕНТОВ

Новые кризисные тенденции начали развиваться в мировой экономике в 2022 году. Прежде всего они были вызваны циклическими колебаниями и перебоями в поставках, обусловленными военным конфликтом на Украине. Сложившаяся ситуация представляет собой экзистенциальную угрозу для бедных слоев населения. К марту 2022 года глобальный индекс цен на продовольствие достиг 159,7 пункта, то есть самого высокого уровня с 1990 года (рис. 3). После этого цены снизились, но в сентябре 2022 года они все еще были на 43 % выше, чем в среднем за 2019 год. Цены на продовольствие находились на том же уровне, что и во время последнего глобального кризиса в данной отрасли в 2011 году. К августу 2022 года цены на энергоносители выросли в три раза по сравнению со средней

¹ *Rees D., Rungcharoenkitkul P.* Bottlenecks: Causes and Macroeconomic Implications // BIS Bulletin. 2021. № 48. URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull48.pdf>.

² *Ernst E.* The Return of the Fourth Horseman: How the Current Pandemic Might Reshape Our World // Medium. 2020, 30 March. URL: https://medium.com/@ekkehard_ernst/the-return-of-the-fourth-horseman-how-the-current-pandemic-might-reshape-our-world-4f82d7f8eac4 ; *Coronavirus: The World Economy at Risk // OECD Economic Outlook.* 2020, 2 March. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2019/issue-2_7969896b-en#page1.

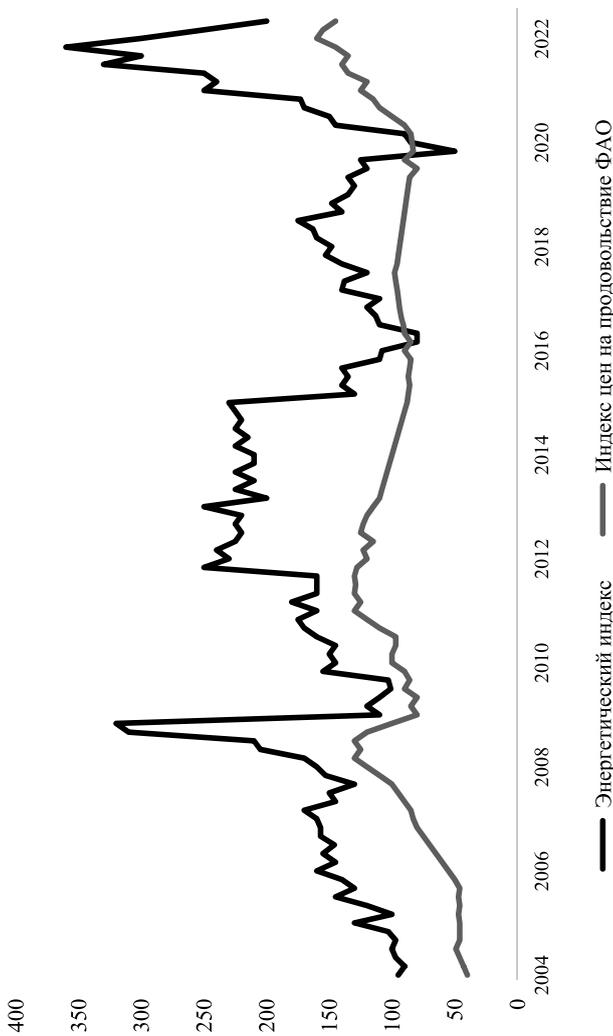

Рис. 3. Индексы цен на продукты питания и энергоносители

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@inst/documents/publication/wcms_865332.pdf/.

Примечание: индекс цен на продовольствие Продовольственной и сельскохозяйственной организации ООН (ФАО), средняя цена за 2014–2016 годы равна 100.

ценой 2019 года, превысив уровень цен 2011–2014 годов (последний период высоких цен) на 60 %. Сочетание высоких цен на энергоносители и продукты питания обуславливает кризис стоимости жизни для многих домохозяйств. Он представляет реальную опасность для тех домохозяйств, которые тратят большую часть своих доходов на продукты питания и энергию¹. Индекс цен на энергоносители представляет собой среднемировой показатель. В регионах различный энергетический баланс, а некоторые энергетические рынки (рынок электроэнергии и в некоторой степени природного газа) являются местными и, следовательно, демонстрируют большие различия в ценах по всему миру.

В результате уровень инфляции, измеряемый двузначными цифрами, в 2022 году затронул более 2 млрд человек во всем мире². Соответственно усилилось неравенство населения внутри отдельных стран и снизился совокупный спрос. Производители энергии и предприятия, обладающие рыночной властью, получают рекордные прибыли, в то время как другие предприятия изо всех сил пытаются переложить рост затрат на своих клиентов или ощущают сокращение спроса³. Рабочие уже испытывают значительное снижение реальных доходов и часто не имеют возможности добиться компенсации за эти потери путем переговоров. Зачастую они работают на предприятиях, испытывающих финансовые трудности, которые не могут повысить заработную плату своим сотрудникам. В глобальном отчете о заработной плате за 2022–2023 годы предполагалось ее снижение на 0,9 % в год⁴. Даже среди низкооплачиваемых работников сферы услуг

¹ Индексы цен показывают номинальные изменения цен. Необходимо также учитывать эволюцию доходов, чтобы оценить влияние изменений цен на домохозяйства (Challenges Facing Small- and Medium-Sized Enterprises in the Food System: Results of an Online Survey // Global Alliance for Improved Nutrition. 2022. URL: <https://sunbusinessnetwork.org/wp/content/uploads/2022/09/SBN-SME-Survey-2022-Results-Final.pdf>).

² Development Prospects in a Fractured World: Global Disorder and Regional Responses // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). 2022. URL: https://unctad.org/system/files/official-document/trd2022_en.pdf.

³ В 2021–2022 годах рост цен на фоне все еще высокого потребительского спроса означал, что многие компании смогли увеличить маржу прибыли. В США корпоративная прибыль до налогообложения как доля валового национального продукта выросла в среднем с 10,7 % в 2018–2019 годах до 13,4 % в 2021-м и первых двух кварталах 2022 года (расчеты на основе: Federal Reserve Economic Data. URL: <https://fred.stlouisfed.org/>).

⁴ Global Wage Report 2022–2023: The Impact of Inflation and COVID-19 on Wages and Purchasing Power // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/WCMS_862569/lang--en/index.htm.

в странах с развитой экономикой, где наблюдался самый быстрый рост заработной платы за последние десятилетия в связи с нехваткой рабочей силы, рост зарплаты едва соответствует инфляции.

Реформы рынка труда и социальной защиты, постепенное сокращение членов в профсоюзах и падение занятости в промышленности привели к постепенному отказу от автоматической индексации заработной платы. Реальная заработная плата уже не отражает в полной мере рост производительности¹. Неожиданное ускорение инфляции нанесло ущерб благосостоянию рабочих. Между тем снижение уровня поддержки от профсоюзов и масштабов коллективных переговоров уменьшило возможности социального диалога по поводу обеспечения справедливого распределения издержек инфляции². Тем самым реальные доходы многих домохозяйств снижаются, что приводит к сокращению совокупного спроса.

Особую роль играет состояние платежного баланса страны. В новых условиях многим странам необходимо тратить значительно больше средств на импорт продуктов питания и энергоносителей, тем самым растет покупательная способность чистых экспортеров этих товаров³. Подобное увеличение расходов может вызвать кризис платежного баланса в развивающихся странах с ограниченными возможностями международных заимствований. Тем самым ухудшаются финансовые условия как для правительств, так и для отдельных предприятий⁴.

¹ Об эволюции уровня членства в профсоюзах и механизмах коллективных переговоров см.: *Visser, J. The Rise and Fall of Industrial Unionism // Transfer: European Review of Labour and Research. 2012. Vol. 18, № 2. P. 129–141. DOI: <https://doi.org/10.1177/1024258912439160> ; Social Dialogue Report 2022: Collective Bargaining for an Inclusive, Sustainable and Resilient Recovery // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_842807.pdf.*

² *Trends in Collective Bargaining Coverage: Stability, Erosion or Decline? // ILO Issue Brief. 2017. № 1. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---protrav/---travail/documents/publication/wcms_409422.pdf.*

³ Влияние условий торговли привело к снижению реальных доходов на 1,3 % в зоне евро в четвертом квартале 2021 года (*Industrial Policy for the 21st Century: Lessons from the Past // European Commission Discussion Paper. 2022. Vol. 157. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/economy-finance/dp157_en_industrial_policy.pdf*). С тех пор цены на энергию значительно выросли.

⁴ Даже в развитых странах с хорошо интегрированными финансовыми рынками налогово-бюджетная политика может стать ограниченной из-за рынков, которые требуют значительно более высоких премий за риск, как показали события в Соединенном Королевстве в октябре 2022 года, связанные с предполагаемым крупным бюджетным дефицитом, который потребовал вмешательства Банка Великобритании.

Глобальное политическое пространство в настоящее время ограничено и фрагментировано. Пандемия COVID-19 нанесла серьезный ущерб потенциалу основных институтов, занимающихся разработкой экономической политики. Центральные банки по всему миру исчерпали свои возможности по поддержке восстановления экономики. Аналогично органы налогово-бюджетной политики накопили значительную сумму долга. Им все чаще не хватает средств для поддержки частного бизнеса и домохозяйств. Поэтому они вынуждены поэтапно сворачивать некоторые меры поддержки. Рост процентных ставок при сильном долларе США угрожает способности стран рефинансировать долг, особенно если принять во внимание фактор бегства капитала. В период с 2019 по 2022 год доля стран с низкими доходами, испытывающих долговую кризис или сталкивающихся с высоким риском долгового кризиса, увеличилась с 49 до 56 %. Чрезвычайно важно обеспечить доступ правительства к финансовым ресурсам, поскольку реализация мер жесткой экономии или других вынужденных мер в условиях экономического спада может иметь катастрофические последствия для рынков труда.

Фискальная политика должна быть ориентирована на сбалансирование противоречивых целей. С одной стороны, странам следует избегать крайне экспансионистской бюджетной политики, которая противоречила бы направленности денежно-кредитной политики. С другой стороны, наиболее пострадавшим предприятиям и домохозяйствам действительно требуется финансовая поддержка. Следовательно, она должна стать более адресной, то есть предназначаться для домохозяйств с низкими доходами, наиболее уязвимых слоев наемных работников и испытывающих трудности предприятий малого и среднего бизнеса¹.

Большинство авторов сходятся во мнении, что процесс удержания инфляции под контролем будет болезненным для домохозяйств и многих предприятий. Хотя инфляция в большей степени обусловлена факторами предложения, а не спроса², большая часть политических

¹ Неадресная поддержка может позволить предприятиям с низкой производительностью выжить («фирмы-зомби»), тем самым блокируя ресурсы и снижение потенциала роста производительности. Однако в развивающихся странах многие микро-, малые и средние предприятия в любом случае продолжают свою деятельность, но, скорее всего, попадут в неформальный сектор.

² Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies? Evidence from Tele-workability Measures across Countries // IMF Working Paper. 2020. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/06/12/Who-will-Bear-the-Brunt-of-Lockdown-Policies-Evidence-from-Tele-workability-Measures-Across-49479.1>.

мер была сосредоточена на управлении спросом. Основная цель подобных мер заключается в том, чтобы противостоять ожиданиям роста инфляции. В частности, денежно-кредитная политика в странах с развитой экономикой вызывает сокращение совокупного спроса, о чем свидетельствуют рекордные темпы повышения процентных ставок. При такой политике работники ощущают давление на доходы вследствие либо сокращения числа рабочих мест, либо падения реальной заработной платы тех, кто продолжает работать. Сокращение совокупного спроса также усиливает конкурентное давление на фирмы, так как фактически ограничивается рост цен и потенциально снижается норма прибыли¹. Для смягчения экономических и социальных проблем необходим более сбалансированный подход, суть которого сводится к стимулированию роста предложения, в том числе поощрение инвестиций в устойчивое производство энергии.

Проблемы центральных банков при их попытках добиться снижения инфляции усугубляются в связи усилением социальной дифференциации. В настоящее время доля совокупного потребления состоятельных домохозяйств довольно велика. Они в принципе нечувствительны к изменениям процентной ставки. Поэтому ужесточение денежно-кредитной политики как инструмент обуздания инфляции непропорционально повысит затраты для сравнительно бедных домохозяйств, а также для предприятий с высоким уровнем внешних вливаний².

В отсутствие надлежащей координации экономической политики на глобальном уровне существует риск, что крупные развитые и развивающиеся экономики будут проводить экономическую политику, повестку дня, направленную в первую очередь на решение собственных внутренних проблем, не принимая во внимание более широкие глобальные побочные эффекты. В частности, ужесточение денежно-кредитной политики, по-видимому, является реакцией на непосредственные проблемы инфляции без достаточного учета межвременных и международных побочных эффектов³. Это может привести к созданию чрезмерно жесткой глобальной макроэкономической среды,

¹ Размер прибыли, как правило, процикличен (*Macallan C., Millard S., Ian Parker M. The Cyclical of Mark-ups and Profit Margins for the United Kingdom: Some New Evidence // Bank of England Working Paper. 2008. № 351. — DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1280900>*).

² *Inequality Hysteresis and the Effectiveness of Macroeconomic Stabilisation Policies / L. A Pereira da Silva [et al.]. Bank for International Settlements (BIS), 2022.*

³ *Obstfeld M. Uncoordinated Monetary Policies Risk a Historic Global Slowdown // Peterson Institute for International Economics. 2022. URL: <https://www.piie.com/blogs/>*

которая окажет неоправданно серьезное негативное воздействие на реальную экономику и рынки труда во всем мире. Альтернативные меры, которые направлены на сбалансированное соотношение предложения и спроса, могут защитить наиболее уязвимые слои населения. Речь идет об эффективных средствах борьбы с инфляцией при одновременной поддержке экономического роста и развития.

Множество проблем вызывает падение доверия, усугубленное конфликтом на Украине, что способствует экономическому спаду. Оказалось, что неопределенность политики, взвешенная по ВВП, с 2021 года в 21 стране выросла и находится на уровне, намного превышающем долгосрочный средний показатель, хотя и не вполне достигая неопределенности, наблюдавшейся на ранних этапах пандемии (рис. 4). Медианное потребительское доверие упало до самого низкого уровня за последние два десятилетия в выборке из 44 стран, что подчеркивает серьезное воздействие кризиса стоимости жизни на домохозяйства. Медианное деловое доверие в 14 странах снижается одинаково, но в сентябре 2022 года медианный уровень уверенности был чуть ниже долгосрочного среднего показателя. Более позитивные настроения среди предпринимателей являются хорошей новостью для рынков труда, поскольку работодатели с меньшей вероятностью будут увольнять персонал, по крайней мере, в данный момент.

В 2023 году мировая экономика выросла всего на 2,9 %, что ниже среднегодового роста в 3,6 % в период с 2000 по 2021 год¹. На 2024 год планировался рост 2,4–2,6 %. Замедление означает, что вместо восстановления производственных потерь, понесенных во время пандемии, разрыв в уровне выпуска относительно докризисной тенденции снова увеличивается. Значительный спад в трех крупнейших экономиках мира — Китае, зоне евро и Соединенных Штатах Америки — является основной причиной глобального спада.

В странах с низким и средним уровнем дохода, за исключением Китая, прогнозируемый рост на душу населения сопоставим с уровнем среднегодовых темпов в период с 2010 по 2019 год (рис. 5). В частности, по прогнозам, страны с низкими доходами достигнут значительно более высоких темпов роста на душу населения, чем в предыдущее десятилетие. Более того, прогнозируемый рост мировой экономики в 2024 году по-прежнему превышает темпы, зафиксированные во время финансового кризиса 2009 года. Мир

realtime-economic-issues-watch/uncoordinated-monetary-policies-risk-historic-global-slowdown.

¹ Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies?..

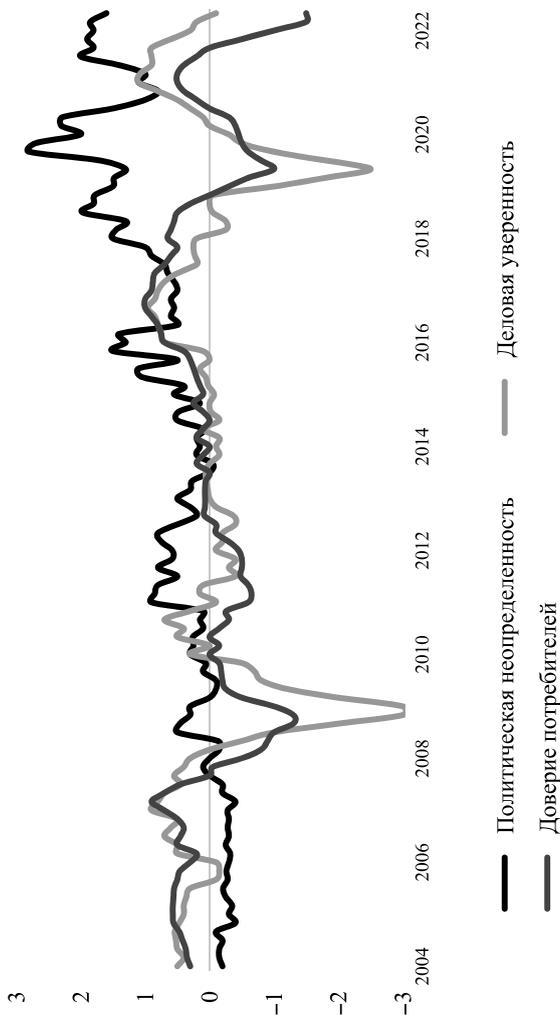

Рис. 4. Медианные показатели потребительской и деловой уверенности (стандартное отклонение от среднего) и политическая неопределенность (февраль 2004 г. — сентябрь 2022 г.)

Источник: Economic Policy Uncertainty Index // [Economic Policy Uncertainty Index](http://www.policyuncertainty.com) // <http://www.policyuncertainty.com>.

Примечание. На рис. 4 показано медианное значение стандартизированного индикатора потребительской уверенности в выборке из 44 стран и медианное значение стандартизированного индикатора деловой уверенности в выборке из 14 стран. Индекс политической неопределенности представляет собой средневзвешенное ВВП 21 страны.

ожидает рецессия, особенно за пределами стран «золотого миллиарда». Ряд факторов риска повышает вероятность наступления глобальной рецессии¹.

Рис. 5. Рост ВВП на душу населения, мир в целом и группы стран (2010–2023) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

¹ Guénette J. D., Ayhan Kose M., Sugawara N. Is a Global Recession Imminent? // Equitable Growth, Finance and Institutions Policy Note. 2022. № 4 ; Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies?..

Также ожидаются масштабные структурные сдвиги в мировой экономике, которые окажут влияние на рынок труда. Старение населения усугубляет нехватку рабочей силы в некоторых странах. Напротив, в странах с быстрорастущим населением обостряются проблемы, связанные с предоставлением молодому поколению достаточных возможностей для обеспечения продуктивной достойной работы. Рост производительности труда наталкивается на серьезные ограничения, которые ставят под угрозу перспективы сокращения бедности среди работающего населения, а также снижения глобального неравенства трудовых доходов. В ряде стран крайне непросто решить проблему старения населения, сохранив при этом уровень жизни. Также цифровизация экономики приводит к изменению требований к навыкам кандидатов на замещение вакантных рабочих мест. Действующие образовательные системы не позволяют в полной мере удовлетворять новые потребности работодателей¹.

Кроме этого, на уровень жизни населения влияют изменение климата и политика государств, направленная на смягчение его последствий. В 2024 году произошел ряд климатических катаклизмов, которые напомнили мировому сообществу о том, что процессы изменения климата ускоряются. Это обуславливает значительные социальные издержки, хотя глобальная температура еще не достигла порога повышения на 1,5 °C². Вероятно, приближаются переломные моменты в изменении климата. Потеря биоразнообразия или таяние льдов могут ускорить повышение температуры. При этом возможны существенные спады производства и сокращение занятости, особенно в странах с хрупкими экосистемами и высокими средними температурами. По оценкам экспертов, к 2030 году 2,2 % рабочего времени в мире может быть потеряно вследствие «теплового стресса», главным образом в сельском хозяйстве и строительстве³. Переход к нуле-

¹ Changing Demand for Skills in Digital Economies and Societies: Literature Review and Case Studies from Low- and Middle-Income Countries. 2021 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/skills/areas/skills-training-for-poverty-reduction/WCMS_831372/lang--en/index.htm ; Feijao C., Stolk Flanagan C., van Gunashekar S. The Global Digital Skills Gap: Current Trends and Future Directions // RAND Corporation. 2021. DOI: <https://doi.org/10.7249/ RRA1533-1>.

² Global Warming of 1.5°C: An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1.5°C above Pre-industrial Levels and Related Global Greenhouse Gas Emission Pathways, in the Context of Strengthening the Global Response to the Threat of Climate Change, Sustainable Development, and Efforts to Eradicate Poverty. Cambridge ; N. Y. : Cambridge Univ. Press, 2018.

³ Working on a Warmer Planet: The Impact of Heat Stress on Labour Productivity and Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: <https://>

вым выбросам углекислого газа, возможно, обойдется недешево, но он также создаст новые возможности. Нынешний кризис цен на энергоносители может усугубиться по мере перехода к «зеленым» технологиям. В то время как развитые страны будут отходить от ископаемого топлива, цена на него, вероятно, упадет. У менее развитых стран появится дополнительный стимул больше полагаться на производство энергии, основанное на выбросах углерода. Однако существует множество свидетельств, что быстрый переход к экономике с нулевыми выбросами углерода будет выгоден не только с экологической, но и с экономической точки зрения¹. Он может привести к возникновению 18 млн рабочих мест по всему миру².

Вероятно, переход от «коричневых» рабочих мест к «зеленым» потребует умеренного снижения уровня жизни, которое необходимо будет справедливо распределить на международном уровне, внутри стран и между поколениями. Меры социальной защиты и адресная поддержка доходов, а также политика в области профессиональных навыков для поддержки перехода от «коричневых» к «зеленым» рабочим местам должны быть усилены, в частности, в странах, у которых есть финансовые возможности³. Для этого необходимо найти новые формы международных климатических соглашений, которые будут направлять часть средств, взимаемых с загрязнителей с высокими доходами, на усиление инвестиций в поглотители углерода на Глобальном Юге⁴. Такие программы необходимо разрабатывать с учетом особенностей рынка труда, чтобы способствовать созданию достойных рабочих мест, связанных, например, с оказанием экосистемных услуг⁵.

www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf.

¹ Empirically Grounded Technology Forecasts and the Energy Transition / R. Way, M. C. Ives, P. Mealy, J. D. Farmer // *Joule*. 2022. Vol. 6, № 9. P. 2057–2082. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joule.2022.08.009>.

² World Employment and Social Outlook 2018: Greening with Jobs // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_628654/lang--en/index.htm.

³ «Коричневый» относится к задачам и деятельности, которые препятствуют защите окружающей среды, дальнейшим неустойчивым решениям или имеют большое негативное воздействие на окружающую среду (*Bohnenberger K.* Is it a Green or Brown Job? A Taxonomy of Sustainable Employment // *Ecological Economics*. 2022. № 200. 107469).

⁴ *Barga J. P.* Greening Macroeconomic Policies: Current Trends and Policy Options // ILO Policy Brief. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_863317.pdf.

⁵ World Employment and Social Outlook 2018...

В ближайшие годы рост занятости замедлится, людям будет все сложнее найти работу высокого качества, а реальные доходы, вероятно, упадут. Причины такого развития событий заключаются в динамике предложения рабочей силы и демографических изменениях, структуре рынков труда и институциональном контексте создания и ликвидации рабочих мест. Эти детерминанты вариативны в разных странах; различия во взаимодействии спроса и предложения рабочей силы, а также в оплате труда работников обуславливают различия в процессе функционирования рынков труда.

Глобальный показатель доли рабочей силы в общей численности населения восстановился почти до 60 % в 2022 году, что немного ниже уровня 2019 года. В 2023 году он несколько снизился, и, по прогнозам, тенденция некоторого снижения данного показателя сохранится и в дальнейшем. В 2022 году в состав рабочей силы входили около 3,6 млрд человек. Отсутствие экономической активности (то есть ситуация, при которой человек в трудоспособном возрасте не входит в состав рабочей силы) может быть следствием целого комплекса факторов. Долгосрочное сокращение данного показателя в некоторой степени обусловлено тем, что молодое поколение тратит больше времени на образование, а старшее поколение позднее выходит на пенсию. Эти явления стали возможны благодаря экономическому развитию. Однако отсутствие экономической активности может быть следствием неэффективного функционирования рынка труда, разочарований при попытках трудоустройства, гендерной дискриминации и других факторов. Поэтому в целом снижение доли рабочей силы в общей численности населения нельзя признать позитивной тенденцией.

В ряде стран с высоким уровнем дохода население трудоспособного возраста начало сокращаться. Среди стран с развивающейся экономикой в Китае в 2015 году впервые произошло сокращение численности населения трудоспособного возраста, которое, по прогнозам, будет ускоряться. Проблема нехватки рабочей силы, обусловленная демографическими факторами, будет усугубляться в связи с ухудшением здоровья части населения. Нехватка рабочей силы, вызванная демографическими факторами, усугубляется ростом уровня бездействия, связанного со здоровьем. По оценкам Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ) примерно 20 % инфицированных COVID-19 так или иначе будут испытывать проблемы со здоровьем на протяжении длительного периода времени¹. Оценки воздействия пандемии на

¹ Cox T. How Many People Get “Long” COVID? More than Half, Researchers Find // PennState. 2021, 13 Oct. URL: <https://www.psu.edu/news/research/story/how-many-people>

предложение рабочей силы дают неодинаковые результаты; исследования в США показывают, что вследствие пандемии из состава рабочей силы выбыли 300–600 тыс. рабочих¹ и даже 2–4 млн человек². Этот диапазон соответствует 0,2–2,2 % рабочей силы.

Поддержание или повышение уровня жизни в условиях увеличения числа пожилых людей требует более быстрого роста производительности труда, увеличения доли рабочей силы в общей численности населения или внутренней миграции молодых работников. В среднем каждому работнику необходимо будет производить все больше продукции, поскольку ее должно быть достаточно для поддержания все большего числа экономически неактивных людей³. Коэффициент иждивенцев пожилого возраста (определяется как соотношение населения в возрасте 65 лет и старше к населению в возрасте от 15 до 64 лет) за последнее десятилетие значительно возрос в странах с высоким уровнем дохода, а также в странах с доходом выше среднего (рис. 6).

Предвидя эти тенденции, некоторые страны уже давно приняли меры по увеличению доли рабочей силы в общей численности населения. Во многих странах с высоким уровнем дохода был повышен пенсионный возраст и созданы дополнительные стимулы для пожилых работников продолжать работать. В этих странах отмечался рост доли рабочей силы в общей численности населения среди людей в возрасте от 25 до 64 лет, а также увеличение аналогичного показателя для лиц в возрасте 65 лет и старше. Тем самым в некоторой степени был компенсирован снижающийся рост производительности труда и сохранен потенциал роста ВВП на душу населения (см. рис. 6). Однако вопрос о том, насколько такая политика может способствовать преодолению структурного дефицита рабочей силы, не имеет однозначного ответа. Коэффициент иждивенцев пожилого возраста растет

get-long-covid-more-half-researchers-find/ ; *Beusekom M., van.* Global Data Reveal Half May Have Long COVID 4 Months on // CIDRAP News. 2022, 18 Apr. URL: <https://www.cidrap.umn.edu/global-data-reveal-half-may-have-long-covid-4-months>.

¹ *Sheiner L., Salwati N.* How Much Is Long COVID Reducing Labor Force Participation? Not Much (So Far) // Hutchins Center Working Paper. 2022. № 80. URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/10/WP80-Sheiner-Salwati_10.27.pdf.

² *Bach K.* New Data Shows Long Covid Is Keeping as Many as 4 Million People out of Work // Brookings. 2022, 24 Aug. URL: <https://www.brookings.edu/research/new-data-shows-long-covid-is-keeping-as-many-as-4-million-people-out-of-work/>.

³ Повышение темпов роста производительности труда является лишь необходимым условием поддержания уровня жизни в условиях старения населения. Не менее важно перераспределение доходов, то есть дизайн пенсионных систем, чтобы каждый мог реально ощутить этот уровень жизни.

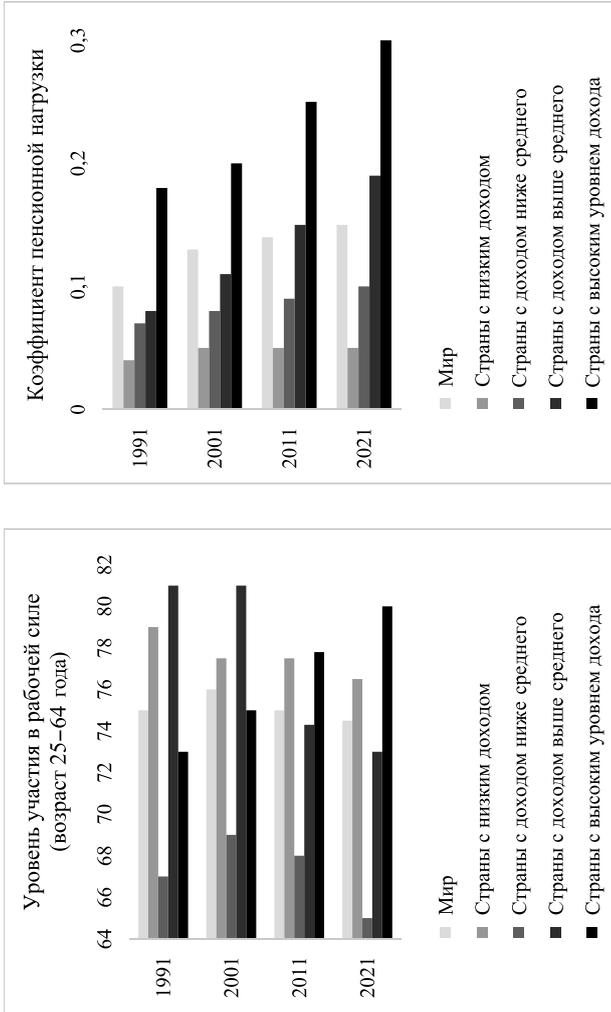

Рис. 6. Коэффициент демографической нагрузки пожилых людей и уровень участия в рабочей силе (%) людей в возрасте 25-64 лет в мире и по группам стран, выделенных по уровню доходов (1991–2021)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

слишком быстро. Кроме того, политика непрерывного обучения также реализуется с существенными ограничениями с учетом высоких альтернативных издержек переподготовки работников старшего возраста. Опыт работы не всегда может быть использован при переходе работника к другой профессии или в другой сектор, в результате чего он может потерять значительную часть надбавки к заработной плате, связанной с выслугой лет¹. Следует приложить дополнительные усилия для привлечения на рынок труда большего числа женщин и маргинализированных групп.

Работодатели в странах со стареющим населением столкнутся с сокращением рабочей силы и, следовательно, резерва кандидатов. Доля рабочей силы в общей численности населения среди людей в возрасте от 25 до 64 лет в странах с высоким уровнем дохода уже на 7 процентных пунктов выше среднемирового показателя, и дальнейшее ее увеличение весьма проблематично. Согласно прогнозам в 2024 году в странах с высоким уровнем дохода численность рабочей силы сократится. В 2022 году три четверти опрошенных компаний сообщили, что испытывают трудности с поиском сотрудников с квалификацией и потенциалом, необходимыми для замещения некоторых вакантных должностей².

Во всем мире в 2022 году число женщин трудоспособного возраста, не входящих в состав рабочей силы, превысило количество мужчин на 750 млн. Это обстоятельство является прямым следствием того факта, что доля рабочей силы в общей численности населения у женщин была на 24,9 процентных пункта ниже, чем у мужчин (рис. 7). Гендерные различия в активности на рынке труда хотя и являются глобальным феноменом, проявляются в разных странах и регионах. В таких регионах, как Северная Африка, арабские государства и Южная Азия, вероятность экономической активности женщин в три раза ниже по сравнению с аналогичным показателем для мужчин. Зачастую активности женщин на рынке труда препятствуют социальные нормы³.

¹ Human Capital at Work: The Value of Experience // McKinsey : [сайт]. 2022. URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/human-capital-at-work-the-value-of-experience>.

² The Global Talent Shortage // ManpowerGroup : [сайт]. 2022. URL: <https://go.manpowergroup.com/hubfs/Talent%20Shortage%202022/MPG-Talent-Shortage-Infographic-2022.pdf>.

³ A Quantum Leap for Gender Equality: For a Better Future of Work for All // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_674831/lang--en/index.htm ; World Employment and Social

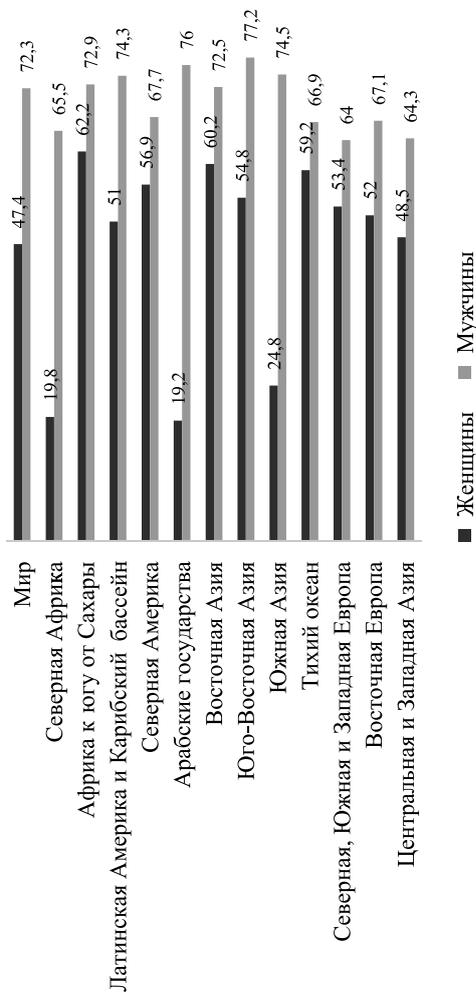

Рис. 7. Доля рабочей силы в общей численности населения, мир в целом и отдельные субрегионы, с учетом гендерных различий (2022) (%)

Источники: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

В странах с доходами ниже среднего коэффициент иждивенцев пожилого возраста обычно невысок, что приносит таким национальным экономикам определенную выгоду. Однако эти страны сталкиваются с проблемой интеграции большого количества молодежи на рынок труда. По прогнозам, совокупная численность рабочей силы стран этой группы в ближайшие годы будет увеличиваться примерно на 30 млн в год в основном за счет молодежи; на долю Африки будет приходиться почти половина глобального прироста рабочей силы (16 млн рабочих в год), хотя в настоящее время лишь около 20 %. Большое количество молодых людей, которые, согласно прогнозам, выйдут на рынок труда, обуславливают появление определенных специфических проблем¹.

В 2022 году более 20 % молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет можно было отнести к категории NEET (не работают и не учатся). Это составляет 289 млн человек, которые были лишены возможности получить профессиональные навыки посредством раннего опыта работы или прохождения обучения в какой-либо форме². Молодые женщины в два раза чаще, чем молодые мужчины, попадают в данную категорию. Это означает, что гендерные различия с точки зрения доли рабочей силы в общей численности населения, вероятно, будут сохраняться. Действительно, регионы с большим гендерным разрывом в показателе доли рабочей силы в общей численности населения также демонстрируют большие гендерные разрывы в категории NEET, что обуславливает необходимость более активно решать проблемы гендерного неравенства на рынке труда с помощью инструментов государственной политики. Обнадёживает тот факт, что гендерные различия в показателях NEET за последние 16 лет сократились:

Outlook: Trends for Women 2017 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2017. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends-for-women2017/lang--en/index.htm>.

Эти факторы могут включать дискриминацию, фрагментацию и сегрегацию рынков труда, неравномерное распределение неоплачиваемой рабочей силы, работу по уходу и обязанности по уходу между мужчинами и женщинами, а также между семьями и государством, гендерное насилие и домогательства, преобладающие гендерные стереотипы и социокультурные нормы, а также ограниченное право голоса и представительство женщин в процессах коллективного принятия решений.

¹ Многие африканские молодые люди, выходящие на рынок труда, проживают в сельской местности (Advancing Social Justice and Decent Work in Rural Economies // ILO Policy Brief. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_858195.pdf).

² Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in Transforming Futures for Young People // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_853321/lang--en/index.htm.

среди молодых женщин они снизились на 2 процентных пункта, тогда как среди молодых мужчин немного увеличились.

Существуют большие различия в показателях NEET по регионам, что частично объясняется гендерным неравенством, а также трудностями, с которыми молодые люди сталкиваются при выходе на рынок труда. Например, чуть более 10 % молодых европейцев относятся к категории NEET, в то время как в арабских государствах — почти 20 % (рис. 8). Помимо NEET, многие молодые люди экономически неактивны, поскольку получают образование¹. В 2022 году показатель доли рабочей силы в общей численности населения для молодежи составлял около 40 %, что намного ниже, нежели у взрослого населения. Благодаря растущим возможностям молодых людей получать дополнительное образование, особенно в странах со средним уровнем дохода, данный показатель демонстрирует устойчивую тенденцию к снижению. Три десятилетия назад он составлял около 56 %.

В 2022 году около 268 млн человек в мире не входили в состав рабочей силы, но тем не менее были заинтересованы в трудоустройстве. В эту группу входили работники, которые были разочарованы тем, что не видят никакой возможности получить достойную работу, а также лица, у которых не получается устроиться на работу. Раскрытие потенциала этих людей могло бы увеличить предложение рабочей силы и тем самым смягчить ее дефицит.

Детерминанты роста занятости различаются в зависимости от группы доходов стран. Во-первых, макроэкономические перспективы различаются в разных странах. По прогнозам, экономики некоторых стран войдут в состояние рецессии, тогда как в других, вероятно, произойдет нормализация темпов роста после довольно высоких значений показателя в 2021–2022 годах. Во-вторых, институты сильно различаются в разных странах, в том числе по охвату населения системами социальной защиты, масштабам социальных переговоров, уровню занятости и характеру законодательства о защите интересов занятых, а также по приоритетам государственной политики на рынке труда. В-третьих, крайне неоднородной является демографическая ситуация в разных странах.

В странах с низкими доходами и доходами ниже среднего уровень занятости лишь умеренно реагирует на колебания экономической активности, поскольку большинство работников заняты

¹ Global Employment Trends for Youth 2022...

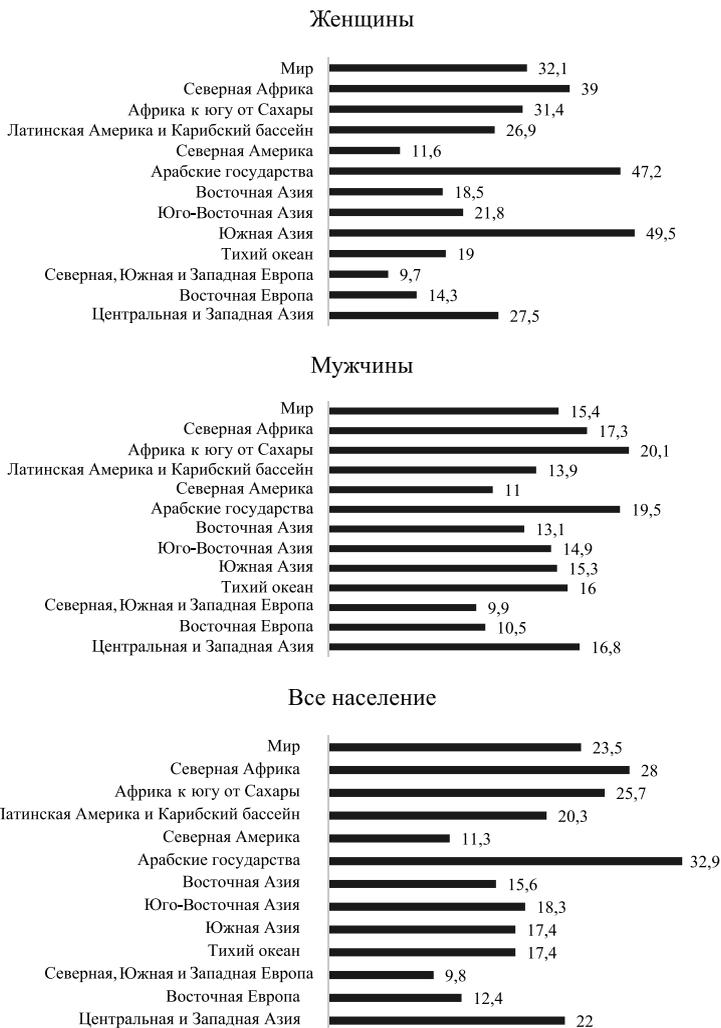

Рис. 8. Молодежь в возрасте 15–24 лет, не работающая, не получающая образования или профессиональной подготовки, мир в целом и субрегионы, с учетом гендерных различий (2022) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

в неформальном секторе. В отсутствие систем социальной защиты работники неформального сектора продолжают вести экономическую деятельность, направленную на выживание. В этих странах рост занятости во многом зависит от количества людей, достигших трудоспособного возраста. Уровень безработицы в этих странах также не зависит от характера конъюнктурных колебаний. Однако экономический спад приводит к снижению доходов, а также количества отработанных часов, особенно для работников, не имеющих постоянной работы (например, поденщиков).

В странах с доходом выше среднего ситуация более сложная. На одну такую страну (Китай) приходится большинство работников с доходами выше среднего. Она, скорее всего, в ближайшие годы не будет демонстрировать столь высокие темпы экономического роста, как в прошлом. Стратегия борьбы с последствиями COVID-19 обуславливает сокращение рабочего времени, в то время как в отдельных отраслях (например, в строительстве) наблюдается явный переизбыток инвестиций¹. Однако правительство полно решимости поддерживать экономический рост и, вероятно, приложит все усилия, чтобы избежать значительного негативного воздействия конъюнктурных колебаний на рынок труда.

Многие страны с доходом выше среднего являются чистыми экспортерами сырьевых товаров, которые получили выгоду в результате бума цен на сырьевые товары. Этот фактор может оказать позитивное воздействие на состояние государственного бюджета и уровень внутреннего потребления, тем самым поддержав рост занятости. Однако более высокие доходы от сырьевого экспорта, вероятно, будут сконцентрированы среди представителей сравнительно небольшого числа домохозяйств, в то время как рост стоимости жизни затрагивает все население. Подобный сценарий развития событий (при условии, что он не будет существенно скорректирован путем государственного вмешательства) может привести к увеличению социального неравенства и, как следствие, оказать негативное воздействие на рост занятости и совокупный спрос.

В странах с высоким уровнем дохода и стареющим населением эволюция занятости также определяется среднесрочными стратегическими решениями компаний, которым необходимо найти баланс между увольнением работников во время спада и риском нехватки ра-

¹ *Pettis M.* China's Overextended Real Estate Sector Is a Systemic Problem // China Financial Markets. 2022, 24 Aug. URL: <https://carnegieendowment.org/chinafinancialmarkets/87751.54X>.

бочей силы во время восстановления экономики. Количество вакансий (по данным выборки из 18 стран, в основном с высоким уровнем дохода) резко сократилось с июня 2022 года, но в сентябре 2022 года все еще оставалось на исторически высоком уровне (рис. 9). Количество вакансий колеблется в зависимости от делового цикла, и, следовательно, ожидается, что оно будет сокращаться в ближайшие годы. Однако компании должны найти компромисс между потребностями в краткосрочной прибыли и среднесрочной задачей по привлечению и поддержанию талантливых сотрудников. Это повышает вероятность, что компании в странах со стареющим населением будут избегать увольнений сотрудников и тем самым «накапливать» рабочую силу, за привлечение которой они так усердно боролись на протяжении 2021–2022 годов.

Многим фирмам может не хватать ресурсов для содержания персонала. Здесь могут сказываться и негативные последствия пандемии COVID-19. В частности, малые и средние предприятия могут не пережить значительное сокращение совокупного спроса. Количество банкротств может увеличиться, особенно с учетом фактора накопления отложенной неплатежеспособности¹. Тем не менее, согласно прогнозам, количество банкротств останется умеренным и не превысит существовавший до пандемии уровень, это во многом обусловлено продолжением государственной поддержки экономики в разных странах². Следовательно, сокращение занятости в странах с высоким уровнем дохода в ближайшие годы будет ограничено масштабами экономического спада.

Обобщая прогнозы по динамике занятости в ближайшие годы, следует обратить внимание на наличие существенных различий по группам стран в зависимости от уровня доходов. Согласно прогнозам, занятость в странах с низкими доходами и доходами ниже среднего будет расти темпами, наблюдавшимися до 2020 года, однако в странах с доходами выше среднего и высокими темпами роста занятости будет происходить гораздо медленнее. Рост в странах с высоким уровнем дохода был положительным в 2022 году только в связи с резким увеличением числа занятых в первом полугодии. В ближайшие годы в странах с высоким уровнем доходов рост числа занятых будет близок к нулю³. По остальным группам стран ожидается сохранение темпов роста

¹ Insolvency Report 2022 // Allianz Research. 2022, 18 May. URL: https://www.allianz-trade.com/en_global/news-insights/news/insolvency-report-2022.html.

² Ibid.

³ Квартальные данные о занятости доступны для 37 стран с высоким уровнем дохода.

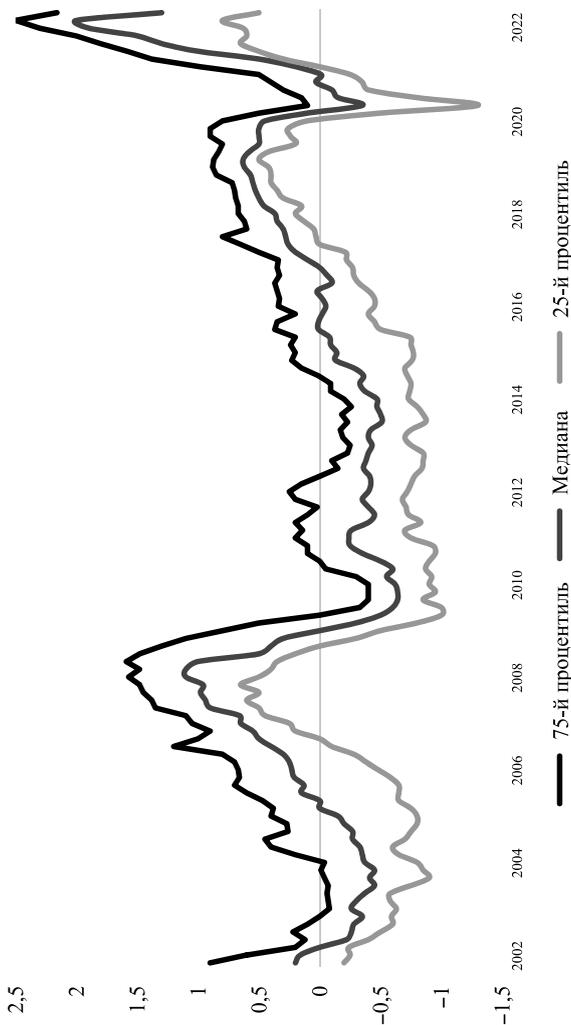

Рис. 9. Вакансии (стандартные отклонения от среднего значения) (июнь 2001 г. — сентябрь 2022 г.)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

Примечание. На рис. 9 показаны медиана, а также 25-й и 75-й процентиля трехмесячного скользящего среднего значения стандартизированных объявлений о вакансиях в 18 странах (в основном с развитой экономикой): Австрия, Кипр, Чехия, Эстония, Финляндия, Франция, Германия, Япония, Новая Зеландия, Польша, Португалия, Словакия, Испания, Швеция, Швейцария, Таиланд, Соединенное Королевство Великобритании и Северной Ирландии, США.

занятости на уровне 2023-го. Многочисленные кризисы, сотрясавшие сферу труда, привели к снижению прогнозируемых значений занятости (рис. 10).

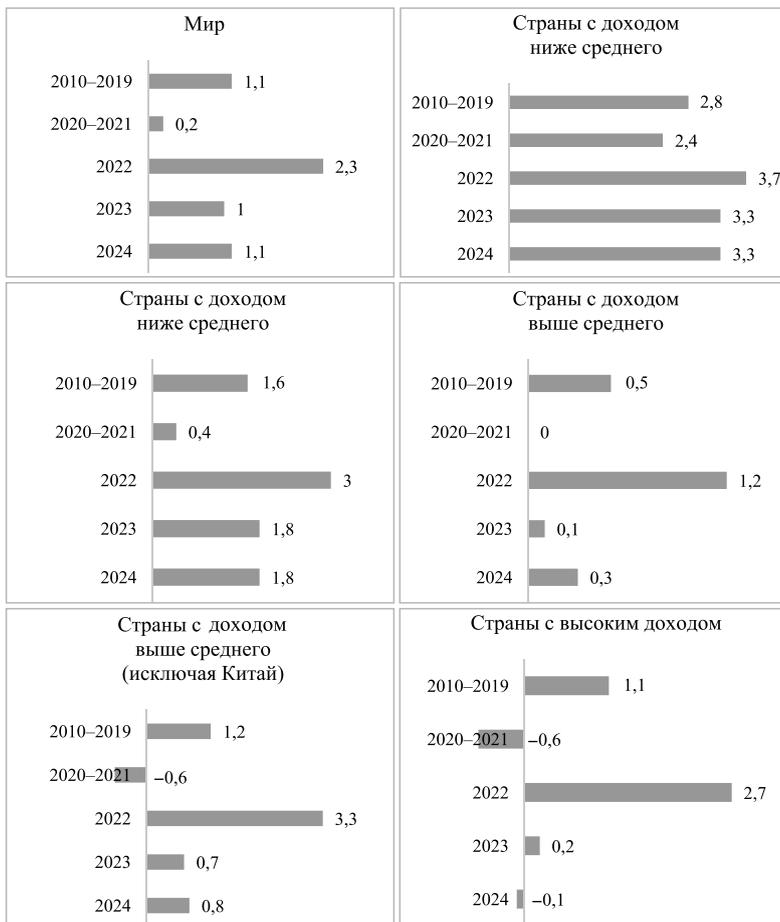

Рис. 10. Среднегодовой рост занятости, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов (2010–2024) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

Рост занятости едва ли достаточен для того, чтобы соответствовать росту населения трудоспособного возраста, что приводит к стабилизации соотношения занятости и численности населения (EPR) во всех группах стран. В 2022 году значение данного показателя достигло 56,4 %. Тем самым произошел значительный рост показателя по сравнению с минимальным значением (54,5 %) в 2020 году. Однако это все же на 1,5 % ниже уровня 2019 года (табл. 3). В странах с низким уровнем дохода показатель EPR в 2022 году был на 0,7 процентных пункта ниже докризисного уровня в странах с низкими доходами. В странах с высокими доходами докризисный уровень EPR был превышен. Тем самым восстановление занятости после пандемии идет неодинаковыми темпами в разных регионах. В ближайшие годы ожидается некоторое снижение значения данного показателя в мире в целом.

Таблица 3

Занятость и соотношение занятости к численности населения по полу, миру и группам доходов стран (2019–2024)

Группа стран	Население	РЭП (%)						Занятость (млн)					
		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Мир	Общее	56,9	54,5	55,7	56,4	56,3	56,1	3273	3176	3283	3359	3393	3430
	Женщины	45,0	43,0	44,0	44,7	44,5	44,4	1299	1256	1301	1335	1347	1360
	Мужчины	68,8	66,1	67,5	68,2	68,1	68,0	1974	1920	1982	2024	2046	2070
Страны с низким уровнем дохода	Общее	62,0	60,7	61,0	61,3	61,4	61,4	242	245	254	263	272	281
	Женщины	53,1	51,8	52,2	52,1	52,1	52,1	105	106	110	113	117	121
	Мужчины	71,2	69,8	70,1	70,8	70,9	71,0	137	139	144	150	155	160
Страны с доходом ниже среднего	Общее	52,0	49,8	50,6	51,4	51,5	51,6	1205	1174	1213	1249	1272	1296
	Женщины	33,7	32,3	32,8	33,5	33,6	33,7	388	378	390	405	413	421
	Мужчины	69,9	67,1	68,2	69,0	69,2	69,2	816	796	823	845	859	875
Страны с доходом выше среднего	Общее	61,0	58,0	60,1	60,4	60,0	59,8	1225	1173	1223	1237	1239	1243
	Женщины	53,2	50,4	52,3	52,7	52,4	52,1	539	514	537	545	545	546
	Мужчины	68,8	65,7	67,9	68,1	67,8	67,6	686	659	685	692	694	696
Страны с высоким уровнем дохода	Общее	58,1	56,3	57,0	58,2	57,9	57,7	602	585	594	610	611	610
	Женщины	51,0	49,3	50,2	51,4	51,1	50,9	267	259	264	272	273	272
	Мужчины	65,4	63,3	63,9	65,1	64,8	64,6	335	326	329	338	338	338

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

У женщин восстановление занятости после пандемии происходило гораздо быстрее, чем у мужчин, значение показателя EPR приблизилось к уровню 2019 года. Однако данная тенденция была

обусловлена прежде всего развитием неформальной занятости. Так, в 2022 году четыре из пяти рабочих мест, созданных для женщин, приходились на неформальный сектор, в то время как для мужчин в аналогичный период в неформальном секторе было создано лишь две трети рабочих мест. В странах с высоким уровнем дохода показатель EPR для женщин вырос на 0,5 % в 2022 году по сравнению с 2019-м, для мужчин — на 0,3 процентного пункта. Страны с доходом ниже среднего имели аналогичный опыт: значение показателя EPR для женщин в основном восстановилось, тогда как для мужчин осталось на 0,9 процентных пункта ниже уровня 2019 года. Женщины в странах с низкими доходами и доходами выше среднего имеют такой же дефицит занятости по сравнению с 2019 годом, как и мужчины. Перспективы занятости мужчин и женщин довольно схожи: прогнозируется, что рост занятости как мужчин, так и женщин будет замедляться примерно одинаковыми темпами.

Во время пандемии особенно сильно пострадала молодежь, восстановление занятости которой идет гораздо более медленными темпами, чем у взрослых¹. В 2022 году глобальное значение показателя EPR для молодых людей в возрасте от 15 до 24 лет составило 34,5 %, что на 0,7 процентного пункта ниже уровня 2019 года. Для взрослых разрыв составил 0,5 процентного пункта. Поскольку значение показателя EPR для молодых людей намного ниже, чем у взрослых, относительный дефицит рабочей силы также намного больше для молодежи — почти 2 % по сравнению с 0,7 % для взрослых. Гендерные различия в уровне занятости в равной степени присутствуют среди молодежи, что подчеркивает сильную устойчивость обуславливающих гендерные различия факторов². У молодых работников также отличаются условия занятости, в частности, высокая вероятность по сравнению с пожилыми работниками заключения срочного контракта³.

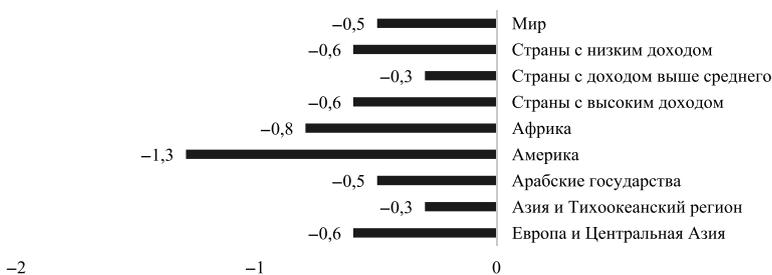
¹ Global Employment Trends for Youth 2022...

² World Employment and Social Outlook: Trends for Women... ; Working on a Warmer Planet: The Impact of Heat Stress on Labour Productivity and Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf ; Global Employment Trends for Youth.

³ World Employment and Social Outlook: Trends 2022 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2022/WCMS_834081/lang--en/index.htm ; Global Employment Trends for Youth 2022...

Общее количество отработанных часов восстанавливалось после кризиса COVID-19 хуже, чем занятость: отработанное время на одного работника постоянно сокращалось. Если в 2019 году среднее количество часов в неделю на одного работника в мире составляло чуть более 42 ч, то в 2022 году этот показатель составил всего 41,4 ч в неделю (рис. 11). Снижение наиболее значительно в странах с доходом ниже среднего (минус 1 ч в неделю). Однако и в странах с низким и высоким уровнем дохода оно оказалось заметным (около минус 0,5 ч в неделю). Это сокращение часов приведет к снижению дохода на одного работника там, где работникам не повысили размер почасового заработка.

Тенденции WESO 2023

Тенденции WESO 2022

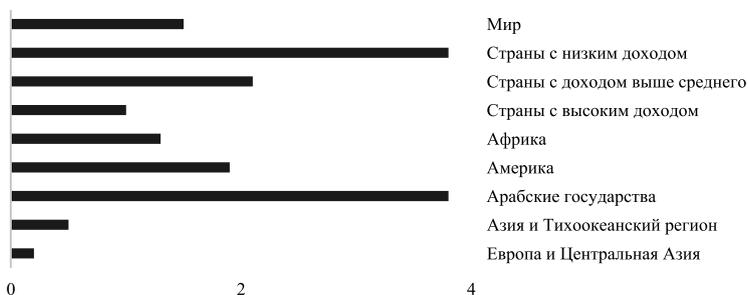

Рис. 11. Пересмотр прогноза роста занятости в 2023 году, мир в целом и субрегионы, группы стран, выделенные по уровню доходов (процентные пункты)

Источники: ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/>; смоделированные оценки МОТ (ноябрь 2021 г., ноябрь 2022 г.)

Низкий уровень отработанного времени на одного работника в странах с низкими доходами напрямую связан с отсутствием возможностей достойного трудоустройства. Хотя значение показателя EPR здесь является самым высоким среди всех групп стран по уровню доходов, низкое среднее количество часов работающих указывает на высокую степень неполной занятости, связанной с продолжительностью рабочего времени, что также снижает трудовые доходы и повышает риск длительного пребывания за чертой бедности. Высокая производительность труда позволяет работникам в странах с высоким уровнем дохода работать относительно мало часов в неделю и сохранять при этом довольно высокий доход. Напротив, в 2022 году работники в странах со средним уровнем дохода работали в среднем более 42 ч в неделю (рис. 12).

Во всем мире женщины работают примерно на семь оплачиваемых часов в неделю меньше, чем мужчины, при этом гендерный разрыв в характере занятости существенно различается по регионам (рис. 13). Меньшее количество часов, которые женщины проводят на оплачиваемой работе, усугубляет и без того большой гендерный разрыв в уровне занятости. Таким образом, неравное бремя неоплачиваемого труда, которое ложится на женщин, влияет не только на их участие на рынке труда, но и на рабочее время, когда они трудоустроены. Интересно, что женщины в Южной, а также в Центральной и Западной Азии по сравнению с другими странами мира довольно много работают. Однако мужчины в этих двух регионах работают наибольшее количество часов в неделю, что приводит к вышеупомянутым существенным гендерным разрывам.

В 2020 году количество отработанных часов на одного работника значительно сократилось. Одной из определяющих особенностей кризиса COVID-19 является относительно ограниченное влияние на занятость, несмотря на значительное снижение трудовой активности. Общее количество отработанных часов, которое определяет уровень трудовой активности в экономике, сократилось почти на 9 % по сравнению с IV кварталом 2019 года с поправкой на рост населения (табл. 4). В связи с неполным восстановлением занятости и меньшим количеством отработанных часов на одного работника общее количество отработанных часов (с поправкой на численность населения) в 2022 году было на 1,4 % ниже уровня IV квартала 2019 года; этот разрыв соответствует эквиваленту 41 млн рабочих мест при полной

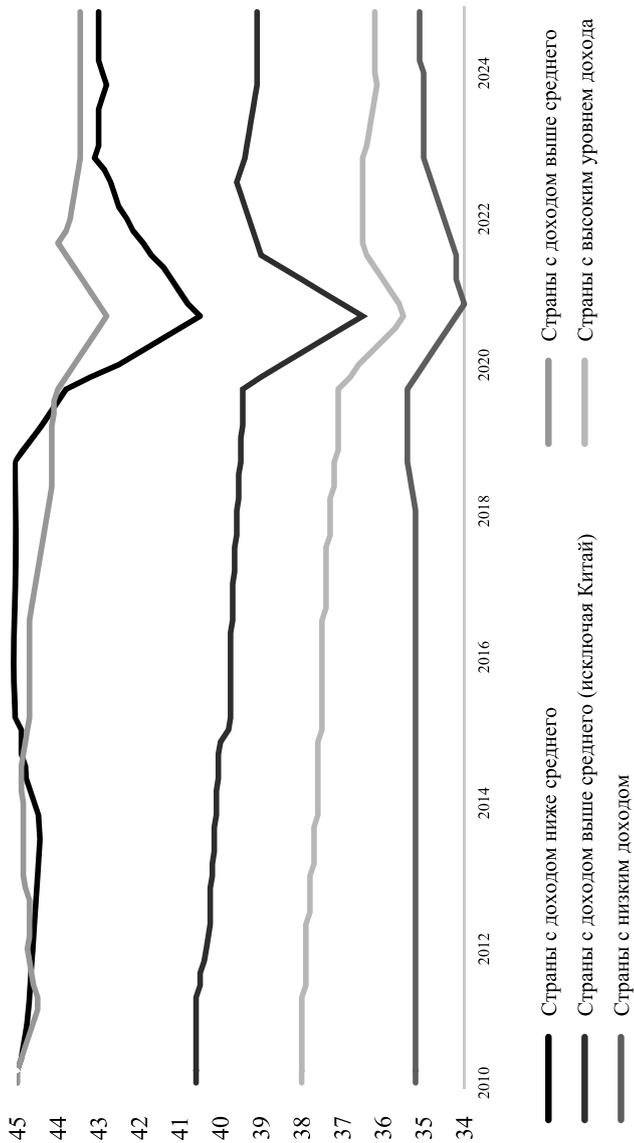

Рис. 12. Количество отработанных часов в неделю на одного работающего, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов (2010–2024)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

занятости¹. Возмещение потерь рабочего времени крайне неравномерно во всем мире. В странах с низкими доходами и доходами ниже среднего в 2022 году разрыв по-прежнему был больше по сравнению с IV кварталом 2019 года². В ближайшие годы ожидается глобальное сокращение до 1,3.

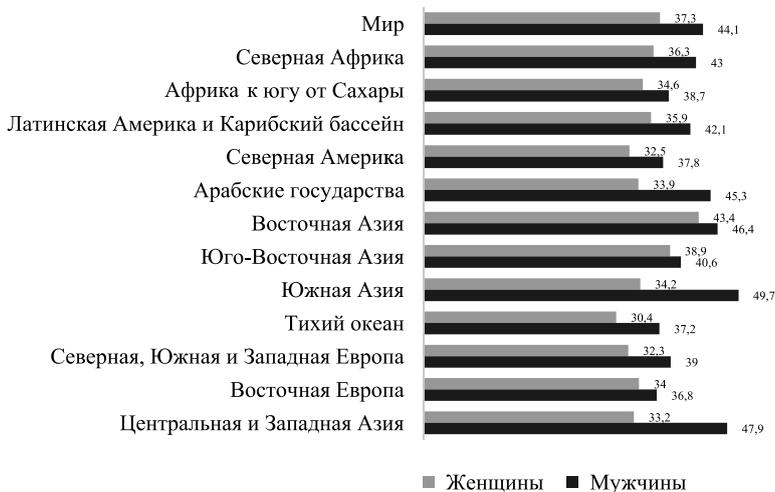

Рис. 13. Отработанное в неделю количество часов на одного работающего, мир в целом и субрегионы, с учетом гендерных различий (2022) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

Число безработных в мире значительно снизилось в 2022 году до 205 млн. В 2020 году безработными были 235 млн человек, однако это все же на 13 млн больше, чем в 2019 году. Тем самым уровень мировой безработицы, составлявший в 2022 году 5,8 %, все еще был выше уровня 2019 года (табл. 5). Страны с высоким уровнем дохода добились значительного прогресса в сокращении безработицы: в 2022 году этот показатель снизился до 4,5 %, что даже ниже, чем в 2019 году (4,8 %). Однако в странах как с низким уровнем дохода,

¹ Десятая сессия МОТ «Монитор в мире труда» (ILO Monitor on the World of Work. 10th ed.) демонстрирует дефицит рабочего времени, эквивалентный 40 млн часов полной занятости на рабочих местах на первые три квартала 2022 года.

² ILO Monitor on the World of Work. 10th ed.

так и с доходом ниже среднего уровень безработицы был выше докризисного примерно на 0,5 %.

Таблица 4

Отработанные за неделю часы, динамика по сравнению с IV кварталом 2019 года, проценты и эквиваленты полной занятости, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов (2020–2024)

Группа стран	Разница в количестве отработанных часов в неделю (с учетом численности населения) по сравнению с IV кварталом 2019 года (%)					Разница в количестве эквивалентов полной занятости (при 48 ч в неделю) (с учетом численности населения) по сравнению с IV кварталом 2019 года (млн)				
	2020	2021	2022	2023	2024	2020	2021	2022	2023	2024
Мир	-8,7	-3,6	-1,4	-1,6	-1,3	-252,2	-106,3	-41,4	-47,2	-37,8
Страны с низким уровнем дохода	-5,9	-4,6	-2,1	-2,1	-1,4	-10,9	-8,8	-4,2	-4,2	-2,9
Страны с доходом ниже среднего	-11,2	-6,4	-2,7	-2,6	-2,1	-125,3	72,1	-30,6	-30,2	-24,3
Страны с доходом выше среднего	-7,1	-0,8	-0,3	-0,5	-0,4	-80,2	-8,5	-3,6	-5,4	-4,6
Страны с высоким уровнем дохода	-7,6	-3,6	-0,6	-1,6	-1,3	-35,8	-16,9	-2,9	-7,4	-6,0

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

В последующие годы прогнозируется незначительное увеличение безработицы. Относительно скромный рост, несмотря на негативные глобальные экономические перспективы, обусловлен специфичными для конкретных стран многочисленными факторами. Предприятия в странах с высоким уровнем дохода, сталкивающиеся с нехваткой рабочей силы на фоне старения населения, будут прибегать к накоплению рабочей силы там, где это возможно¹. Экономические перспективы в странах с низкими доходами и странах с доходом ниже среднего уже не являются столь негативными, как в докризисный период. Более того, в этих странах исторически наблюдалась меньшая эластичность безработицы по экономическому росту. По прогнозам, уровень безработицы останется относительно стабильным во всех странах, за исключением государств с высокими доходами.

Женщины на рынке труда имеют немного больше шансов оказаться безработными, чем мужчины; уровень их безработицы составил 5,8 % в 2022 году, что на 0,1 процентного пункта выше, чем у мужчин. Для женщин также в большей мере характерно недоиспользование рабочей силы.

¹ Многие страны с высоким уровнем дохода, вероятно, будут поддерживать предприятия, чтобы они удерживали работников, применяя схемы сохранения занятости, которые использовались во время пандемии.

Таблица 5

Уровень безработицы, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов, с учетом гендерных различий (2019–2024) (млн и %)

Группа стран	Население	Уровень безработицы (%)					Безработица (млн)						
		2019	2020	2021	2022	2023	2024	2019	2020	2021	2022	2023	2024
Мир	Общее	5,5	6,9	6,2	5,8	5,8	5,8	191,9	235,	216,4	205,2	208,2	210,9
	Женщины	5,6	6,7	6,2	5,8	5,8	5,9	77,3	90,3	86,5	91,9	83,5	84,7
	Мужчины	5,5	7,0	6,1	5,7	5,7	5,7	114,7	144,9	129,9	123,3	124,7	126,3
Страны с низким уровнем дохода	Общее	5,2	5,9	5,8	5,8	5,7	5,7	13,1	15,4	15,7	16,1	16,5	16,9
	Женщины	5,4	6,1	6,1	6,0	6,0	6,0	6,0	6,9	7,2	7,3	7,5	7,7
	Мужчины	5,0	5,7	5,6	5,5	5,5	5,4	7,2	8,4	8,6	8,8	9,0	9,2
Страны с доходом ниже среднего	Общее	5,5	7,4	6,4	6,2	6,1	6,2	70,1	9,8	82,8	82,0	83,3	85,3
	Женщины	5,6	6,8	6,3	6,2	6,2	6,2	22,9	27,7	26,	26,7	27,3	28,0
	Мужчины	5,5	7,7	6,4	6,2	6,1	6,1	47,2	66,1	56,5	55,4	56,1	57,3
Страны с доходом выше среднего	Общее	6,0	6,8	6,3	6,0	5,8	5,8	78,6	85,3	82,6	78,4	76,9	77,0
	Женщины	6,0	6,6	6,4	5,9	5,8	5,8	34,3	36,5	36,7	34,3	33,8	33,9
	Мужчины	6,1	6,9	6,3	6,0	5,9	5,8	44,3	48,8	46,0	44,1	43,1	43,1
Страны с высоким уровнем дохода	Общее	4,8	6,5	5,6	4,5	4,9	5,0	30,1	40,7	35,2	28,7	31,5	31,8
	Женщины	5,0	6,9	5,9	4,8	5,2	5,3	14,1	19,2	16,5	13,7	14,9	15,1
	Мужчины	4,5	6,2	5,4	4,3	4,7	4,7	15,9	21,5	18,8	15,1	16,6	16,7

Источники: ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/>; смоделированные оценки MOT (ноябрь 2022 г.).

В 2020 году уровень безработицы среди женщин рос более медленными темпами по сравнению с мужчинами. Женщины с большей вероятностью покидают рынок труда после потери работы. Отчасти это обусловлено возросшим бременем неоплачиваемой работы по уходу за детьми или престарелыми родственниками. К 2022 году гендерный разрыв в уровне безработицы приблизился к уровню 2019 года, поскольку более активное восстановление занятости среди женщин сопровождалось восстановлением доли рабочей силы в общей численности населения.

Вероятность того, что молодые люди в составе рабочей силы останутся безработными, в три раза выше, чем аналогичный показатель для взрослого населения. Глобальный уровень безработицы среди молодежи в 2022 году составил около 14 %. Это означает, что 69 млн молодых людей искали работу, но не смогли найти ее ¹. Самый высокий уровень безработицы среди молодежи характерен для стран с доходом выше среднего — 17 % в 2022 году, а самый низкий в странах с низкими доходами — 9 % (рис. 14). Значение показателя также

¹ Помимо поиска работы, люди также должны быть готовы к трудоустройству, что-бы их можно было определить как безработных.

сильно варьирует по регионам¹. В 2022 году он еще был выше, чем в 2019-м, но снизился в странах с высоким уровнем дохода. Согласно прогнозам, глобальная безработица среди молодежи в ближайшее время будет оставаться стабильной. Показатель 289 млн молодых людей, которые являются NEET (см. рис. 14), подчеркивает тот факт, что безработица среди молодежи — это лишь одна из многочисленных проблем, с которыми приходится сталкиваться молодым людям на рынке труда.

Безработица является самым известным, но в то же время одним из наиболее ограниченных показателей недоиспользования рабочей силы. Чтобы иметь статус безработного, человек должен быть готов трудоустроиться в кратчайшие сроки². Хотя этот показатель недоиспользования рабочей силы высокоинформативен, огромное количество людей не соответствуют вышеупомянутым критериям, но тем не менее заинтересованы в поиске работы. Общая неудовлетворенная потребность в занятости намного превышает то, что можно охватить только данными по безработице. Новый набор данных MOT показывает масштабы недоиспользования рабочей силы³.

В 2022 году около 473 млн человек хотели устроиться на работу, но не нашли ее. Неудовлетворенный спрос на рабочие места включает 205 млн безработных и еще 268 млн, которые хотели трудоустроиться, но не относились к категории безработных. В последнюю группу входят, например, работники, которым не рекомендуется искать работу, поскольку они не видят возможности трудоустройства, а так-

¹ Global Employment Trends for Youth 2022...

² Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization...

³ Новые оценки соответствуют рекомендациям 19-й сессии Международной конференции статистиков труда (International Conference of Labour Statisticians, ICLS). Постановление о статистике труда, занятости и недоиспользовании рабочей силы содержит оперативные концепции, определения и рекомендации по измерению недоиспользования рабочей силы (Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization...). Основными показателями недоиспользования рабочей силы, выделенными в резолюции, являются неполная занятость, безработица и потенциальная рабочая сила. Дополнительной группой, заинтересованной в измерении недоиспользования рабочей силы, являются желающие, но не ищущие работу. Они демонстрируют меньшую степень привязанности к рынку труда, чем представители потенциальной рабочей силы, но тем не менее имеют отношение к социальному и гендерному анализу. Новый набор данных MOT о дефиците рабочих мест дополняет существующий набор показателей в смоделированных оценках MOT, предоставляя комбинированные оценки потенциальной рабочей силы и не желающих искать работу. Следовательно, оценки включают тех, кто недавно искал работу, но не готов работать в течение короткого учетного периода, тех, кто не искал работу, но готов работать в течение короткого учетного периода, а также тех, кто не попадает ни в одну из категорий, но хочет трудоустроиться.

же те, кто в настоящее время не может устроиться на работу в короткие сроки, например лица с семейными обязанностями и студенты дневной формы обучения. Таким образом, разница между фактически занятыми и желающими работать — это новый индикатор, который дает гораздо лучшее представление о недоиспользовании рабочей силы, чем только число безработных. В 2022 году значение этого показателя составило 473 млн человек. Это соответствует 12,3 %, что значительно превышает мировой уровень безработицы, составляющий 5,8 %¹. Данный показатель особенно значим для женского населения.

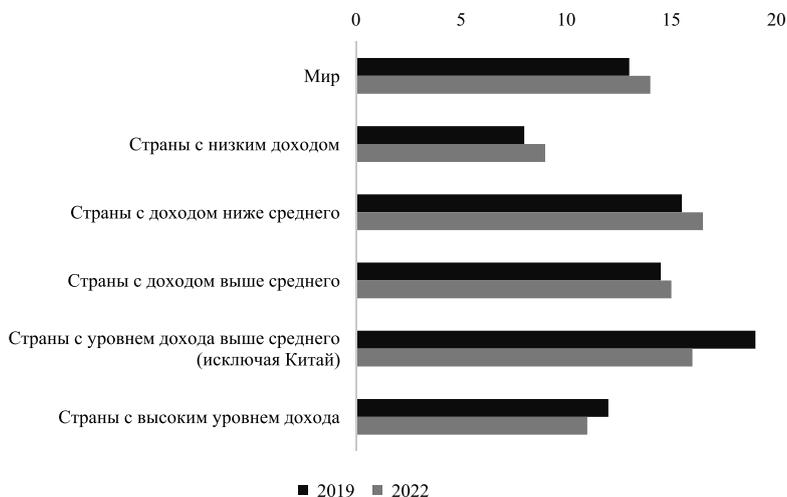

Рис. 14. Уровень безработицы среди молодежи, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов (2019, 2022) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/sites/default/files/wcmsp5/groups/public/@dgreports/@inst/documents/publication/wcms_865332.pdf/.

¹ Уровень недоиспользования рабочей силы, включая желающих, не ищущих работу, определяется как аналогичный совокупному показателю безработицы и потенциальной рабочей силы, использованный в 19-м ICLS. Дополнительный дефицит рабочих мест определяется как сумма потенциальной рабочей силы и желающих и не ищущих работу, поделенная на сумму расширенной рабочей силы и желающих и не ищущих работу. Используя последние доступные оценки потенциальной рабочей силы (оценки, смоделированные МОТ, ноябрь 2021 г.), можно сделать вывод, что в 2019 году на долю потенциальной рабочей силы приходилось примерно 40 % дефицита дополнительных рабочих мест; остальную часть составили те, кто хотел трудоустроиться, но не имел возможности трудоустроиться и не искал работу.

В 2022 году во всем мире уровень безработицы мужчин и женщин был одинаковым. Однако разница между фактически занятыми и желающими работать для женщин составляла 15,0 % по сравнению с 10,5 % для мужчин (рис. 15). Иными словами, помимо относящихся к категории безработных, еще 153 млн женщин имеют неудовлетворенную потребность в трудоустройстве, если мы применим этот более широкий подход, по сравнению со 115 млн мужчин. Личные и семейные обязанности, включая неоплачиваемый труд по уходу за детьми и престарелыми родственниками, могут стать помехой при поиске работы или ограничить возможность приступить к работе в короткие сроки. Такие ограничивающие факторы существенно влияют на женщин и, таким образом, объясняют большой разрыв значенный показателя недоиспользования рабочей силы.

Рис. 15. Уровень безработицы и разрыв в рабочих местах, группы стран по уровню доходов, с учетом гендерных различий (2022) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

Разница между значением данного показателя и уровнем безработицы непропорционально велика в развивающихся странах. Вероятно, этому способствуют два фактора. Во-первых, высокая распространенность неформального сектора может негативно влиять на перспективы поиска работы и тем самым снижать мотивацию незанятых продолжать искать способ трудоустроиться. Во-вторых, возможность приступить к работе в кратчайшие сроки может быть ограничена в развивающихся странах из-за большего количества времени,

затрачиваемого на ведение домашнего хозяйства¹. Независимо от причин разница между безработными и желающими трудоустроиться в развивающихся странах довольно велика. В странах с низким уровнем дохода и доходом ниже среднего эта разница может достигать 20 и 13 % соответственно, тогда как в странах с доходом выше среднего она составляет 11 %, а в странах с высоким уровнем дохода — лишь 8 %.

Рабочие могут столкнуться с ухудшением условий труда. Помимо дефицита рабочих мест, ключевым вопросом остается их качество. Многие люди просто не могут позволить себе остаться без работы вследствие бедности и отсутствия социальной защиты. Они зачастую готовы работать за низкую заработную плату, а во многих случаях — неполный рабочий день. Нехватка лучших возможностей трудоустройства в контексте прогнозируемого спада подтолкнет соискателей занять рабочие места низкого качества. Более того, поскольку цены растут быстрее, чем номинальные трудовые доходы, реальные доходы многих работников уменьшаются, что также ухудшает условия труда.

Инфляция, особенно вызванная ростом цен на сырьевые товары, оказывает сильное влияние на распределение доходов. Рост цен на факторы производства и конечные товары и услуги приводит к увеличению бюджетов предприятий и домохозяйств, нуждающихся в их покупке, а также увеличивает доходы торговых организаций.

Оценки ВВП показывают, что реальные доходы в 2022 году продолжали расти в большинстве стран мира. Это, однако, не означает, что инфляция не оказывает никакого влияния на реальные доходы домохозяйств. Во-первых, с учетом влияния роста цен на сырьевые товары страны могут столкнуться с падением национального дохода, поскольку им придется тратить больше средств на импорт. Во-вторых, что более важно, многие работники и предприятия не смогут повысить свои доходы пропорционально росту стоимости жизни или ресурсов в условиях инфляции, следовательно, их реальные доходы снижаются. Вместе с тем рост доходов некоторых работников и предприятий (намного) превышает уровень инфляции, поэтому их реальные доходы увеличиваются. Это обуславливает сдвиг реальных доходов в экономике.

¹ См., например: *Hirway I. Time-Use Surveys in Developing Countries: An Assessment // ResearchGate* : [сайт]. URL: https://www.researchgate.net/publication/304636246_Time-Use_Surveys_in_Developing_Countries_An_Assessment.

Глобальные трудовые доходы распределены по всему миру крайне неравномерно. На беднейшие 50 % занятого населения в 2019 году приходилось лишь 7,8 % мирового трудового дохода. В большей степени это неравенство обусловлено различиями в уровне жизни между странами, а не неравенством доходов внутри стран¹. При этом средневзвешенная доля трудового дохода во всех странах, которые вошли в беднейшие 50 % в 2019 году, составила 17,2 %. Домохозяйства с низким и средним уровнями дохода более восприимчивы к инфляции вследствие влияния структуры доходов населения, активов и потребительской корзины².

Глобальное неравенство трудовых доходов сократилось с 2005 года главным образом в результате экономической конвергенции стран со средним уровнем дохода³. Доля трудовых доходов, полученных 20 % самых богатых работников, снизилась с 76,6 % в 2010 году до 67,3 % в 2019-м. Между тем значительный рост доходов отмечен среди нижних слоев занятого населения⁴. Однако глобальная доля трудовых доходов снизилась с 54,1 % в 2004 году до 52,6 % в 2019-м⁵.

Недавно мир столкнулся с крупнейшим продовольственным кризисом в современной истории. Оценки, полученные в 79 странах, где работает Всемирная продовольственная программа ООН (ВПП), показывают, что в 2022 году 349 млн человек испытывали острую нехватку продовольствия, что поставило под угрозу их жизнь. В ходе кризиса COVID-19, усугубленного военным конфликтом на Украине, число людей, испытывающих острую нехватку продовольствия, увеличилось на 200 млн. Глобальные оценки показывают, что в 2021 году от 702 до 828 млн человек страдали от голода или недоедания — на 150 млн больше, чем в 2019-м⁶. Голод и отсутствие продовольственной безопасности вызваны высокими ценами на продовольствие, что, в свою очередь, обусловлено экономическим спадом, препятствующим

¹ World Employment and Social Outlook: Trends 2020 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang--en/index.htm>.

² Gill I., Nagle P. Inflation Could Wreak Vengeance on the World's Poor // Brookings : [сайт]. 2022, 18 March. URL: <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2022/03/18/inflation-could-wreak-vengeance-on-the-worlds-poor/>.

³ World Employment and Social Outlook: Trends 2020.

⁴ Milanovic B. The Three Eras of Global Inequality, 1820–2020 with the Focus on the Past Thirty Years // SocArXiv Papers. 2022. DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/yg2h9>.

⁵ World Employment and Social Outlook: Trends 2020.

⁶ The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable. DOI: <https://doi.org/10.4060/cc0639en>.

щами сельскохозяйственной деятельности военными конфликтами, а также природными катаклизмами, которые будут усиливаться и учащаться в связи с изменением климата¹.

Средняя реальная заработная плата в 2022 году снизилась, а это значит, что наемные работники не смогли повысить свои доходы пропорционально темпам инфляции². Сокращение уменьшило покупательную способность среднего класса и особенно сильно ударило по группам населения с низкими доходами, а также сопровождалось существенным снижением уровня заработной платы во время кризиса в период COVID-19. По оценкам экспертов, снижение реальной заработной платы в 2022 году оказалось наиболее серьезным в странах с развитой экономикой — на 2,2 %. В странах с развивающейся экономикой наблюдался медленный, но положительный рост заработной платы — на 0,8 %.

Падение реальных доходов особенно разрушительно влияет на бедные домохозяйства, которые рискуют оказаться в нищете в отсутствие продовольственной безопасности. Более высокая доля продуктов питания и транспорта в бюджете сравнительно бедных домохозяйств означает, что рост стоимости жизни среди домохозяйств с низкими доходами может быть на 1–4 % выше, чем в домохозяйствах с высокими доходами³. По оценкам Всемирного банка, при реализации пессимистического сценария, когда воздействие высоких цен на продовольствие приходится главным образом на беднейшие 40 % населения, в состоянии крайней нищеты окажутся на 20 млн людей больше по сравнению с базовым сценарием⁴. Влияние нынешней инфляции на уровень бедности работающих неоднородно, поскольку 65 % бедного населения работают в сельском хозяйстве⁵ и, следовательно, могут получить некоторую выгоду в связи с ростом доходов в результате повышения цен на продукты питания⁶. В то же время миллионы людей живут и работают в сельской местности, где производительность сельского хозяйства недостаточна, и поэтому

¹ WFP Global Operational Response Plan 2022: Update № 6 // World Food Programme (WFP). 2022. URL: <https://www.wfp.org/publications/wfp-global-operational-response-plan-update-6-november-2022>.

² Global Wage Report 2022–2023...

³ Ibid.

⁴ Poverty: Development news. URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty>

⁵ A New Profile of the Global Poor / A. Castañeda [et al.] // World Development. 2018, Jan. № 101. P. 250–267. DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.08.002>.

⁶ Среди работающего бедного слоя значительная часть продуктов питания производится для собственного потребления, что, следовательно, будет «бюджетным» независимо от мировой рыночной цены.

полагаются на покупные продукты питания. Отсюда значительное снижение уровня продовольственной безопасности в 2022 году.

По оценкам экспертов, в 2022 году 214 млн работников жили в условиях крайней нищеты, что соответствует примерно 6,4 % занятых (табл. 6). По сравнению с 2020 годом произошло сокращение этой категории на 14 млн¹. Однако вызывает тревогу тот факт, что в 2022 году в странах с низкими доходами уровень крайней бедности оказался сопоставим с аналогичным показателем в 2019 году. Эта стагнация после некоторого многообещающего прогресса в предыдущие десятилетия не сулит ничего хорошего в контексте возможного достижения целей устойчивого развития (ЦУР). Число работающих бедняков даже увеличивается в странах с низкими доходами, поскольку слишком большой рост занятости приходится на натуральное сельское хозяйство и другие неформальные виды деятельности, предполагающие низкую оплату.

Таблица 6

Доля работающих людей, пребывающих в состоянии крайней бедности, мир в целом и группы стран, выделенные по уровню доходов, с учетом гендерных различий (2000–2022) (млн и %)

Группа стран	Доля работающих людей, пребывающих в состоянии крайней бедности (≤1,90 доллара США по ППС в день) (%)						Доля работающих людей, пребывающих в состоянии крайней бедности (≤1,90 доллара США по ППС в день) (млн)					
	2000	2010	2019	2020	2021	2022	2000	2010	2019	2020	2021	2022
Мир	25,8	13,7	6,7	7,2	6,7	6,4	666,9	405,9	218,8	228,3	220,6	214,3
Страны с низким уровнем дохода	56,9	45,6	38,3	38,8	38,5	38,6	81,3	86,2	92,7	95,0	97,7	101,6
Страны с доходом ниже среднего	35,5	20,2	9,6	10,4	9,3	8,2	308,1	213,1	115,6	122,5	112,6	102,2
Страны с доходом выше среднего	25,9	9,1	0,8	0,9	0,8	0,8	277,2	106,5	10,4	10,6	10,1	10,3

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

На продуктивность работы влияют много факторов, относящихся к социальной справедливости: безопасность на рабочем месте и социальная защита; лучшие перспективы личного развития и социальной интеграции; свобода выражения опасений и участия в принятии решений. Следовательно, тип занятости работников очень важен, потому будет исследован в этом разделе.

¹ В 2021 году, в частности, в 29 странах Южной и Юго-Восточной Азии произошло существенное сокращение рабочих мест.

Неформальному труду несвойственны многие характеристики формальных трудовых отношений, которые важны для обеспечения социальной справедливости. Неформальные работники занимаются деятельностью, которая либо недостаточно охвачена правовыми соглашениями, либо вообще не охвачена ими. Эти работники, а также предприятия, управляемые неформальными работодателями, как правило, не имеют юридического статуса, не выполняют налоговые обязательства и сталкиваются с трудностями при заключении коммерческих контрактов. Более того, неформальные работники часто живут в условиях крайней бедности¹.

В 2022 году в мире около 2 млрд работников были заняты в неформальном секторе. За последние полтора десятилетия уровень неформальности имел тенденцию к снижению, глобальные показатели упали на 5 % в период с 2004 по 2019 год, с замедлением темпов снижения к концу периода. В 2020 году неформальные работники непропорционально сильно страдали от карантина и ограничительных мер здравоохранения. Это произошло главным образом потому, что неформальные работники в основном трудились на микро- и малых предприятиях². Более того, они имели более ограниченный доступ к таким мерам поддержки, как программы сохранения рабочих мест и гибкий график работы.

Тенденции в сфере неформальной занятости заметно отличаются в зависимости от гендерного фактора (рис. 16). Произошло значительное сокращение рабочих мест для женщин, вследствие чего снизился уровень занятости. Напротив, за тот же период уровень неформальной занятости среди мужчин повысился. Эти данные убедительно подтверждают мнение, что требования по уходу за детьми и престарелыми родственниками в сочетании с отсутствием доступа к удаленной работе, гибкому графику или отпуску привели к непропорционально высокому проценту сокращения рабочих мест среди женщин, занятых в неформальном секторе³.

¹ Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_626831.pdf.

² См., например: ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Eighth edition // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_824092.pdf — для анализа различного воздействия пандемии на компании в зависимости от их размера.

³ Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture... ; Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_633135/lang--en/index.htm ; Who on Earth Can Work from Home? // World Bank Working Paper. 2020. URL:

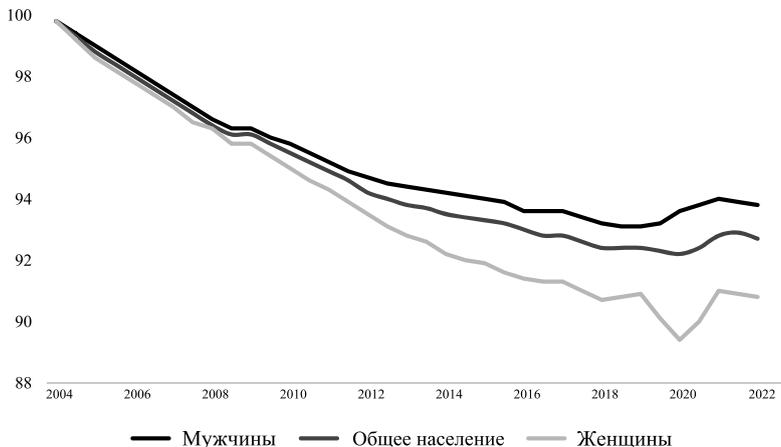

Рис. 16. Индекс распространности неформальной занятости по полу (2004–2022) (2004 = 100)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

По мере того как страны снимали карантин и ограничения в сфере здравоохранения, а экономика возрождалась, неформальные рабочие места восстанавливались быстрее, чем формальные. Таким образом, медленное, но устойчивое сокращение неформального сектора, длившееся более десяти лет, остановилось. Рост (около двух третей от числа рабочих мест в период) с 2020 по 2022 год пришелся на неформальную занятость. Таким образом, уровень неформальной занятости в 2022 году оказался немного выше, чем в 2019-м. Рост неформальной занятости был особенно сильным среди женщин¹. Недостаток данных, особенно во время кризиса COVID-19 и восстановления экономики, наводит на мысль, что такие тенденции необходимо интерпретировать осторожно; тем не менее подобное развитие событий вызывает тревогу, поскольку указывает на ухудшение ситуации в той сфере, где прогресс и без того был скромным. Более того, если экономическая ситуация в мире будет ухудшаться, тенденция роста неформальной экономики может продлиться в среднесрочной перспективе.

<https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34277#:~:text=The%20ability%20to%20telework%20is,lagging%20regions%2C%20and%20poor%20workers.>

¹ ILO Monitor on the World of Work. 10th ed.

Прогнозируемый экономический спад в странах с высоким уровнем дохода, вероятно, будет иметь важные побочные эффекты для стран с низким и средним уровнями дохода, что связано с глобальными цепочками поставок (ГЦП). Прогнозируется значительное снижение темпов роста импорта в развитых странах¹. Как следствие, глобальные цепочки поставок могут потерять значение как фактор роста занятости в развивающихся странах и странах с формирующимися рынками. Эта тенденция может усилиться в результате реорганизации компаний и их цепочек поставок после кризиса в период пандемии COVID-19 и последующих геополитических сдвигов².

Глобальные цепочки поставок, связанные со странами с высоким уровнем дохода, — важный источник занятости в странах со средним уровнем дохода. Исследование выборки из 24 стран со средним уровнем дохода позволило получить следующие результаты: доля занятости в отраслях, связанных с ГЦП в развитые страны, составила 11,3 % в 2021 году при 13,7 % в 2000-м³. В 5 из 24 стран со средним уровнем дохода эта доля превысила 20 %. Доля занятости, связанная с ГЦП в другие страны со средним уровнем дохода, составила 8,9 %. В то время как крупные экономики имеют большой внутренний рынок, занятость в сравнительно небольших экономиках, как правило, в большей степени зависит от глобальных цепочек поставок. Таким образом, замедление темпов роста в странах с высоким уровнем дохода может привести к смещению процесса создания рабочих мест в странах со средним уровнем дохода в сторону деятельности, которая не связана с развитыми странами через ГЦП. В частности, более активно могут развиваться внутрирегиональные цепочки поставок⁴. Альтернативной формой создания рабочих мест также является

¹ Расчеты основаны на базе данных Международного валютного фонда «Перспективы мировой экономики», октябрь 2022 года.

² The Tides Are Turning: 2021 Reshoring Index // Kearney : [сайт]. URL: [https://www.swp-berlin.org/en/publication/a-new-geopolitics-of-supply-chains](https://www.kearney.com/consumer-retail/article/-/insights/the-2021-reshoring-index-the-tides-are-turning#:~:text=Our%20latest%20Reshoring%20Index%20is,Manufacturing%20Import%20Ratio%20(MIR);Maihold G. A New Geopolitics of Supply Chains: The Rise of Friend-Shoring // SWP Comment. 2022. C45. URL: <a href=).

³ Нерыночные услуги включают государственное управление, образование, здравоохранение, а также общественные, социальные и другие услуги и деятельность. См.: Page Not Found // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: <https://ilostat ilo.org/resources/concepts-and-definitions/description-labour-force-statistics/>.

⁴ Это предположение может быть мотивировано несколькими причинами. Например, потребители в странах с высоким уровнем дохода имеют большие расходы, власть, которая вряд ли будет полностью заменена властью потребителей в странах со средним уровнем дохода, особенно во время экономического спада.

развитие государственных секторов, что предполагает выделение дополнительных бюджетных средств. Сдвиг структуры занятости в сторону независимости от глобальных цепочек поставок будет иметь последствия в контексте таких ее характеристик, как пол, возраст, статус занятых, формальность трудовых отношений и оплата.

На рис. 17 представлены эффекты отраслевой структуры, демонстрирующие средневзвешенную распространенность характеристик занятости, то есть отвечающие на вопрос, имеют ли отрасли с более высокой долей рабочих мест, связанных с ГЦП, большую или меньшую распространенность определенной характеристики занятости, чем остальные. Данные, представленные на рис. 17, можно признать достоверными только в том случае, если предположить, что в каждом секторе деятельность, связанная с ГЦП, имеет такие же характерные особенности, как и иная. Это предположение вряд ли можно проверить на практике. Например, существует множество свидетельств того, что фирмы-экспортеры, как правило, платят более высокую заработную плату, чем фирмы, не занимающиеся экспортом¹. Кроме того, уровень формальной и оплачиваемой занятости также, вероятно, будет выше среди экспортеров, чем среди неэкспортеров.

Сдвиг роста занятости в странах со средним уровнем дохода от деятельности, связанной с ГЦП в развитые страны, к альтернативной и не соотносимой с развитием государственного сектора, скорее всего, приведет к ухудшению условий труда. Вероятность того, что работник является неформальным или самозанятым, значительно ниже в секторах, связанных с ГЦП в страны с высокими доходами, чем в других видах деятельности (исключая государственный сектор). При этом в странах со средним уровнем доходов доля высококвалифицированных работников ниже в секторах, где высока доля ГЦП в развитые страны. Этот феномен объясняется тем, что страны со средним уровнем дохода в основном играют роль мировых производителей цехов. Большинство профессий на производстве не относятся к требующим высокой квалификации. Кроме того, доля сотрудников с низкой оплатой (менее двух третей медианного уровня) немного ниже в странах с интенсивным использованием глобальных цепочек поставок. Важно отметить, что понятие «низкая оплата

¹ *Milner C., Tandrayen V.* The Impact of Exporting and Export Destination on Manufacturing Wages: Evidence for Sub-Saharan Africa // *Review of Development Economics*. 2007. Vol. 11, № 1. P. 13–30 ; *Melitz M. J., Redding S. J.* Heterogeneous Firms and Trade // *Handbook of International Economics* / ed. by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. Amsterdam : Elsevier, 2014. Vol. 4. P. 1–54.

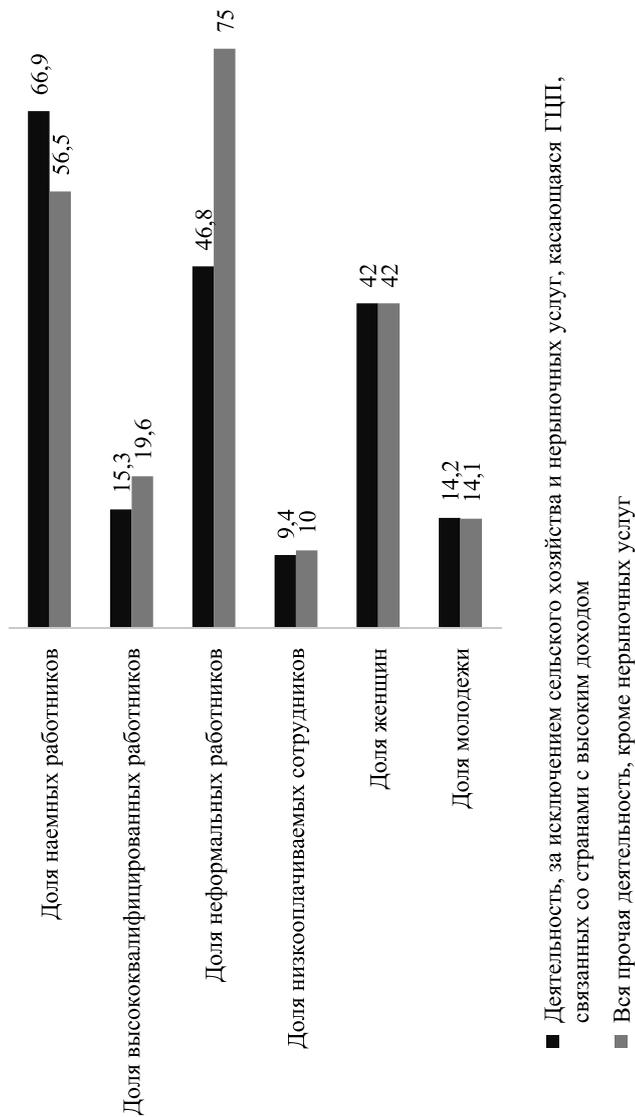

Рис. 17. Взвешенная характеристика занятости в странах со средним уровнем дохода, виды деятельности, сопряженные с ГПП, связанными со странами с высокими доходами, и все виды деятельности (2019) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

труда» здесь относится только к наемным работникам. Сокращение деятельности, связанной с ГЦП, значительно повышает шансы стать самозанятым. И тем самым существенно увеличивается риск оказаться за чертой бедности¹. Гендерный аспект в данном контексте не столь важен. Структурный сдвиг занятости при сокращении рабочих мест в секторах с высокой долей глобальный цепочек поставок в развитые страны не ляжет непропорциональным бременем ни на женщин, ни на молодежь.

Дальнейший анализ, проведенный для стран Юго-Восточной Азии, демонстрирует положительное влияние прямых и обратных связей в глобальных цепочках создания стоимости на сокращение числа работающих, находящихся за чертой бедности, и повышение производительности труда².

Сокращение расходов в государственном секторе в странах с формирующейся рыночной экономикой и развивающихся странах приведет к снижению качества рабочих мест. Страны могут быть вынуждены пойти на сокращение расходов, если условия их финансирования ухудшатся в результате побочных эффектов от ужесточения денежно-кредитной политики; серьезное сокращение расходов может произойти и в случае полномасштабного долгового кризиса. Работники отраслей, деятельность которых сильно зависит от государственных расходов (государственное управление, образование, здравоохранение и социальные услуги), с большей вероятностью окажутся высококвалифицированными специалистами и сотрудниками формального сектора (рис. 18). Таким образом, во многих странах сокращение государственных расходов оказывает негативное влияние на качество рабочих мест.

Ситуация на рынке труда может ухудшиться, что обусловлено рядом причин. Прежде всего глобальный экономический рост может снизиться до уровня 2 % в год в силу действия ряда факторов: политические ошибки, касающиеся ужесточения денежно-кредитной политики, нестабильность доллара, раскручивание инфляционной спирали, долговой кризис, сокращение поставок газа в Европу, глобальные проблемы в сфере здравоохранения, а также дальнейшее замедление экономического роста Китая³. Снижение экономического

¹ *Huynh P., Kapsos S. Economic Class and Labour Market Inclusion: Poor and Middle Class Workers in Developing Asia and the Pacific // ILO Working Paper. 2013, 7 Aug.*

² *Blanas, S. Is Deeper Global Value Chain Integration Linked to More Inclusive Labour Markets in South-East Asia? / S. Blanas, P. Huynh, C. Viegelahn // ILO Working Paper. A Global Comparative Analysis. (Готовится к печати).*

³ *Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies?..*

Рис. 18. Доля типов работников по видам экономической деятельности, группы стран, выделенные по уровню доходов (2021) (%)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang--en/index.htm.

роста и совокупного спроса также негативно повлияет на создание рабочих мест. Однако существуют и другие причины возможного ухудшения ситуации на мировом рынке труда. Предприятия могут оказаться не в состоянии сохранить рабочие места, если их финансовое состояние значительно ухудшится. Тем самым безработица будет расти, а темпы экономического роста снижаться. Процентные ставки по суверенным облигациям могут вырасти до уровня, который заставит правительства прибегнуть к жесткой экономии¹. Тем самым сократится финансовая поддержка домохозяйств и предприятий со стороны государства. В странах с низким и средним уровнями дохода существует риск сочетания снижения темпов роста с повышением цен на продукты питания и энергоносители. Таким образом, снизятся доходы домохозяйств, соответственно, сократится спрос на многие товары и услуги местного производства, что, вероятно, приведет к замедлению роста занятости в формальном секторе.

Сдерживаемая глобализация также ограничивает возможности поиска рабочих мест достойного качества в странах с низким и средним уровнями дохода. В последние десятилетия появление глобального среднего класса и заметное сокращение числа работающих за чертой бедности были обусловлены продолжающейся интеграцией международных и пограничных рынков в глобальные цепочки поставок. Однако эта динамика начала замедляться после мирового финансового кризиса 2008 года. Растет напряженность, существует риск сокращения ГЦП, процесс создания достойных рабочих мест может замедлиться (рис. 19). В некоторые страны с развитой рыночной экономикой будут возвращены отдельные виды производств, что приведет к росту издержек. Также компании будут стремиться к увеличению числа поставщиков для повышения устойчивости цепочек поставок, что может повлиять на уровень издержек. Тем самым некоторые выгоды, полученные в последние десятилетия в результате глобализации, будут сведены на нет. Все эти процессы опосредованно негативно влияют на рынок труда.

Замедление динамики производительности труда может еще больше ограничить повышение уровня жизни и реальной заработной платы. Рост производительности остается довольно низким как в странах с развитой экономикой, так и в развивающихся странах. Эта тенденция характерна даже для высокотехнологичных отраслей. Несмотря

¹ Устойчивость долга является одной из проблем. Пенсионные фонды как крупные держатели государственных облигаций могут столкнуться с проблемами платежеспособности, если цены на облигации значительно снизятся.

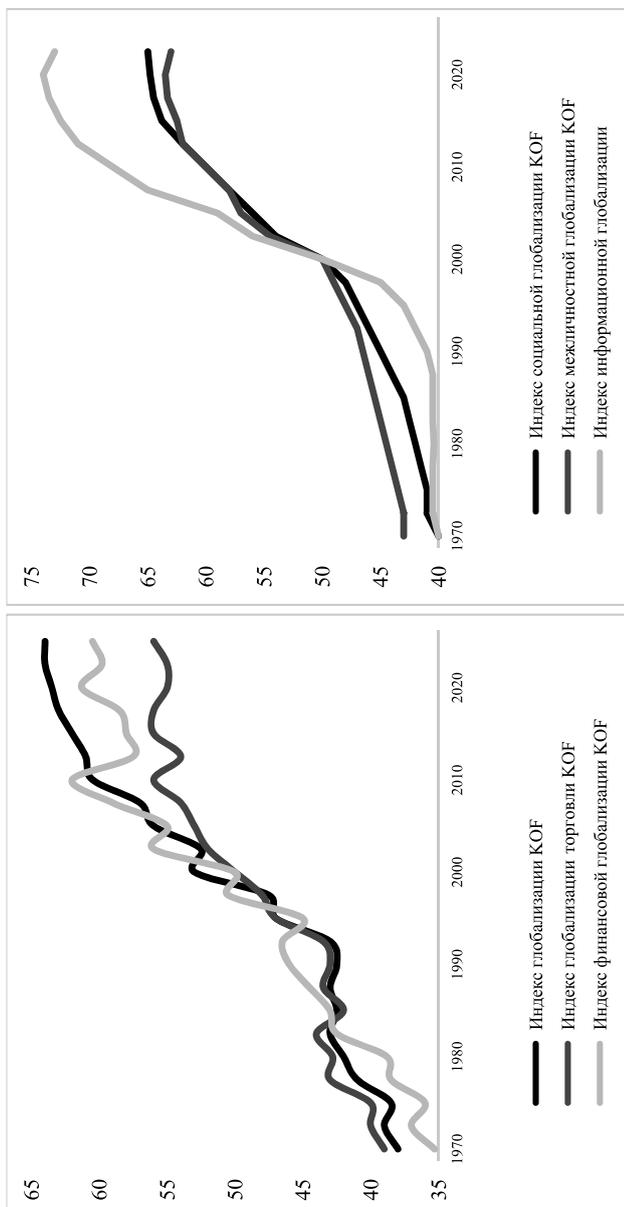

Рис. 19. Эволюция экономической, финансовой и социальной глобализации (1970–2022)

Источник: World employment and Social Outlook Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm.

на впечатляющий рост и прибыльность ведущих компаний цифровой экономики, их инновации пока не привели к существенному улучшению производительности труда. Барьеры на пути распространения тенденции роста на другие отрасли отчасти заключаются в значительной роли нематериальных активов в цифровой индустрии, поэтому выгоды получают лишь немногие компании¹. Изменения в нормативно-правовой базе наряду с инвестициями в повышение квалификации работников необходимы для развития разных секторов экономики.

Сегодня остается высокой глобальная неопределенность на фоне множества рисков, снижающих долю инвестиций и рабочих мест. В течение последних лет наблюдается рост неопределенности, начиная с мирового финансового кризиса. Неопределенность усилилась в результате пандемии COVID-19 и военного конфликта на Украине. Крупные кризисы, например в сфере финансов или в области здравоохранения, часто вызывают дальнейшие потрясения и имеют побочные эффекты². В частности, некоторым экономикам зачастую не удается восстановить утраченный объем производства, и они занимают менее динамичный путь экономического развития³. Обострение конфликтов, касающихся распределения доходов, обуславливает социальные волнения и политическую нестабильность⁴. Такие социально-экономические кризисы усиливаются самостоятельно, создавая длительные периоды экономической и политической нестабильности, требующие капитального пересмотра условий нового общественного договора.

За последние 25 лет мировая экономика пережила не менее пяти крупных кризисов с глобальными последствиями. Геополитическая напряженность, финансовые кризисы и пандемия снизили уверенность в способности политиков реагировать на насущные потребности общества.

Для повышения устойчивости экономики и общества в условиях происходящих крупных экономических потрясений необходимо

¹ *Bessen J.* The New Goliaths. New Haven, C. T. : Yale Univ. Press, 2022 ; *Ernst E.* The Return of the Fourth Horseman: How the Current Pandemic Might Re-shape Our World // Medium. 2020, 30 March. URL: https://medium.com/@ekkehard_ernst/the-return-of-the-fourth-horseman-how-the-current-pandemic-might-re-shape-our-world-4f82d7f8eac4.

² *Tooze A.* Chartbook № 165: Polycrisis — Thinking on the Tightrope // Chartbook. 2022, 29 Oct. URL: <https://adamtooze.substack.com/p/chartbook-165-polycrisis-thinking>.

³ *Cerra V., Chaman Saxena S.* Growth Dynamics: The Myth of Economic Recovery // American Economic Review. 2008. Vol. 98, № 1. P. 439–457.

⁴ *Vlandas, T., Halikiopoulou D.* Welfare State Policies and Far Right Party Support: Moderating “Insecurity Effects” among Different Social Groups // West European Politics. 2022. Vol. 45, № 1. P. 24–49.

внедрить политический подход, ориентированный на человека. Он должен включать усиление трудовой и социальной защиты (чтобы застраховать работников и их семьи от риска), а также расширение образования и профессиональной подготовки (чтобы помочь работникам получить доступ к альтернативным секторам или профессиям). Более активное внедрение ориентированного на человека подхода, сформулированного в Декларации столетия МОТ о будущем сферы труда 2019 года и Глобальном призыве к действию 2021 года, необходимо для укрепления национальных социальных контрактов и дальнейшего продвижения принципов глобальной социальной справедливости. В Уставе МОТ отмечается, что социальная справедливость является предпосылкой прочного мира. В преамбуле говорится, что «существуют такие условия труда, которые сопряжены с несправедливостью и лишениями для большого числа людей и это ставит под угрозу мир и гармонию в мире». МОТ, основанная в 1919 году, после Первой мировой войны, пандемии и многочисленных промышленных и социальных потрясений, выполняла миссию содействовать улучшению условий труда в целях соблюдения справедливости и гуманности для обеспечения постоянного мира во всем мире. Несмотря на то что не существует единого авторитетного определения социальной справедливости, в рамках МОТ наблюдается широкий консенсус относительно центрального места достойного труда, добровольно выбранной формы занятости, всеобщей социальной защиты и социального диалога.

ВЫВОДЫ

В последние годы мировая экономическая конъюнктура характеризуется значительной степенью турбулентности. Это обстоятельство закономерно оказывает влияние на положение дел на рынках труда в различных субрегионах мира. В частности, можно отметить существенные глобальные разрывы в уровне доходов работающих людей. При этом социальная поддержка распространяется менее чем на половину наемных работников. Миллионы людей заняты в условиях, которые не соответствуют минимальным социальным стандартам. Положение людей на рынке труда существенно варьирует по гендерному признаку. Особые проблемы испытывает женская часть населения, а также молодые люди.

За последние пять лет возникли новые проблемы на мировом рынке труда. В условиях пандемии (2020–2021) произошло сокращение

общего количества отработанных часов, что привело к фактической потере рабочих мест. 2022 год охарактеризовался ростом цен на различные виды товаров, что обусловило большую дифференциацию в финансовом положении хозяйствующих субъектов и повлияло на условия занятости наемного персонала. В частности, во многих странах ослабла роль профсоюзов и их переговорная позиция касательно требований по индексации заработной платы. Также неблагоприятное воздействие на рынок труда оказывает демографическая ситуация. В некоторых странах старение населения приводит к дефициту рабочей силы. Напротив, в странах с быстрорастущим населением обостряются проблемы поиска рабочих мест. Современное состояние научно-технического прогресса не позволяет ожидать высоких темпов роста в большинстве стран. Также существенные расходы могут ожидать бюджеты некоторых (в том числе развитых) стран при решении вопросов, относящихся к «зеленой повестке».

В условиях глобальной турбулентности осуществление регулирования рынка труда сопряжено с дополнительными трудностями. Возникающие социальные проблемы требуют быстрой реакции отдельных институтов (в частности, ответственных за фискальную и денежно-кредитную политику). В то же время улучшение ситуации на рынке труда как цель экономической политики предполагает проведение последовательных мер, ориентированных на долгосрочную перспективу. В ближайшие годы сохранит актуальность проблема обеспечения социальной защиты максимально широких слоев работающего населения и продолжения социального диалога между работодателями и наемными работниками.

Глава 4

НАЦИОНАЛЬНАЯ ПОЛИТИКА В ОБЛАСТИ ЗАНЯТОСТИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ МИРОВОЙ ЭКОНОМИКИ

4.1. ОСОБЕННОСТИ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИКИ В ПЕРИОДЫ РЕЦЕССИЙ

Последние несколько десятилетий в мире занятость все чаще признается важнейшей экономической и социальной целью государственной политики. Глобальный кризис 2008–2009 годов и последующий кризис в сфере занятости поставил безработицу и неполную занятость в ряд приоритетных направлений деятельности национальных правительств.

В Конвенции МОТ № 122 «О политике в области занятости» (1964) упоминается задача — содействовать «полной, продуктивной и добровольно выбранной форме занятости»¹. Сформулирован призыв к государствам — членам МОТ проводить активную политику, направленную на содействие полной и производительной занятости. Данная цель должна относиться к приоритетным, с учетом уровня экономического развития и взаимосвязи с другими экономическими и социальными задачами, и основываться на национальных традициях.

На практике меры политики занятости охватывают целый ряд областей — от денежно-кредитной и фискальной политики, отраслевых и промышленных стратегий (включая торговую и инвестиционную политику) до совершенствования работы служб занятости и распространения программ на рынке труда. Во многих случаях также рассматриваются вопросы социальной защиты, безопасности и гигиены труда, трудовые институты, права на рабочем месте и другие аспекты. Все больше национальных правительств осознают приоритетность вышеупомянутых проблем, и в ближайшие годы эта тенденция, вероятно, сохранится.

Действительно, новые меры экономической политики были приняты или адаптированы с учетом решения задач по борьбе с последствиями COVID-19 в нескольких странах (Армения, Ирак, Ливан, Парагвай, Сальвадор, Тунис, Филиппины, Южная Африка и Эфиопия). Свыше 30 стран разработали более масштабные меры, что

¹ Convention № 122 Concerning Employment Policy (Geneva, 09.07.1964).

подтверждает растущую институционализацию процессов решения задач в области политики занятости¹.

В период с 2000 по 2021 год масштабы государственной политики в области занятости расширились. В последнее время эта политика предусматривает больше мероприятий, направленных на повышение уровня занятости в условиях экономического роста. Были добавлены предложения, касающиеся спроса, которые включают, например, модернизацию традиционной торговой политики с учетом проблем занятости. Значительное количество мер в рамках политики занятости также связано со структурными преобразованиями, то есть способствуют перемещению капитала и рабочей силы в секторы с более высокой производительностью, что содействует росту занятости. В последние годы используется широкий спектр мероприятий макроэкономической политики в области занятости, в частности, уделяется больше внимания налогово-бюджетной политике, направленной на стимулирование спроса. Также мероприятия налогово-бюджетной политики направлены на решение проблемы нехватки рабочих мест для более образованных и квалифицированных молодых людей.

В рамках современной государственной политики пристально изучаются качество занятости и социальная интеграция. В то время как в прошлом целевые показатели обычно касались уровня безработицы или количества созданных рабочих мест, на современном этапе целевые ориентиры определяются качественными аспектами занятости, которые включают, в частности, заработную плату, производительную работу и безопасную рабочую среду. Современные мероприятия чаще ориентированы на уязвимые группы населения, например молодых людей, не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки.

Разработка мероприятий часто выходила за рамки политического процесса, проводимого некоторыми государственными чиновниками, и предполагала дискуссии, которые длились на протяжении нескольких месяцев. Методы участия также менялись на протяжении многих лет. Некоторые страны используют информационно-коммуникационные технологии для проведения дебатов и консультаций для более широких слоев населения.

Например, в ответ на массовые сбои в экономике и на рынке труда Филиппин из-за кризиса, связанного с COVID-19, правительство этой страны выработало подход к восстановлению национальной за-

¹ D'Achon E. Two Decades of National Employment Policies 2000–2020. ILO, 2021. Part I: Employment Policy Design: Lessons from the Past, Policies for the Future.

нятости (NERS) в соответствии с обновленным Планом развития на 2017–2022 годы и его последующим перезапуском¹. Стратегические рамки NERS на 2021–2022 годы закрепили четыре основных принципа политики МОТ по реагированию на социально-экономические последствия кризиса COVID-19: 1) перезапуск экономики; 2) восстановление доверия потребителей и деловых кругов; 3) повышение квалификации рабочей силы; 4) облегчение доступа на рынок труда.

Чтобы вовлекать больше партнеров в процесс разработки политики мер в области занятости, в последние годы были созданы новые платформы, например межведомственные координационные комитеты. Во все большем числе стран эти политические инстанции возглавляют представители правительства самого высокого уровня (например, президент в Республике Корея или премьер-министр в Марокко). Таким образом обеспечивается сильная политическая поддержка мер в области занятости, затрагивающих различные секторы и требующих согласованных действий. Эти платформы также сыграли важную роль в качестве отправных точек для обсуждения мер реагирования на негативные тенденции в период кризиса COVID-19. Например, когда разразился кризис в Эфиопии, Комиссия по созданию рабочих мест уже была сформирована, функционировала и объединяла ключевые заинтересованные стороны в сфере занятости. Таким образом, страна была готова быстро провести оценку влияния пандемии на занятость, а также разработать и внедрить план реагирования.

Уроки, извлеченные за годы разработки политики в области занятости, показывают, что для достижения общественного консенсуса и, следовательно, подготовки почвы для успешной реализации планируемых мероприятий необходим широкий диалог². Последнее актуально и при наличии некоторых противоречий кратко- и долгосрочным задачам. Как показал кризис, вызванный COVID-19, сроки, в течение которых соответствующие органы должны мониторить ситуацию и реагировать на вызовы, оказались довольно короткими. Задача восстановления прежнего уровня занятости, особенно в развивающихся странах, будет заключаться в удовлетворении краткосрочных потребностей без игнорирования долгосрочных структурных проблем. Необходимо рассмотреть различные компромиссы, например, найти баланс между предоставлением информации в кратчайшие сроки,

¹ COVID-19 Country Policy Responses // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2023. URL: <https://www.ilo.org/legacy/english/covid-19/country-policy-responses/covid-country-response-Asia-2023-03-01.pdf>.

² D'Achon E. Op. cit.

оперативным получением рекомендаций и задач по обеспечения высокого качества предоставляемых данных. Также важен баланс между быстрой реализацией мер и обеспечением участия широкого круга заинтересованных сторон в ходе социального диалога.

Макроэкономическая политика, включающая денежно-кредитную, налогово-бюджетную, валютную и финансовую составляющую, играет решающую роль в смягчении последствий кризиса путем стабилизации рынков и финансовых потоков при одновременном поддержании совокупного спроса. Активное макроэкономическое регулирование, направленное на обеспечение полной занятости и стабильности цен, служило основой успеха стран с развитой экономикой вплоть до 1970-х годов. Однако после нефтяного кризиса 1970-х и периода стагфляции экономическая политика была направлена на поддержание макроэкономической стабильности (низкий уровень инфляции и приемлемое соотношение государственного долга и ВВП). Конечная цель, однако, состояла в достижении полной занятости¹. Такой подход к макроэкономической политике тем не менее не оправдал себя как в период мирового экономического кризиса 2008–2009 годов, так и кризиса, обусловленного пандемией COVID-19, которые подтвердили важность антициклической макроэкономической политики. Преждевременный возврат к режиму жесткой экономии, последовавший за глобальным экономическим кризисом, особенно в Европе, привел к замедлению темпов экономического роста. Хотя кризис COVID-19 стимулировал активный переход к антициклическим мерам, в том числе в развивающихся странах (часто впервые), переход к всеобъемлющей макроэкономической политике в области занятости остается незавершенным процессом.

Во время мирового экономического кризиса широко применялась макроэкономическая политика, что, в частности, проявлялось в снижении процентных ставок центральными банками, крупномасштабных покупках активов центральными банками (количественное смягчение денежной политики) и реализации пакетов финансовых стимулов. По оценкам Организации экономического сотрудничества и развития, бюджетное стимулирование экономики в 2008–2010 годах составило около 3,5 % ВВП в странах с развитой экономикой². Объем сти-

¹ *Islam Y.* Macroeconomic Policy Responses to the COVID Crisis in Emerging Market and Developing Economies: Current Outcomes and Evolving Challenges // ILO Background Paper. 2021. № 5. URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_840835/lang--en/index.htm.

² *Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth.* P. : OECD, 2009.

мулирующих мер в группе стран G20 в 2009 году — около 692 млрд долларов США, или примерно 1,4 % от их совокупного ВВП¹. Некоторые развивающиеся страны во время мирового экономического кризиса проводили экспансионистскую налогово-бюджетную и монетарную политику, однако не столь активно, как раньше². Достигнутый консенсус в отношении экспансионистской макроэкономической политики во время глобального кризиса оказался недолговечным — многие страны вернулись к режиму жесткой экономии. В качестве целевых ориентиров рассматривались номинальные значения показателей³. Этот возврат к макроэкономической ортодоксии и стремление к жесткой бюджетной экономии после 2011 года, особенно в ЕС (включая Великобританию), привел к снижению темпов роста и стагнации на рынках труда.

Ключевые ставки в дальнейшем оставались низкими. Многие страны уже были готовы к нулевому нижнему пределу процентных ставок, когда пандемия COVID-19 нанесла серьезный удар по экономике в целом и рынкам труда в частности. Данные также свидетельствуют о том, что крупномасштабная скупка активов центральными банками не привела к значительному росту инвестиций, который сдерживался обратным выкупом акций, недостаточным кредитованием реального сектора экономики и другими факторами, препятствующими развитию бизнеса⁴.

После шока, вызванного кризисом 2008–2009 годов, мировая экономика вернулась к низкому уровню инфляции и относительной макроэкономической стабильности. Подобное положение дел позволило высказать гипотезу, что кривая Филлипса выровнялась, то есть взаимосвязь между уровнем безработицы и инфляцией ослабла⁵. Это

¹ Prasad E., Sorkin J. Assessing the G-20 Stimulus Plans: A Deeper Look, Washington, D. C. : Brookings Institute, 2009 ; Verick S., Schmidt-Klau D., Lee S. Is This Time Really Different? How the Impact of the COVID-19 Crisis on Labour Markets Contrasts with That of the Global Financial Crisis of 2008–2009 // International Labour Review. 2022. Vol. 161, № 1. P. 125–148.

² Verick S., Schmidt-Klau D., Lee S. Op. cit. ; Verick S., Islam I. The Great Recession of 2008–2009: Causes, Consequences and Policy Responses // IZA Discussion Paper. 2010. № 4934.

³ Islam Y. Op. cit.

⁴ The Monetary Policy Response to COVID-19: The Role of Asset Purchase Programmes // UN DESA Policy Brief. 2022. № 129. URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-129-the-monetary-policy-response-to-covid-19-the-role-of-asset-purchase-programmes/>.

⁵ Engemann K. What's the Phillips Curve (And Why Has It Flattened?) // Federal Reserve Bank of St Louis. 2020. URL: <https://www.stlouisfed.org/open-vault/2020/january/what-is-phillips-curve-why-flattened>.

предположение основано на тенденциях, наблюдавшихся во многих развитых экономиках в период до пандемии: уровень безработицы продолжал снижаться, не приводя к росту инфляции. Например, с 2010–2014 годов (средний показатель за 5 лет) по 2015–2019 годы уровень безработицы в США снизился с 8,0 до 4,4 %¹, в то же время уровень инфляции (средний за 5 лет) фактически снизился с 2,0 до 1,6 %². Как подчеркивает Бланшар³, в странах с развитой экономикой процентные ставки, как правило, оставались ниже темпов роста, это означало, что уровень государственного долга был умеренным, несмотря на сохраняющийся дефицит бюджета.

В ответ на кризис, вызванный пандемией COVID-19 и необходимыми мерами карантина, правительства всего мира, включая большинство развивающихся стран, были вынуждены действовать, что привело к существенному изменению экономической политики: применялось налогово-бюджетное стимулирование и экспансионистская денежно-кредитная политика, в том числе количественное смягчение (покупка активов). Тем самым была подтверждена роль налогово-бюджетной политики и макроэкономических интервенций в целом (по крайней мере, временно).

Центральные банки отвечают за меры денежно-кредитной политики, направленной на регулирование предложения и стоимости денег в экономике с помощью различных инструментов (корректировки процентных ставок Центрального банка, изменения резервных требований и операций на открытом рынке). Во время кризисов, как было во время мирового экономического кризиса 2008–2009 годов и кризиса, вызванного пандемией COVID-19, центральные банки прибегли к количественному смягчению денежной политики, чтобы начать масштабные покупки государственных и корпоративных облигаций. Оказывая воздействие на совокупный спрос, такие политические меры могут, в свою очередь, повлиять на рынки труда (например, снижение процентных ставок может стимулировать инвестиции, что впоследствии приведет к созданию новых рабочих мест в отдельных секторах). Однако это не означает, что большинство центральных банков проводят денежно-кредитную политику с учетом целей политики занятости. Например, Федеральная резервная система США

¹ ILO Modelled Estimates Database // ILOSTAT. 2023. URL: <https://ilostat.ilo.org/data/>.

² World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis // International Monetary Fund (IMF). 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022>.

³ Blanchard O. J. Public Debt: Fiscal and Welfare Costs in a Time of Low Interest Rates // PIIE Policy Brief. 2019, Febr. Vol. 19, № 2.

имеет двойной мандат — способствовать обеспечению как стабильности цен, так и полной занятости. Такой же мандат недавно получил и Резервный банк Новой Зеландии. Однако большинство центральных банков не имеют четких целей, касающихся политики занятости. Следовательно, основное воздействие денежно-кредитной политики направлено на преодоление инфляции и рост объема производства, а затем уже опосредованно на рынок труда.

Ключевой особенностью кризиса, вызванного COVID-19, стало существенное смягчение денежно-кредитной политики центральными банками развивающихся стран, чего не было сделано в ходе предыдущих кризисов и экономических потрясений¹. Центральные банки снизили процентные ставки и во многих случаях сохраняли их до конца 2021 года. Потом инфляция начала расти, так как после отмены карантинных мер стал повышаться спрос. При этом возникли проблемы с удовлетворением текущего спроса в связи с несовершенством цепочек поставок.

На основе данных Банка международных расчетов, охватывающих 37 центральных банков в странах с развитой экономикой и развивающихся странах со средним уровнем дохода, можно сделать вывод о явном снижении процентных ставок в течение кризиса, вызванного COVID-19 в 2020–2021 годах (рис. 20). В странах с развитой экономикой проводимая в течение длительного периода мягкая денежно-кредитная политика оставила центральным банкам этих стран мало возможностей для снижения ставок; к середине 2020 года средняя процентная ставка была на нулевом уровне. Процентные ставки центральных банков в развивающихся странах демонстрируют тенденцию к снижению со времен мирового кризиса 2008–2009 годов, но в начале кризиса, связанного с COVID-19, у этих стран было больше пространства для маневра, чтобы снизить ставки. К ноябрю 2022 года средний уровень процентных ставок, включенных в выборку, достиг минимума в 2 %, что значительно ниже среднего значения показателя после мирового кризиса, который сохранялся на уровне выше 5 % примерно до 2015 года.

В странах с развитой экономикой (Дания, Япония и Швейцария) встречаются отрицательные ставки, также некоторые центральные банки стран с формирующимися рынками поддерживают близкие к нулю ставки (такие как Албания, Фиджи и Таиланд)². В целом за последние 20 лет разброс процентных ставок центральных банков

¹ *Islam Y. Op. cit.*

² *Islam Y. Op. cit.*

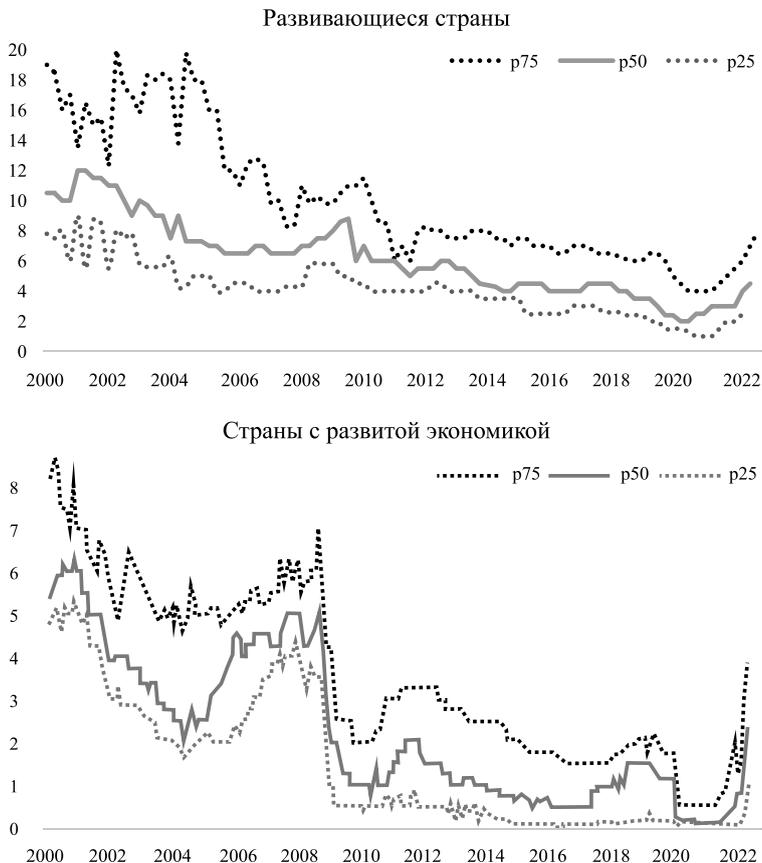

Рис. 20. Процентные ставки центральных банков в странах с развитой экономикой и развивающихся странах, 25-й процентиль, медиана и 75-й процентиль (2000–2022) (%)

Источники: расчеты авторов; Банк международных расчетов (URL: <https://www.bis.org/index.htm>), статистическая база данных.

Примечания: p25 = 25-й процентиль, p50 = медиана, p75 = 75-й процентиль. Развивающиеся страны: Аргентина, Бразилия, Индия, Китай, Колумбия, Индонезия, Малайзия, Мексика, Северная Македония, Перу, Российская Федерация, Румыния, Сербия, Турция, Таиланд, Филиппины, Южная Африка и т. д. Страны с развитой экономикой: Австралия, Канада, Чили, Хорватия, Чехия, Дания, зона евро, Гонконг (Китай), Венгрия, Исландия, Израиль, Япония, Республика Корея, Новая Зеландия, Норвегия, Польша, Саудовская Аравия, Швеция, Швейцария, Соединенное Королевство Великобритании и Соединенные Штаты Америки.

как в развивающихся, так и в странах с развитой экономикой значительно сократился.

Учитывая, что процентные ставки и до кризиса, связанного с COVID-19, были низкими, в 2021 году возможностей для маневра было меньше, чем в 2008-м. По этой причине использовались нетрадиционные инструменты денежно-кредитной политики, которые также применялись и во времена кризиса 2008–2009 годов, но в настоящее время их распространение приобрело беспрецедентные масштабы. В частности, крупномасштабные покупки долгосрочных финансовых активов (например, государственных или корпоративных облигаций) привели к вливанию огромных объемов средств, которые помогли стабилизировать финансовые рынки, удержать экономику от дальнейшего спада и способствовали ее восстановлению в течение 2021 года¹. С 2020-го по конец 2021 года центральные банки еврозоны, Соединенных Штатов Америки, Великобритании и Японии приобрели активы на 10,2 трлн долларов США, что привело к увеличению их совокупных активов более чем на 25,9 трлн долларов США. Количественное смягчение применяется не только в странах с развитой экономикой, ряд центральных банков стран с формирующимися рынками также приобрел активы для поддержки экономики (например, Индия, Индонезия, Южная Африка и Турция) (табл. 7).

При наличии доказательств того, что количественное смягчение денежной политики оказывает положительное влияние на восстановление экономики², некоторые эксперты утверждают, что оно было не столь эффективно во время кризиса, связанного с пандемией COVID-19, особенно для преобразования более низких процентных ставок в более высокие инвестиционные ставки³. Также ведутся споры о том, в какой степени количественное смягчение денежной политики способствовало образованию финансовых пузырей и усилению социального неравенства⁴.

¹ The Monetary Policy Response to COVID-19...

² *Bernanke B.* A Distinguished Fellow in Economic Studies at Brookings Institution, delivered the 2020 American Economic Association (AEA) Presidential Address on January 4, 2020 // Brookings : [сайт]. URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-new-tools-of-monetary-policy/>.

³ The Monetary Policy Response to COVID-19...

⁴ *Brunnermeier M. K.* Rethinking Monetary Policy in a Changing World // Finance & Development. 2023, March. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/03/rethinking-monetary-policy-in-a-changing-world-brunnermeier>.

Таблица 7

Использование нетрадиционных инструментов денежно-кредитной политики во время кризиса COVID-19 в отдельных странах с формирующимся рынком

Страна	Снижение ставки	Прямое руководство	Покупка активов	Увеличенные резервы ликвидности	Программы поощрения банковского кредитования	Ослабление регулирования
Бразилия	+	+			+	+
Чили	+				+	+
Китай	+				+	
Индия	+	+	+		+	
Индонезия	+		+	+	+	
Российская Федерация						
ЮАР	+		+			+
Турция	+		+	+	+	

Источник: Islam Y. Macroeconomic Policy Responses to the COVID Crisis in Emerging Market and Developing Economies: Current Outcomes and Evolving Challenges // ILO Background Paper. 2021. № 5. URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_840835/lang--en/index.htm.

После отмены карантинных мер в связи с COVID-19 темпы инфляции к концу 2021 года выросли, а затем продолжили расти в течение 2022 года в результате перебоев в поставках и увеличения спроса. Ситуация усугубилась шоком, вызванным военным конфликтом на Украине. Рост спроса в этот момент был вызван увеличением расходов в связи со стимулирующими спрос правительственными мерами и ограниченным доступом к ряду услуг (таким как путешествия и гостиничный бизнес). Таким образом, инфляционное давление ощущалось уже в начале 2021 года. Во время пандемии и в связи с военным конфликтом на Украине цепочки поставок были нарушены и инфляционное давление усилилось. Хотя с конца 2021 года темпы инфляции значительно возросли, в некоторых странах (например, в Восточной и Юго-Восточной Азии) наблюдалась относительно плавная динамика цен (рис. 21). Следовательно, значительно возрос разброс в показателях инфляции по странам.

Как уже подчеркивалось, более высокие темпы инфляции снижают покупательную способность работников, что приводит к сокращению потребления и обострению проблемы бедности. Центральные банки должны учитывать тот факт, что инфляция сохранялась на протяжении всего 2022 года и дальнейшее повышение процентных ставок может привести экономику к рецессии, которая окажет негативное воздействие на рынок труда.

Рис. 21. Среднеквартальное изменение потребительских цен в отдельных странах (I квартал 2019 г. — II квартал 2022 г.)

Источники: Международный валютный фонд (URL: <https://www.imf.org/ru/Home>); база данных финансового мониторинга (по состоянию на 6 сентября 2022 г.); финансовый мониторинг по показателю «Валовой долг».

4.2. ВОЗДЕЙСТВИЕ МЕР ФИСКАЛЬНОЙ И ДЕНЕЖНО-КРЕДИТНОЙ ПОЛИТИКИ НА ЗАНЯТОСТЬ В ПЕРИОД ПАНДЕМИИ

Если учитывать ограничения денежно-кредитной политики (нулевая процентная ставка) и уникальные аспекты пандемии COVID-19 (то есть меры карантина, которые привели к остановке экономической активности), то можно сделать вывод, что в период 2020–2021 годов налогово-бюджетная политика играла важную роль. Это не только способствовало принятию мер в области здравоохранения (стационарное лечение, вакцинация, тестирование), но и во многих случаях помогало предприятиям продолжать свою деятельность и спасало работников и их семьи от нищеты. Такие антициклические меры налогово-бюджетной политики фактически обеспечили возможность защитить экономику и рынки труда во время пандемии, особенно в развитых странах. Однако следует проявлять осторожность при проведении бюджетных корректировок в период экономического подъема; как показывает опыт стран ЕС, после адаптации к мировому кризису преждевременная жесткая бюджетная экономия (консолидация) протлевает экономический рост и негативно влияет на рынки труда¹.

Макроэкономические меры реагирования на кризис, вызванный COVID-19, были основаны на опыте мирового экономического кризиса 2008–2009 годов². На этот раз было меньше опасений по поводу уровня задолженности, по крайней мере в странах с развитой экономикой, где заимствования поддерживались исторически низкими процентными ставками, которые, как ожидалось, сохранятся в течение некоторого времени (политики, конечно, не предвидели военного конфликта на Украине и давление на инфляцию, возникшее в 2021–2022 гг.). В 2020 году на программы сохранения рабочих мест были выделены значительные ресурсы, превысившие объем ассигнований в 2009 году, что позволило миллионам работников сохранить рабочие места, в том числе благодаря новым инновационным программам за пределами стран с развитой экономикой. Продолжительность и охват программ социальной защиты были расширены, и в некоторых случаях они стали включать самозанятых, работников платформенной занятости и других лиц, которые обычно не охвачены подобными мерами.

¹ House Ch. L., Proebsting C., Tesar L. L. Austerity in the Aftermath of the Great Recession // Journal of Monetary Economics. 2020, Nov. № 115. P. 37–63.

² Verick S., Schmidt-Klaw D., Lee S. Op. cit.

Объем мер бюджетной политики составил 16 трлн долларов США (по состоянию на 17 марта 2021 г.), или около 18 % ВВП, которые были разделены между дополнительными расходами и недополученными доходами (10 трлн долларов США), а также государственными займами, гарантиями и вливаниями капитала (6 трлн долларов США)¹. Однако эти расходы были распределены неравномерно. Большая часть средств была направлена развитым странам, на долю которых приходится более 9,02 трлн долларов США дополнительных расходов и недополученных доходов, а также почти все государственные займы, гарантии и вливания капитала.

На дополнительные расходы, которые в основном были направлены на расходы, не связанные со здравоохранением, в период с января 2020 года по октябрь 2021 года в среднестатистической развитой стране — члене G20 пришлось 15,3 % ВВП (включая различные субсидии, такие как схемы сохранения рабочих мест) (рис. 22). Средние дополнительные расходы в других странах с развитой экономикой были ниже, но все еще находились на беспрецедентном уровне 9,3 % от ВВП. Неудивительно, что самый низкий уровень расходов был отмечен в развивающихся странах с низким уровнем дохода (2,7 %), что включало всего 1,8 % дополнительных расходов, не связанных со здравоохранением. Такое неравенство в политической поддержке не только повлияло на способность стран реагировать на проблемы здравоохранения и неотложные экономические проблемы в 2020 году, но и ограничило их возможности по вакцинации населения и восстановлению экономики в период 2021–2022 годов.

Бюджетный дефицит и долги резко возросли в странах как с развитой экономикой, так и с формирующимися рынками в результате принятия политических мер на COVID-19, которые включали как необходимые расходы на здравоохранение и вакцинацию, так и поддержку предприятий и домохозяйств для смягчения последствий карантинных мер.

По мере того как в 2021–2022 годах страны приступали к восстановлению экономики (до потрясения, вызванного военным конфликтом на Украине), состояние государственных бюджетов начало улучшаться, что отражало увеличение поступлений и сокращение расходов в связи с пандемией. Оценки МВФ показывают, что сальдо бюджета (чистое государственное кредитование/заимствования) в странах с развитой экономикой изменилось с –10,4 % ВВП

¹ Verick S., Schmidt-Klau D., Lee S. Op. cit.

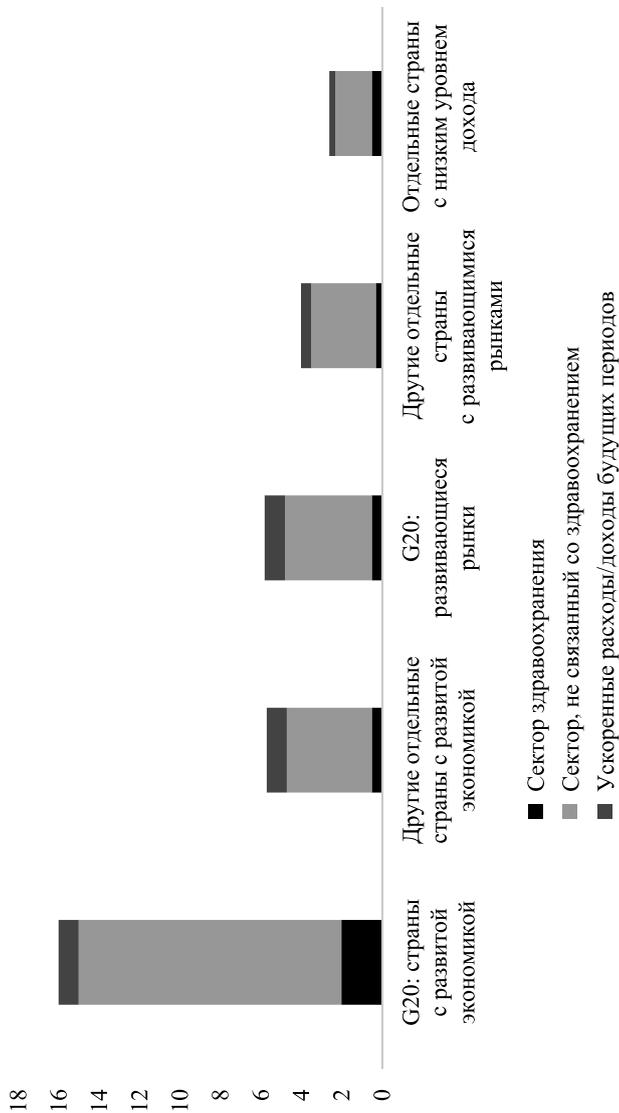

Рис. 22. Бюджетное стимулирование во время кризиса COVID-19: дополнительные расходы и упущенные доходы (январь 2020 г. — октябрь 2021 г.) (в % от ВВП)

Источник: Strengthening the Credibility of Public Finances // Fiscal Monitor. 2021, Oct. URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2021/10/13/fiscal-monitor-october-2021>.

Примечание: медианные значения представлены по категориям стран.

в 2020 году до $-7,2\%$ в 2021-м и $-3,6\%$ в 2022-м. На развивающихся рынках в 2021 году в странах со средним и низким уровнями дохода произошло некоторое сокращение дефицита (в меньшей степени в странах с низким уровнем дохода), но в 2022 году, по оценкам, ситуация ухудшилась в результате кризиса на Украине¹.

Из-за бюджетных расходов в период пандемии, наряду со снижением доходов, резко возрос уровень задолженности, что обусловило неустойчивое положение некоторых развивающихся стран. Отношение валового государственного долга к ВВП значительно увеличилось с 2019 по 2020 год в странах как с развитой экономикой, так и со средним уровнем дохода (государства Латинской Америки и Азии), а также в некоторых развивающихся странах с низким уровнем дохода (в Средней Азии, Латинской Америке и странах Африки к югу от Сахары) (рис. 23). Рост данного соотношения в странах с развитой экономикой достиг почти 20 процентных пунктов, увеличившись с $103,8\%$ ВВП в 2019 году до $123,2\%$ в 2020-м. Общий уровень государственного долга в развивающихся странах ниже, что свидетельствует о серьезных трудностях, с которыми они сталкиваются при финансировании государственных расходов. При этом ожидается, что показатели задолженности останутся высокими или даже увеличатся, как прогнозируется, для развивающихся рынков и стран Азии со средним уровнем дохода.

В дополнение к более высокому уровню задолженности, обусловленному увеличением расходов на борьбу с пандемией (как связанных, так и не связанных со здравоохранением), военный конфликт на Украине вызвал шок, который привел к росту цен на продовольствие, топливо и финансовые ресурсы. В результате в 2022 году многие страны с низким и средним уровнями дохода столкнулись со значительным долговым кризисом, который иногда сопровождался продовольственным кризисом (прежде всего в странах с низким уровнем дохода, зависящих от импорта продовольствия). Согласно данным МВФ, доля стран с низким уровнем дохода, испытывающих долговые трудности или подверженных высокому риску возникновения долговых проблем, с 2015 года увеличилась в два раза². В 2022 году ряд стран объявил дефолт по долгам, в первую очередь Шри-Ланка, Ливан, Замбия и Суринам. В целом развивающиеся страны в настоящее

¹ World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis...

² Chabert G., Cerisola M., Hakura D. Restructuring Debt of Poorer Nations Requires More Efficient Coordination // IMF. 2022. URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/04/07/restructuring-debt-of-poorer-nations-requires-more-efficient-coordination>.

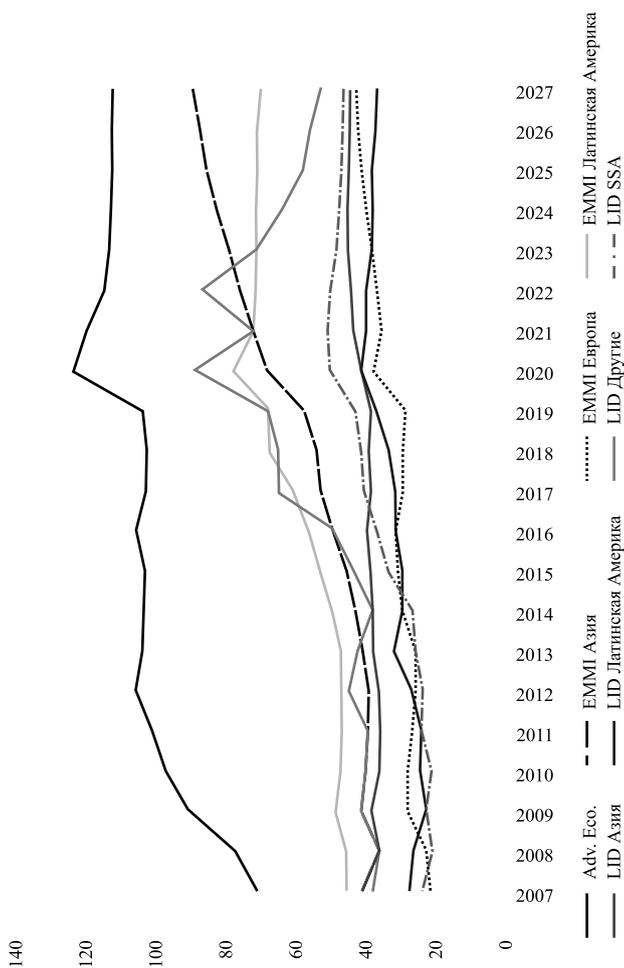

Рис. 23. Динамика валового государственного долга в разбивке по группам стран (2007–2027) (в % от ВВП)

Источники: Международный валютный фонд (URL: <https://www.imf.org/ru/Home>); база данных финансового мониторинга (по состоянию на 6 сентября 2022 г.); финансовый мониторинг по показателю «валовой долг».

Примечание: EMMI = страны с формирующимся рынком и со средним уровнем дохода; LID = развивающиеся страны с низким уровнем дохода. Определение приведено на сайте МВФ.

время сталкиваются со значительным сокращением бюджетных возможностей, что ограничивает их реакцию на продолжающийся кризис стоимости жизни (и будущие потрясения) и их способность проводить политику, направленную на обеспечение полной, достойной и производительной занятости.

Ключевой задачей в период кризиса, неравномерного восстановления и нестабильности является поиск постоянных источников финансирования для развивающихся стран, чтобы они могли решать долгосрочные задачи и преодолевать новые формы неравенства. Это требует большей глобальной координации и поддержки стран с низким и средним уровнями дохода.

Одним из основных элементов фискальной политики в ответ на кризис, вызванный пандемией COVID-19, были схемы сохранения рабочих мест, которые сыграли центральную роль в поддержании относительно стабильного уровня безработицы в некоторых странах, в частности в ЕС. Схемы сохранения рабочих мест включают как временные рабочие места, так и субсидии на заработную плату, которые финансируются из различных источников в зависимости от страны, включая страхование на случай безработицы и прямые бюджетные ассигнования¹. Ключевой урок, извлеченный как из опыта мирового кризиса 2008–2009 годов и кризиса, связанного с COVID-19, заключается в том, что такие схемы представляют собой основу стимулирования занятости на макроуровне. В случае, если подобные схемы хорошо разработаны, они могут действовать как автоматический стабилизатор во время кризисов, способствовать сохранению рабочих мест и быстрому восстановлению экономики.

На пике карантина в мае 2020 года программы сохранения рабочих мест помогли 50 млн работников в странах ОЭСР, что в десять раз больше, чем во времена мирового экономического кризиса 2008–2009 годов². Наиболее известной является немецкая программа краткосрочной занятости, которая помогла производственному сектору Германии справиться с последствиями мирового экономического кризиса. Эта схема (продолжительность — до 24 месяцев) успешно применялась и в период пандемии COVID-19. В результате число

¹ Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses. 2022 / W. Eichhorst, P. Marx, U. Rinne, J. Brunner // ILO/IZA Institute of Labour Economics. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_849465.pdf.

² Coronavirus: The World Economy at Risk // OECD Economic Outlook. 2020, 2 March. URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook/volume-2019/issue-2_7969896b-en#page1.

работников, охваченных программой, в апреле 2020 года достигло примерно 6 млн (в 2019 г. программа охватывала лишь 45 тыс. человек, в 2009-м — 1,4 млн, что до 2020 г. было максимальным значением).

Вследствие относительно уверенного восстановления экономики Германии в течение 2022 года число работников, участвующих в программе краткосрочной занятости, сократилось, составив в июне 2022 года 259 тыс. человек¹. Однако во II квартале 2022 года на рынки труда ЕС начал оказывать влияние военный конфликт на Украине. В Германии уровень безработицы, скорректированный с учетом сезонных колебаний, увеличился в августе до 5,6 %, из которых 0,4 процентных пункта могут быть связаны с притоком украинских мигрантов². Повышение цен на энергоносители и другие экономические проблемы пока не привели к ухудшению ситуации на рынках труда ЕС.

Анализ выборки из 20 стран ОЭСР, содержащей данные по этим показателям, свидетельствует о положительной и значимой взаимосвязи между одобренными заявками на участие в программах сохранения рабочих мест (% от числа наемных работников) и темпами роста занятости в 2020 году (рис. 24)³. Позитивный характер влияния проявляется в таких странах, как Новая Зеландия, где до пандемии подобная схема не применялась. В США работники, временно уволенные (другими словами, находящиеся в отпуске), считаются безработными (находящимися во временном увольнении). В мае 2020 года в США работников данной категории насчитывалось 15,3 млн, в мае 2021-го их число возросло до 18 млн.

Во время пандемии были введены значительные нововведения в программах сохранения рабочих мест. На основе выборки из развитых и развивающихся стран можно выделить три группы ответных мер⁴:

1) адаптированы и расширены существующие системы регулирования временной деятельности;

¹ Arbeitslosenquote & Arbeitslosenzahlen // Bundesagentur für Arbeit : [сайт]. 2023. URL: <https://www.arbeitsagentur.de/news/arbeitsmarkt>.

² Monatsbericht zum Arbeits- und Ausbildungsmarkt // Bundesagentur für Arbeit : [сайт]. 2022, Aug. URL: https://www.arbeitsagentur.de/datei/arbeitsmarktbericht-august-2022_ba147616.pdf.

³ Эта корреляция использует темпы роста занятости, которые являются переменной запаса и, следовательно, не показывает взаимосвязи с потоками (то есть с наймом и увольнением).

⁴ Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses...

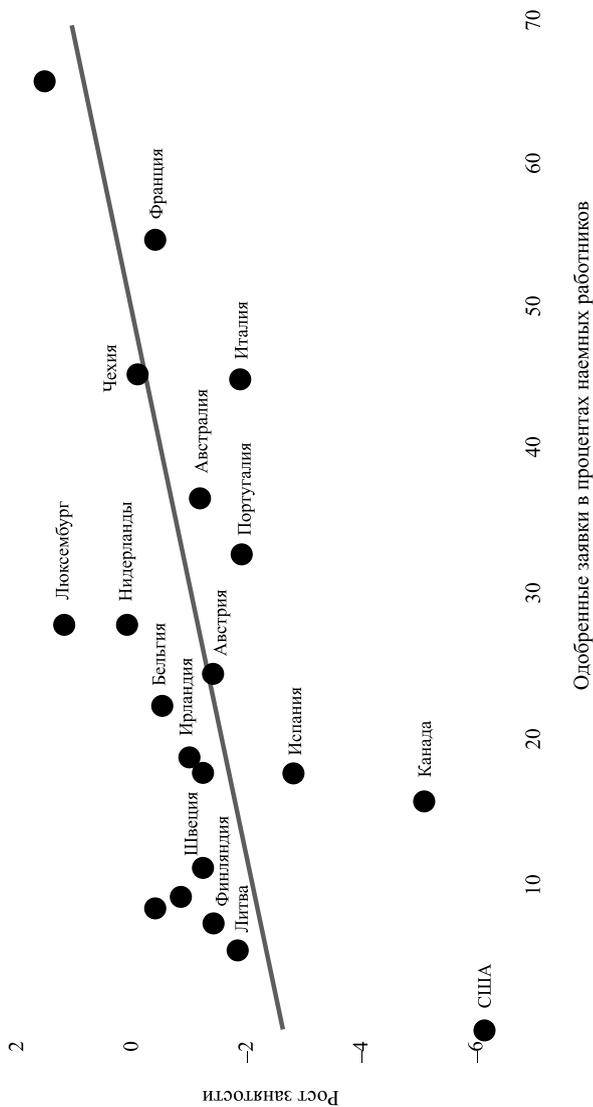

Рис. 24. Взаимосвязь между схемами сохранения рабочих мест (JRS) и темпами роста занятости (2020) (%)

Источники: *Verrick S., Schmidt-Klatu D., Lee S. Is This Time Really Different? How the Impact of the COVID-19 Crisis on Labour Markets Contrasts with That of the Global Financial Crisis of 2008–2009 // International Labour Review. 2022. Vol. 161, № 1. P. 125–148*; темпы роста занятости — расчеты авторов, обзоры рабочей силы; ILOSTAT. URL: <https://ilostat.ilo.org/> (по состоянию на 17 июня 2021 г.).

2) системы регулирования занятости заменены антикризисными режимами;

3) в отсутствие существующих систем временной занятости внедрены новые схемы сохранения рабочих мест, как правило, на ограниченный период времени.

В то время как в первых двух группах преобладают страны с развитыми системами социальной защиты, устоявшимися моделями временной занятости и сравнительно сильной защитой занятости, третья группа мер характерна для более либеральных политических режимов. Однако даже в этих странах предпринимались усилия по защите рабочих мест во время пандемии COVID-19, как правило, с помощью субсидирования заработной платы в качестве разовой меры¹. Схемы субсидирования заработной платы редко применялись в странах с низким и средним уровнями доходов, включенных в выборку, представленную в исследовании², что свидетельствует об отсутствии существенного страхового покрытия по безработице на этих рынках труда (табл. 8).

Таблица 8

Адаптация и внедрение схем сохранения рабочих мест по выборке из 20 стран

Страна	Ранее существовавшая схема временной работы	Расширение доступа и охвата	Повышенная щедрость в выплатах	Расширение доступа работников к нестандартным рабочим местам	Новая схема временной работы	Новая/адаптированная схема субсидирования заработной платы
Австрия	+	+	+			
Канада	+					+
Дания	+	+			+	
Египет						+
Франция	+	+	+	+		
Германия	+	+	+	+		
Венгрия					+	
Мексика						
Нидерланды	+					+
Новая Зеландия						+
Перу						+
Филиппины						+
Республика Корея	+	+	+			
Сербия						+

¹ Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses...

² Ibid.

Окончание табл. 8

Страна	Ранее существовавшая схема временной работы	Расширение доступа и охвата	Повышенная щедрость в выплатах	Расширение доступа работников к нестандартным рабочим местам	Новая схема временной работы	Новая/адаптированная схема субсидирования заработной платы
ЮАР						+
Испания	+	+	+	+		
Швеция	+	+	+			
Великобритания					+	
США	+	+	+			
Вьетнам						+

Источник: Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses / W. Eichhorst, P. Marx, U. Rinne, J. Brunner // ILO/IZA Institute of Labour Economics. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_849465.pdf.

Примечание: в Нидерландах система краткосрочной занятости была заменена системой временного субсидирования заработной платы.

Данные показывают, что меры по сохранению рабочих мест в период пандемии COVID-19, как правило, были эффективны в контексте смягчения прямого воздействия внешних потрясений на рабочие места, предотвращения или отсрочки увольнений, особенно там, где действовали надежная защита занятости и рабочая сила с особыми навыками¹. Это хорошо видно из прошлого и текущего опыта использования краткосрочных форм занятости. Такие меры выгодны, когда субъекты в начале кризиса могут полагаться на установленную стандартную форму временной занятости. Однако подобные меры требуют наличия административного потенциала, который можно быстро расширить во время кризиса.

Деятельность МОТ в области политики занятости регулируется Конвенцией МОТ № 122 (1964)², в которой в качестве основных политических целей определены два направления: а) экономическая и социальная политика; б) политика на рынке труда. Первая категория включает секторальную и промышленную политику. Данное направление остро стоит на повестке дня и в настоящее время³. Кроме того, секторальная политика является частью пакета антикризисных мер

¹ Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses...

² Convention № 122 Concerning Employment Policy (Geneva, 09.07.1964).

³ Global Employment Policy Review 2020: Employment Policies for Inclusive Structural Transformation. 2020. Chapter 1. URL https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_735067/lang--en/index.htm.

многих стран. Мы кратко обобщим результаты последнего исследования GEPR, прежде чем более подробно проанализировать ряд секторов.

Секторальная политика получила широкое распространение в практике и дискурсе в течение двух десятилетий после Второй мировой войны, когда наблюдались исключительно высокие темпы экономического роста¹. В 1980-х годах отраслевая политика столкнулась с трудностями в связи с появлением так называемого вашингтонского консенсуса, который был сосредоточен на макроэкономических показателях, таких как государственный долг и планирование дефицита, при одновременном значительном внимании к политике привлечения прямых иностранных инвестиций. Тем не менее даже на пике вашингтонского консенсуса развивающиеся страны, демонстрирующие наиболее высокие темпы экономического роста, широко использовали секторальную политику. «Азиатские тигры» и Китай являются известными примерами подобной практики. После мирового кризиса 2008–2009 годов многие ведущие экономисты начали подвергать сомнению основные положения доктрины вашингтонского консенсуса. Это привело к новому пониманию позитивной роли, которую секторальная политика может сыграть в процессе обеспечения стабильного экономического развития. Сегодня большинство экспертов согласны с тем, что у развивающихся стран остаются значительные возможности для реализации такой политики².

В результате возросшего интереса изменились подходы к отраслевому таргетированию, которые позволили отойти от методов планирования «сверху вниз», направленных на поддержку отдельных

В этой главе мы предпочитаем использовать термин «отраслевая политика», а не «промышленная политика», чтобы подчеркнуть, что имеем в виду не только промышленность в ее узком смысле, но и сектор услуг и сельское хозяйство. При этом мы согласны с более широким подходом Дэни Родрика, который определил отраслевую или промышленную политику следующим образом: «...политика реструктуризации в пользу более динамичных видов деятельности в целом, независимо от того, относятся они к промышленности или обрабатывающей промышленности как таковой» (более подробно см.: *Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century.* Harvard : Harvard Univ. Press, 2004).

¹ *Aiginger K., Rodrik D. Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty First Century // Journal of Industry, Competition and Trade.* 2020. № 20. P. 189–207. URL: <https://link.springer.com/article/10.1007/s10842-019-00322-3> ; *Trade and Development Report 2016 // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD).* 2016. URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2016>.

² *Trade and Development Report... ; Aggarwal V., Evenett S. Do WTO Rules Preclude Industrial Policy? Evidence from the Global Economic Crisis // Business and Politics.* 2014. Vol. 16, № 4. P. 481–509. URL: <https://www.alexandria.unisg.ch/253041/>.

фирм и стартапов, к более децентрализованным подходам. Они предполагают более широкий спектр вспомогательных инструментов, направленных на создание промышленных связей и кластеров¹. Также общепризнано, что отраслевая политика должна сопровождаться комплексом мер, в том числе направленных на регулирование рынка труда. Политика социальной защиты призвана внести существенный вклад в процесс обеспечения структурных преобразований в экономике, в том числе создать условия для смены мест работы при снижении потенциальной социальной и политической напряженности.

Дискуссия вокруг задач отраслевой политики также набирает обороты, и в качестве основных целей рассматриваются обучение и накопление знаний². В прошлом отраслевая политика часто понималась как план развития определенной отрасли промышленности или набора отраслей, который регулировался национальными правительствами. Однако, по определению Дэни Родрика, разработка отраслевой политики должна стать процессом самопознания, «в ходе которого фирмы и правительство узнают об основных издержках и возможностях и участвуют в стратегической координации»³. В этом контексте обучение всегда сопряжено с определенной степенью риска и неопределенности. Следовательно, ключевая задача отраслевой политики — в том, чтобы четко понимать, когда есть смысл отказаться от реализации мер, которые не привели к достижению желаемых целей, и не в последнюю очередь от мер, которые не способствовали достижению целевых показателей отрасли.

Отраслевая политика обладает значительным потенциалом содействия структурным изменениям. Поэтому страны, находящиеся на всех этапах развития, пытаются перестроить свою экономику таким образом, чтобы повысить производительность и уровень жизни. Тем не менее последствия таких процессов структурных преобразований неодинаковы для разных регионов и стран. Экономика некоторых стран, особенно в отсталых регионах, страдает от снижения

¹ Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development / eds J. Salazar-Xirinachs, I. Nübler, R. Kozul-Wright // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2014. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_242878/lang-en/index.htm.

² Ibid. ; Stiglitz J., Lin J., Monga C. The Rejuvenation of Industrial Policy // World Bank Policy Research Working Paper. 2013. № 6628. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16845>.

³ Rodrik D. Industrial Policy for the Twenty-First Century... ; *Idem*. Green Industrial Policy // Oxford Review of Economic Policy. 2019. Vol. 30, № 3. P. 469–491. URL: https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/green_industrial_policy.pdf.

производительности в результате отраслевого перераспределения рабочей силы из секторов с более высокой производительностью в секторы, где производительность ниже. Следовательно, уверенный выход из кризиса может стать реальностью только в том случае, если будут осуществляться устойчивые процессы структурных преобразований, которые в конечном счете приведут к созданию достойных рабочих мест для широких слоев населения.

В этом смысле отраслевая политика должна способствовать достижению двойной цели — полной занятости и повышению производительности труда — и обуславливать сдвиг объемов производства и занятости в сторону производительных секторов. Следует иметь в виду, что для сглаживания негативных последствий (потенциальных) перехода работников из одной отрасли в другую те работники, которые не могут найти новую работу с улучшением качества рабочего места и повышением продуктивности работы, должны быть застрахованы в рамках системы социальной защиты. Недавние исследования показывают, что политика структурных преобразований должна учитывать различия в том, в какой степени экономический рост приводит к повышению производительности или доходов в разных секторах и с течением времени¹. Ключевым фактором является учет стадии развития соответствующей страны, в частности, предполагаются ответы на следующие вопросы: можно ли охарактеризовать страну как преимущественно аграрную, находится она в настоящее время на ранней или средней стадии индустриализации; переживает ли страна преждевременную деиндустриализацию; достигла ли она зрелой постиндустриальной стадии?

Однако в различных странах с низким уровнем дохода рабочая сила переориентировалась с низкопроизводительного сельского хозяйства на низкопроизводительные отрасли сферы услуг, часто в неформальном секторе, где промышленность практически отсутствует. Поэтому важной задачей было выявление возможностей в обрабатывающей промышленности и современных отраслях сферы услуг с целью повышения производительности труда и привлечения работников, уволившихся из сельского хозяйства и других ресурсоемких секторов. Это также гарантировало бы соответствующие инвестиции в развитие таких перспективных секторов, как «зеленая» экономика.

¹ Does Economic Growth Deliver Jobs? Revisiting Okun's Law / S. Lee, D. Schmidt-Klau, J. Weiss, J. Chacaltana // ILO Working Paper. 2020. № 17. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_761967.pdf.

Отраслевая и промышленная политика остается важнейшим компонентом в восстановлении экономики после пандемии COVID-19¹. Тем не менее недавний опыт (например, в Коста-Рике, Гане, ЮАР, Испании и Вьетнаме) показывает, что принятия определенных направлений промышленной политики недостаточно для обеспечения успешных структурных преобразований. На этапе проектирования необходима детальная диагностика, позволяющая оценить потенциал различных перспективных секторов (с использованием социального диалога). Также важно, чтобы отраслевая политика была частью согласованного пакета мер, включающего, в частности, меры по обеспечению устойчивого развития предприятий².

Недавний опыт позволяет сформулировать следующие шесть рекомендаций для государственных органов.

1. *Важность тщательной разработки предполагаемых мер.* Отраслевая политика должна скрупулезно разрабатываться и быть вписана в более широкий политический контекст. Лица, ответственные за ее разработку, должны обладать знаниями об уровне экономического развития страны, институциональной среде, а также о политической экономии в целом.

2. *Решающее значение процесса самопознания.* В случае, если этап проектирования эффективно использовался для изучения природы экономики и потенциала ее секторов, вероятность успеха в ходе внедрения предполагаемых мер значительно выше. Тем не менее процесс самопознания не должен заканчиваться после определения перспективных секторов и выработки политических мер. В ходе реализации политических мер необходимо выявлять новые вызовы и постоянно к ним адаптироваться.

3. *Разработка и внедрение мер требуют времени.* Анализ также показал, что разработка и внедрение мер отраслевой политики занимают определенное время и что ее необходимо регулярно корректировать с учетом меняющихся обстоятельств. Первое поколение отраслевых стратегий часто служит лишь отправной точкой, но последующие поколения часто повышают качество благодаря соответствующему мониторингу и оценке.

¹ Stoica E., Radu L. Sectoral Policies in the Post-COVID-19 Period // Pesquisa no novo Portal da : [сайт]. 2021. URL <https://pesquisa.bvsalud.org/global-literature-on-novel-coronavirus-2019-ncov/resource/en/covidwho-1441742>.

² Kucera D., Schmidt-Klau D., Weiss J. Industrial Policies for Structural Transformation: Processes, Institutions and Methods // Global Employment Policy Review 2020: Employment Policies for Inclusive Structural Transformation. 2020. Chapter 1. URL https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_735067/lang--en/index.htm.

4. *Необходимость создания адекватных институтов.* Наличие достаточных (государственных и частных) ресурсов и создание функционирующих институтов, по-видимому, являются основными факторами успеха. В частности, учреждения должны быть способны играть свою роль в процессе внедрения мер и предотвращения дублирования функций.

5. *Необходимость комплексных подходов.* Изолированная отраслевая политика, оторванная от других стратегий, неэффективна. Согласование отраслевой политики с общей политикой страны в области экономики является сложной задачей, но гарантирует признание и поддержку мероприятий отраслевой политики. Это не тот случай, когда процессом разработки отраслевой политики полностью управляет исключительно частный сектор¹. Однако, учитывая жизненно важную роль частного сектора, необходимо также разработать политику, направленную на создание устойчивой деловой среды.

6. *Привлечение всех заинтересованных сторон на протяжении процесса разработки и внедрения мер.* Разработка политики, определение секторов и фактическая реализация (включая регулярный мониторинг и оценку) успешны только в том случае, если в этом задействовано как можно больше заинтересованных сторон. Если процесс разработки политики не предусматривает участия общественности, существует риск, что планируемые меры так и не будут реализованы.

4.3. ПЕРСПЕКТИВЫ ПРИМЕНЕНИЯ ИНСТРУМЕНТОВ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЗАНЯТОСТИ В ОТДЕЛЬНЫХ ОТРАСЛЯХ

В ходе проведенного анализа было выявлено незначительное участие ассоциаций работников во многих процессах. При этом вполне вероятно, что вовлеченность ассоциаций работников позволила бы достичь более весомых результатов. «Участие рабочих, фермеров и граждан в процессе принятия решений важно как в развивающихся, так и в промышленно развитых странах. Социальные партнерства, с помощью которых профсоюзы и другие представители работодателей могут участвовать в совершенствовании продукции и навыков, следует развивать, поддерживать или адаптировать к меняющимся потребностям общества»².

¹ Для получения дополнительной информации об особой важности согласованности политики см.: Aiginger, K. *Industrial Policy for a Sustainable Growth Path // New Perspectives on Industrial Policy for Modern Britain*. 2014. DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198706205.003.0019>.

² Aiginger K., Rodrik D. *Op. cit.* P. 201.

Далее рассмотрим ситуацию в отдельных секторах экономики. Основное внимание уделяется «зеленому», цифровому секторам и сфере здравоохранения, поскольку они часто рассматриваются как обладающие значительным потенциалом для создания достойных рабочих мест.

«Зеленый» сектор. Здесь новые политические приоритеты представляют собой отправную точку для согласования целей в области занятости и охраны окружающей среды, в частности, путем поощрения создания «зеленых» рабочих мест. В последнее время политики стали в большей степени учитывать экологические цели и применять различные подходы к созданию достойных рабочих мест в рамках «зеленой» экономики. Такие меры включают проведение налоговой реформы для стимулирования экологизации экономики (например, налог на выбросы углерода, введенный в канадской провинции Британская Колумбия); предоставление адекватных финансовых ресурсов для усиления инвестиций в экологически чистые предприятия и секторы (например, Зеленый фонд в канадской провинции Британская Колумбия, аналогичный фонд в ЮАР) или создание экологически чистых рабочих мест (например, Стратегический план Индонезии по устойчивому развитию, концепция «Туризм и “зеленые” рабочие места», а также устойчивое развитие Замбии). Что касается предложения, то основное внимание уделено обучению и повышению квалификации («экологизации» навыков), включая переподготовку кадров в рамках программы активной политики на рынке труда (ALMPs).

Тем не менее существуют возможности для дальнейшего совершенствования таких политических мер и повышения эффективности их реализации за счет комплексного подхода. Вопросы создания экологически чистых рабочих мест часто включаются в более широкие национальные рамки экономической политики. Следовательно, успешные примеры характеризуются последовательным и хорошо скоординированным набором мер, особенно в области образования, занятости и повышения квалификации, направленных на создание более экологичной экономики и «зеленых» рабочих мест¹. Другие примеры включают различные усилия по «озеленению» существующей промышленной или секторальной политики².

¹ *Nebuloni V., Ernst C., Epifanio D.* National Employment Policies and Environmental Sustainability: Forging Stronger Ties // *Global Employment Policy Review: Employment Policies for Inclusive Structural Transformation*. 2020. Chapter 4. URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_735073/lang--en/index.htm.

² *Aiginger K.* The “Greening” of Industrial Policy // *EURActiv* : [сайт]. 2013. URL: <https://www.euractiv.com/section/sustainable-dev/opinion/the-greening-of-industrial-policy/>.

Речь идет о новых инструментах отраслевой политики, ориентированных на решение проблем занятости¹, и новом «зеленом» курсе, у которого есть приверженцы по обе стороны Атлантического океана, особенно в Европе².

Согласно исследованию МОТ³, к 2030 году во всем мире может быть создано 24 млн новых рабочих мест, если будет внедрена политика по продвижению более экологичной экономики. Принятие мер по ограничению глобального потепления до 2 °С позволило бы создать достаточное количество новых рабочих мест, чтобы компенсировать их потерю в некоторых странах. На региональном уровне в результате мер, принятых в области использования и производства энергии, в Северной и Южной Америке, Азии и Тихоокеанском регионе, а также в Европе будут созданы новые рабочие места, что составит приблизительно 3 млн человек 14 млн и 2 млн рабочих мест соответственно. В то же время могут быть утрачены рабочие места на Ближнем Востоке (-0,48 %) и в Африке (-0,04 %) вследствие зависимости регионов от ископаемого топлива и добычи полезных ископаемых соответственно.

На уровне отдельных стран можно привести много примеров «зеленой» отраслевой политики. В Марокко возобновляемые источники энергии используются в качестве стимула промышленного развития⁴. В стране реализуется экологичная отраслевая политика, хотя правительство официально не объявляло ее таковой. Стимулирующие меры привели к формированию нового рынка технологий использования возобновляемых источников энергии и позволили привлечь необходимые финансовые инвестиции. Учебные программы помогли квалифицированным и неквалифицированным работникам принять участие в первых проектах, а также повысили осведомленность широкой общественности о новом секторе и его будущем потенциале. Наконец, целый ряд программ поддержки, ориентированных на частный сектор, спо-

¹ *Rodrik D.* Green Industrial Policy...

² A European Green Deal // European Commission : [сайт]. 2019. URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en.

³ World Employment and Social Outlook 2018: Greening with Jobs // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_628654/lang--en/index.htm.

⁴ *Auktor G. V.* Renewable Energy as a Trigger for Industrial Development in Morocco // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences / eds by T. Altenburg, C. Assmann. 2017. Chapter 10. URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/>.

способствовал привлечению инвестиций в область возобновляемых источников энергии.

В Германии энергетический переход (*Energiewende*) представляет собой государственную политику, направленную на и использование возобновляемых источников энергии¹. В глобальном масштабе это, безусловно, одно из самых амбициозных начинаний, где прослеживается стремление к устойчивому развитию путем достижения ряда целевых значений и количественных показателей в области энергоэффективности, возобновляемых источников энергии и сокращения выбросов парниковых газов. Германия добилась значительного прогресса в переходе к «зеленой» энергетике, особенно в том, что касается использования возобновляемых источников для производства электроэнергии. Однако в других сферах, например в области энергоэффективности, по-прежнему не достигнуты соответствующие целевые значения.

В Китае в последнее время наблюдается переход к электромобилям и стремление к модернизации автомобильной промышленности². Страна активно продвигает амбициозную программу развития электромобилей, которая преследует две основные цели: а) повышение конкурентоспособности национальной автомобильной промышленности; б) снижение загрязнения воздуха в городах. Комплексная отраслевая политика Китая способствует разработке гибридных легковых автомобилей, грузовиков и автобусов, работающих на батареях, с использованием различных нормативных актов и субсидий. Это обусловлено прежде всего необходимостью снизить уровень загрязнения воздуха в городах и стремлением перейти к новой форме технологической специализации. Китайская программа является образцовым примером политики «зеленого» сектора и направлена на повышение конкурентоспособности и технологическую модернизацию при одновременном улучшении состояния окружающей среды. Пакет отраслевой политики включает значительные усилия в области исследований и разработок, стратегические государственные закупки,

¹ *Pegels A.* Germany: The Energy Transition as a Green Industrial Development Agenda // *Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences* / ed. by T. Altenburg, C. Assmann. 2017. Chapter 11. URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/>.

² *Altenburg T., Feng K., Shen Q.* Electric Mobility and the Quest for Automobile Industry Upgrading in China // *Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences* / eds by T. Altenburg, C. Assmann. 2017. Chapter 12. URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/>.

соглашения о совместном использовании технологий с международными инвесторами, субсидии на закупки и испытания в отдельных государствах. В результате работающие на электричестве автобусы, легковые автомобили, грузовики и двухколесные транспортные средства становятся все более популярной альтернативой транспортным средствам, работающим на основе топлива.

Бразилия инициировала отраслевую политику, направленную на увеличение потребления возобновляемых источников энергии, используя стимулы для производства этанола и гидроэлектроэнергии¹. Эта политика также поощряет создание транспортных средств, работающих на этаноле, а на более позднем этапе — на гибком топливе. Связанные с этим контроль за ценами и специальные налоги сделали относительную цену на этанол довольно привлекательной для потребителей. Внедрение автомобилей на гибком топливе (этому в немалой степени способствовали кредитные и налоговые субсидии) привело к созданию крупного и растущего рынка этанола и помогло повысить ценовую эластичность спроса на него. Недавно Бразилия изменила направление отраслевой политики и перешла от мер, ориентированных на спрос, к мерам, ориентированным на предложение, то есть направленным на повышение производительности этанола.

Другими примерами «зеленой» политики являются Европейский «зеленый» курс (2019), программа «Следующее поколение» Фонда ЕС (2020), корейский «Новый курс» (2020) и Закон «О плане спасения Америки» (2021).

Цифровой сектор. Все большее значение приобретает отраслевая политика, направленная на развитие цифровой экономики. Например, в США такая политика реализуется рядом национальных агентств, которые выделяют средства на прорывные инновации на ранних стадиях и играют ключевую роль в создании сетей, включающих практиков и представителей научных и образовательных учреждений². Правительства Франции и Германии учредили совместную Европейскую инициативу с целью создания европейского аналога Министерства

¹ *Da Motta Veiga P., Polónia Rios S. Ethanol Policy in Brazil: A Green Industrial Policy by Accident? // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences / eds by T. Altenburg, C. Assmann. 2017. Chapter 13. URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/>.*

² Известным примером является Агентство перспективных исследовательских проектов в области обороны (DARPA). Крупные изобретения, такие как Интернет и Глобальная система позиционирования, а также появление Силиконовой долины — все это косвенно или прямо связано с DARPA.

обороны США — Агентства перспективных исследовательских проектов (DARPA). Кроме того, Horizon 2020 (крупнейшая в ЕС программа исследований и разработок) призвана помочь Европе создать научные разработки мирового уровня. Также существует Европейский инновационный совет (EIC), который объединяет части программы Horizon 2020, поддерживающие прорывные исследования и инновационные технологии, создающие рынок с высокими рисками и высокой отдачей¹. Кроме того, в марте 2020 года Европейская комиссия представила «Новую промышленную стратегию для Европы» и обновила ее в контексте пандемии COVID-19 в мае 2021 года².

В Китае действующая отраслевая политика «Сделано в Китае — 2025» довольно широка по охвату и включает новые информационные технологии в качестве одного из десяти приоритетных секторов. Этот десятилетний план, основанный на немецкой инициативе «Индустрия 4.0», направлен на модернизацию национального промышленного потенциала и его дальнейшее продвижение по цепочке создания стоимости за счет использования цифровых технологий. Для достижения стратегических целей используются различные инструменты (прямые субсидии, поддержка предприятий со стороны государства и передача технологий). Конечной целью является уменьшение зависимости страны от иностранных инвестиций и поставщиков, что содействует ее превращению в мирового производственного лидера к 2049 году.

Некоторые страны, например Саудовская Аравия и Объединенные Арабские Эмираты, используют суверенные фонды благосостояния для активного управления инновациями в определенных направлениях, таких как цифровая промышленность³. Многие развивающиеся

¹ Многими приветствуемое как еще один европейский аналог DARPA, это агентство существенно отличается от агентства США тем, что EIC не стремится направлять инновации в определенном направлении.

² В сообщении Еврокомиссии от сентября 2017 года об обновленной стратегии промышленной политики ЕС говорилось, что ее цель заключается в том, чтобы «сделать ЕС мировым лидером в области инноваций, оцифровки и обезуглероживания». Эта стратегия направлена на «расширение возможностей отраслей для создания рабочих мест и экономического роста, защиту регионов и работников, наиболее пострадавших от изменений в промышленности, и укрепление лидирующей роли Европы, ее конкурентоспособности и передовых технологий». Упомянутые стратегия до 2020 года и ее обновление до 2021 года в контексте COVID-19 направлены на достижение этой широкой цели.

³ Industrial Policy for the 21st Century: Lessons from the Past // European Commission Discussion Paper. 2022. № 157. URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/economy-finance/dp157_en_industrial_policy.pdf.

страны также пытались внедрить политику цифровизации в определенных секторах. Однако успешных примеров очень мало, и часто они ограничиваются определенными отраслями, такими как автомобилестроение или производство одежды.

Экономика здравоохранения приобретает все большее значение, поскольку спрос на долгосрочный уход за пожилыми людьми¹ и уход за детьми быстро растет во многих регионах мира. Для этого сектора характерны разнообразные институциональные механизмы оказания медицинской помощи: вовлечение государства (как регулирующего органа и (или) поставщика услуг), рынок (как формальных, так и неформальных структур) и добровольный некоммерческий сектор в дополнение к неоплачиваемому уходу, предоставляемому семьями/ домохозяйствами.

Возможность того, что работа по уходу за больными будет высокого качества, в значительной степени зависит от институциональной конфигурации и регулирующей роли, которую играет государство. Тем не менее работа по уходу за больными во всем мире характеризуется недостаточностью предоставленных льгот и защиты тем, кто работает в этом секторе, что усугубляется низкой заработной платой и риском причинения психического и физического вреда. Существует потребность в поиске эффективных решений для экономики здравоохранения. Действительно, целенаправленная отраслевая политика призвана сыграть жизненно важную роль в развитии этого важнейшего сектора, который будет приобретать все большее значение в связи со старением общества. Правительства, традиционно предоставляющие услуги по уходу за пожилыми людьми, сталкиваются с огромным спросом на них. Например, в Великобритании доля ВВП, расходуемая на уход за пожилыми людьми, по прогнозам, в период с 2000 по 2050 год удвоится. Ряд стран с высоким уровнем дохода, таких как Германия и США, внедрили рыночные механизмы, создав проекты по оказанию услуг по уходу за пожилыми людьми в рамках своих систем здравоохранения и социального обеспечения².

¹ *Tessier L., Wulf N. de, Momose Y.* Long-term Care in the Context of Population Ageing: A Rights-based Approach to Universal Coverage // ILO Working Paper 2022. № 82. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_858784.pdf ; Long-term Care in the Context of Population Ageing: What Role for Social Protection policies? // International Social Security Review. 2022. Vol. 75, № 3–4. P. 19–45. DOI: <https://doi.org/10.1111/issr.12306>.

² *Song H., Ji K., Sun T.* Subsidy Policy Selection of Elderly Care Service Projects Under Uncertain Actual Demand: A Real Options Analysis Based on China's Experience // BMC

Существует много примеров значительной нехватки медицинских работников, что стало особенно очевидно во время пандемии COVID-19, но это типичное явление для всех экономик. Несмотря на то что основные проблемы и недочеты в сфере здравоохранения широко известны, на сегодняшний день имеется мало свидетельств, что эти недостатки были устранены в рамках конкретной отраслевой политики. Сектор здравоохранения, по-видимому, обладает огромным потенциалом для создания достойных рабочих мест, но страдает от отсутствия финансирования и целенаправленной политики.

Чтобы устранить некоторые недостатки, работа по уходу за больными была включена в качестве одного из приоритетных направлений деятельности ООН¹. В соответствующей дорожной карте (МОТ) подчеркивается, что в настоящее время существует беспрецедентная возможность преобразовать целые экономические системы, поставив экономику здравоохранения в центр отраслевой и экономической политики. Инвестиции в сферу здравоохранения могут принести значительную экономическую и социальную пользу отдельным людям, семьям и обществу в целом за счет так называемого четырехкратного дивиденда, состоящего из четырех элементов: 1) инвестиции в сектор медицинского обслуживания способствуют улучшению общественного здравоохранения и благосостояния, особенно для наименее обеспеченных слоев населения; 2) инвестиции в экономику медицинского обслуживания повышают долю работающих женщин в общей численности женской рабочей силы и их доходы, тем самым расширяя экономические возможности женщин; 3) инвестиции в развитие услуг здравоохранения и социального обеспечения потенциально могут создать миллионы достойных рабочих мест как в секторе здравоохранения, так и в других; 4) обеспечение прямой, косвенной или вынужденной занятости в рамках экономики здравоохранения создает рабочие места с относительно низким выбросом углекислого газа.

Кроме того, реализуется новая инициатива «Инвестирование в системы здравоохранения и социальной защиты», выдвинутая проектом «Общие финансы» и коалицией за социальные инвестиции (Decide

Geriatrics 2022. № 22. P. 49. URL: <https://bmcegeriatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12877-021-02690-0>.

В недавнем докладе МОТ «Перспективы мировой занятости и социального развития на 2023 год: Ценность основной работы» подробно анализируются возможности и риски в этом секторе.

¹ Global Accelerator on Jobs and Social Protection for Just Transitions // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: <https://www.ilo.org/>.

Health Decide). Ее реализует группа государственных банков развития и другие заинтересованные стороны, работающие над повышением качества и объема социальных инвестиций во всем мире, в том числе в сфере здравоохранения. В рамках этой программы делается вывод о том, что многие развивающиеся страны еще не полностью осознали решающее значение сектора здравоохранения как катализатора роста экономики и занятости.

За последние 20 лет глобальные расходы на здравоохранение росли более быстрыми темпами, чем ВВП. К 2025 году мировые расходы на лекарства достигли 1,6 трлн долларов США (это значительно больше, чем в 2019 г., — 1,25 трлн долларов США), что составляет приблизительно 3–6 % ежегодного роста. На сектор здравоохранения также приходится около 10 % мирового ВВП, он обеспечивает жизненно важную экономическую ценность как в промышленном производстве, так и в секторе услуг. Тем не менее потенциал сектора здравоохранения как инструмента создания рабочих мест и расширение участия женщин и молодежи на рынке труда как в городских, так и в сельских районах остаются нереализованными, несмотря на значительные социально-экономические выгоды, о которых говорилось выше¹.

В результате многочисленных кризисов государственные органы, особенно в странах с низким и средним уровнями дохода, сталкиваются с комплексом проблем на рынке труда, включая не только долгосрочные тенденции и вызовы, но и неравномерное восстановление после кризиса, связанного с COVID-19. Все эти факторы усугубляются воздействием глобального кризиса, вызванного конфликтом на Украине. Существует значительный риск, что восстановление рынка труда, особенно в развивающихся странах, будет неполным и неравномерным, особенно для определенных групп населения (например, менее квалифицированных работников и молодежи). Беспокойство вызывает и то, что меры государственной политики имеют ограниченную эффективность вследствие сохраняющейся инфляции, значительного сокращения бюджетных возможностей и увеличения долгового бремени. Все это окажет негативное воздействие на рынки труда в случае, если меры политики занятости не будут подкреплены соответствующим финансированием.

¹ Investing in Health and Social Protection Systems: An Investment Agenda Towards the SDGs // Draft for the Finance in Common Summit in Abidjan. 2022, 18–20 Oct.

ВЫВОДЫ

Практика государственного регулирования процессов, происходящих на национальных рынках труда, довольно разнообразна. В последние десятилетия пиковыми периодами усиления активности государства в области регулирования были мировой экономической кризис (2008–2009), период пандемии COVID-19 (2020–2021), а также кризисные тенденции, обусловленные СВО на Украине (2022). Рецессия в экономике неизбежно ухудшает ситуацию на национальных рынках труда. Меры государственного регулирования затрагивают прежде всего денежно-кредитную политику (количественные смягчения), а также фискальную политику (дополнительные расходы, направленные на преодоление рецессии и восстановление экономики).

В то же время в современных условиях применяются и специальные меры, направленные на улучшение положения дел в области занятости. Так, в период пандемии активно внедрялись программы защиты рабочих мест. Также в современной практике активное распространение получают программы поддержки отдельных отраслей, цель которых — недопущение кризиса в отрасли и сохранение рабочих мест. В отдельных странах подобные целевые программы ориентированы на избранные ключевые отрасли (энергетику, цифровой сектор, социальную сферу). Можно ожидать, что вопрос развития подобных программ сохранит свою актуальность и в будущем. При этом довольно остро будет стоять проблема поиска финансовых источников для их реализации.

Глава 5

ПРОБЛЕМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ МОЛОДЕЖНОЙ ЗАНЯТОСТИ

5.1. МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА: СУЩНОСТЬ И ЗНАЧЕНИЕ КАТЕГОРИИ НЕЕТ

Пандемия COVID-19 оказала серьезное масштабное воздействие на молодежь. В 2020 году занятость молодежи сократилась более чем в два раза по сравнению с занятостью взрослого населения¹. Существенный спад рынка труда означал, что потеря работы молодыми людьми первоначально привела к росту бездеятельности, а не к росту безработицы среди молодежи². В этом заключается принципиальное отличие от предыдущих кризисов, которые приводили преимущественно к росту молодежной безработицы.

В Целях устойчивого развития (ЦУР) ООН до 2030 года обозначен ключевой показатель для оценки прогресса на молодежных рынках труда — доля молодых людей, относящихся к категории NEET (не имеющих работы, образования или профессиональной подготовки). Он помогает определить более масштабные последствия пандемии COVID-19 для молодежи касательно любых форм бездействия (отсутствия деловой активности). Фактически в настоящее время в центре внимания находятся ключевые показатели, касающиеся молодежи, — от уровня безработицы среди молодежи до ставки заработной платы.

Хотя восстановление после пандемии и произошло, оно оказалось неравномерным. К 2022 году соотношение занятости молодежи и численности населения в странах с высоким уровнем доходов почти восстановилось до уровня, существовавшего до пандемии COVID-19, но так было не везде, особенно в странах с уровнем дохода ниже среднего (рис. 25).

В глобальном масштабе шок для занятости был довольно сильным, а восстановление — не столь быстрым для молодежи по сравнению

¹ Рассчитано по данным ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>), смоделированным MOT (на ноябрь 2022 г.). Соотношение занятости молодежи (в возрасте 15–24 лет) к численности населения снизилось на 7,7 % по сравнению с 3,7 % для взрослых (в возрасте 25 лет и старше).

² An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis // ILO Statistical Brief. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf.

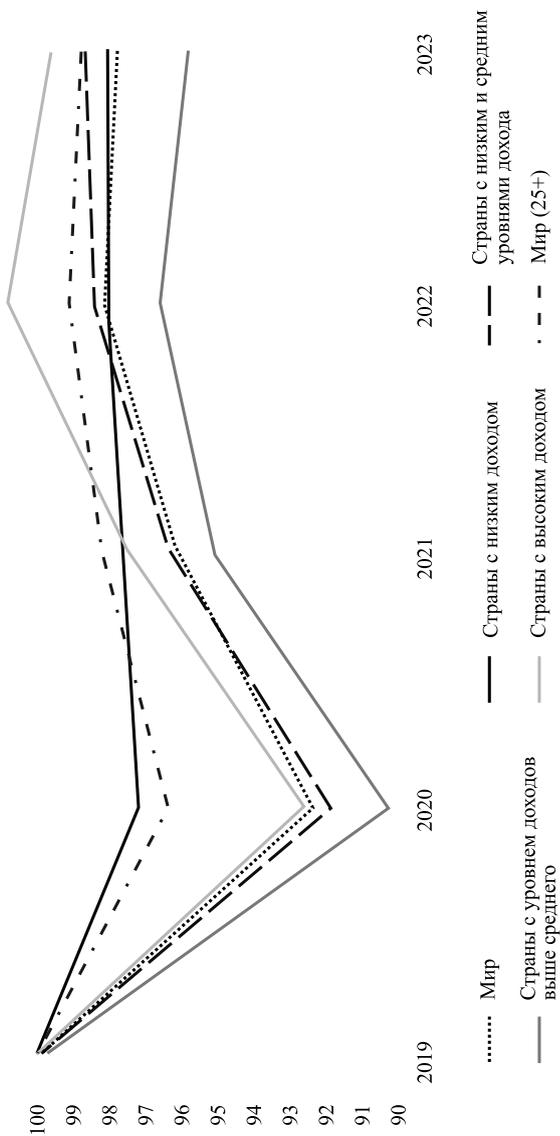

Рис. 25. Соотношение занятости и численности населения в разбивке по группам стран с доходом, молодежь в возрасте 15–24 лет (2019–2023) (2019 = 100 %)

Источник: ILOSTAT (URL: <https://ilostat ilo.org>), смоделированные оценки МОТ (ноябрь 2022 г.).

с лицами старше 25 лет. Более того, экономические последствия конфликта на Украине замедлили восстановление мировой экономики в 2022 году. Карантин из-за COVID-19 также привел к перебоям в обучении, и многие молодые люди не вернулись к своим занятиям после его отмены. Наряду с COVID-19 изменение климата также оказывает влияние, например, изменения в агроэкологической зоне Сахеля привели к повсеместному сокращению производственной деятельности. В качестве последствий можно выделить снижение уровня жизни населения, в результате чего у семей стало меньше средств на оплату образования и профессиональную подготовку детей, что влияет на их обучение и работу в будущем.

Рассмотрим некоторые политические подходы к сокращению NEET после пандемии COVID-19, с акцентом на развивающиеся страны и страны с формирующейся рыночной экономикой. Сегодня большинство исследований, характеризующих молодых людей, относящихся к категории NEET, было сосредоточено на странах с высоким уровнем дохода. На самом деле показатели NEET в странах с низким и средним уровнями дохода намного выше, чем в странах с развитой экономикой, и их характеристики различаются. Хотя масштабы и характер NEET определяются схожими факторами, типы NEET, которые преобладают в странах с низким уровнем дохода, отличаются от аналогичных типов в более развитых государствах. Тем не менее, учитывая сходство фундаментальных факторов, например основных причин более высокого уровня NEET среди молодых женщин, можно сделать вывод о возможности информативного сравнительного анализа.

Молодые люди, не имеющие работы, образования или профессиональной подготовки: ключевые тенденции и характеристики.

Как упоминалось выше, уровень NEET является показателем достижения ЦУР (8.6.1) для измерения прогресса на молодежном рынке труда. Обозначим некоторые эмпирические закономерности, которые можно наблюдать в показателях NEET по всему миру, и их влияние на политические решения в сфере занятости¹. Число молодых людей, относящихся к категории NEET, — более широкое понятие, чем безработица, и охватывает всех молодых людей (как правило, в возрасте 15–24 лет)², которые по какой-либо причине не учатся, не работают

¹ За исключением относительно небольшой, но все более значимой группы молодых людей, которые являются безработными и получают образование.

² Мы не будем здесь обсуждать, какую наиболее подходящую возрастную группу можно отнести к молодежи. Достаточно отметить, что стандартное международ-

и не занимаются предпринимательской деятельностью¹. Многочисленные последствия смещения акцента обсуждались применительно к странам с высоким уровнем дохода, в частности к Европейскому союзу (ЕС), однако это в меньшей степени относится к странам с низким и средним уровнями дохода. Очевидно, что молодые люди из категории НЕЕТ представляют собой более многочисленную и разнородную группу, чем молодые безработные. Ниже приводятся некоторые специфические характеристики категории НЕЕТ, которые имеют отношение к политике².

Молодежные рынки труда и экономика: общие потрясения и экономическое развитие.

Пандемия COVID-19 сильно ударила по рынкам труда во всем мире. Как известно, то, что происходит с молодыми людьми при выходе на рынок труда, во многом зависит от того, что происходит в экономике в целом³. Многие исследования, посвященные влиянию

ное определение относится к молодым людям в возрасте 15–24 лет и является основой для большинства статистических данных МОТ о молодежи. Однако в наши дни часто утверждается, что имеет смысл расширить возрастную категорию как минимум до 29 лет. Мы регулярно обращаемся к более широкой категории — в некоторых случаях это необходимо, например, при изучении НЕЕТ оценивается уровень образования.

¹ Согласно последнему международному определению занятости, принятому 19-й Международной конференцией статистиков труда (ICLS) в 2013 году, установлено, что занятость включает только оплачиваемую работу или получение прибыли. Это ознаменовало собой серьезный разрыв с прошлым и исключило из сферы занятости, но не работы такие виды деятельности, как натуральное хозяйство, что, в свою очередь, оказало значительное влияние на измерение как занятости, так и НЕЕТ. Однако внедрение нового подхода носит неоднородный характер, и многие страны по-прежнему применяют предыдущее определение, включая на данный момент собственные смоделированные оценки МОТ, используемые в этом разделе главы. Важным следствием измененного определения стало проведение различия между трудом и занятостью, которое, в частности, позволило однозначно признать некоторые виды деятельности, такие как неоплачиваемые обязанности по уходу, работой (но не трудоустройством).

² О'Хиггинс, Барфорд и Куттс (*O'Higgins N., Barford A., Couts A.* A NEET Overview: Trends, Issues and Policies Regarding Young People Who Are Neither in Education, Employment nor Training // ILO Working Paper. Geneva, 2017) более подробно обсуждают эти последствия с точки зрения того, как показатели НЕЕТ отличаются от уровня безработицы с точки зрения их характеристик и детерминант. См. также статью Элдер, посвященную относительно раннему и содержательному обсуждению стран с низким и средним уровнем дохода (*Elder, S.* What Does NEETs Mean and Why Is the Concept so Easily Misinterpreted? / S. Elder // ILO Work Youth Technical Brief. 2015. № 1. URL: https://www.ilo.org/employment/areas/youth-employment/work-for-youth/publications/technical-briefs/WCMS_343153/lang--en/index.htm).

³ См., например: World Development Report 2007: Development and the Next Generation. Washington. D. C. : World Bank, 2006 // World Bank : [сайт]. 2006. URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/8bc09fdb-00c1-5ef7-b76f-4988c8922362> ; *O'Higgins N.* Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence

различных факторов на результаты работы молодежи на рынке труда, позволяют сделать универсальный вывод: совокупный спрос играет в этом центральную роль. Действительно, занятость молодежи в большей степени, чем занятость взрослых, зависит от изменений в бизнес-цикле¹. Безусловно, существует множество различий между странами, находящимися на разных уровнях экономического развития. Можно также сделать вывод, что закон Оукена, выражающий взаимосвязи между экономическим ростом и ростом занятости, действует сильнее в период рецессии, чем на стадии роста. Это справедливо как для молодых, так и для пожилых работников. Более того, на характер взаимосвязи также влияет отраслевая структура экономического роста и занятости; и в развивающихся странах, и в странах с формирующимися рынками значительная доля неформальной занятости также играет важную роль².

Совокупные негативные экономические потрясения, как правило, в большей степени воздействуют на занятость молодежи, чем на занятость взрослого населения. Молодежь широко представлена среди участников рынка труда, которые особенно сильно страдают от потрясений, включая лиц, занятых временно и неформально, а также ищущих работу³. Вследствие некоторых специфических особенностей пандемия COVID-19 затронула молодежь в большей степени, чем обычно

on Key Policy Issues // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_556949.pdf; O'Higgins N. Youth Unemployment and Employment Policy in Global Perspective // International Labour Organization (ILO) : [сайт] 2001. URL: https://www.researchgate.net/publication/44829351_Youth_unemployment_and_employment_policy_A_global_perspective.

¹ Preventing Exclusion from the Labour Market: Tackling the COVID-19 Youth Employment Crisis // ILO Policy Brief. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_746031.pdf; Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in Transforming Futures for Young People // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---ubl/documents/publication/wcms_853321.pdf.

² Does Economic Growth Deliver Jobs? Revisiting Okun's Law / S. Lee, D. Schmidt-Klaus, J. Weiss, J. Chacaltana // ILO Working Paper. 2020. № 17. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_761967.pdf.

³ См., например, о влиянии глобального финансово-экономического кризиса на рынок труда молодежи: O'Higgins N. The Impact of the Economic and Financial Crisis on Youth Employment: Measures for Labour Market Recovery in the European Union, Canada and the United States // ILO Employment Working Paper. 2011. № 70. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_154365.pdf; Preventing Exclusion from the Labour Market: Tackling the COVID-19 Youth Employment Crisis // ILO Policy Brief. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_746031.pdf.

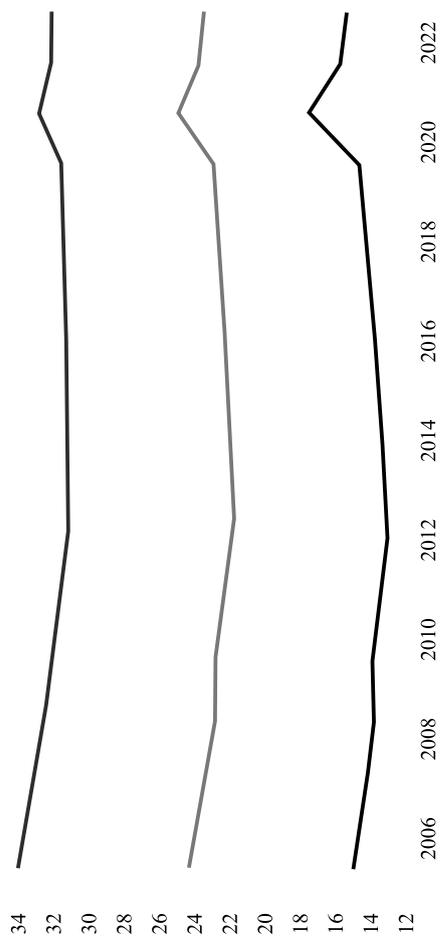

Рис. 26. Доля молодежи (15–24 лет) НЕЕТ, мир (2005–2022) (%)
Источник: ILOSTAT (URL: <https://ilostat ilo.org>), смоделированные оценки МОТ (ноябрь 2022 г.).

бывает при подобных обстоятельствах. Например, в секторах, ограниченных карантинными мерами, было занято много молодых людей. Следовательно, они имели больше шансов потерять работу во время пандемии. Кроме того, карантинные меры также повлияли на образование и профессиональную подготовку молодежи. В этом контексте неудивительно, что экономический шок, связанный с COVID-19, также оказал значительное влияние на показатели NEET (рис. 26).

В период с 2005 по 2019 год показатели NEET, особенно среди молодых женщин, постепенно снижались во всем мире. Начало пандемии COVID-19 в 2020 году обратило вспять весь достигнутый на тот момент прогресс. За один год глобальный показатель NEET вырос до самого высокого уровня с начала проведения оценок в 2005 году — до 24,9 %. Это означает, что каждый четвертый молодой человек (примерно каждая третья молодая женщина и каждый шестой молодой мужчина) не работал и не учился¹. В мире две из трех женщин — молодые, поэтому различия в показателях молодых женщин приводят к изменениям в показателях для женщин в целом. В 2005 году среднемировой показатель NEET среди молодых мужчин составлял 15,0 %, то есть немного выше, чем в 2019 году, до начала пандемии (14,7 %). За тот же период среднемировой показатель NEET для молодых женщин снизился с 34 до 31,6 %².

Постепенное снижение общих показателей NEET, а также гендерного разрыва в показателях NEET до 2020 года происходило по мере развития стран (рис. 27). Однако высокие показатели NEET связаны не только с низким уровнем экономического развития, отсюда и широкий разброс стран.

Чрезвычайно высокие показатели NEET, особенно среди молодых женщин, отмечены в арабских государствах, а также в Азиатско-Тихоокеанском регионе (рис. 28). В этих двух регионах самые высокие средние показатели NEET в целом, что обусловлено высокими показателями NEET среди молодых женщин. В арабских государствах примерно каждая вторая молодая женщина относится к NEET; в обоих регионах вероятность того, что молодые женщины будут NEET, примерно в 2,5 раза выше, чем у молодых мужчин³. В Азиатско-Тихоокеанском

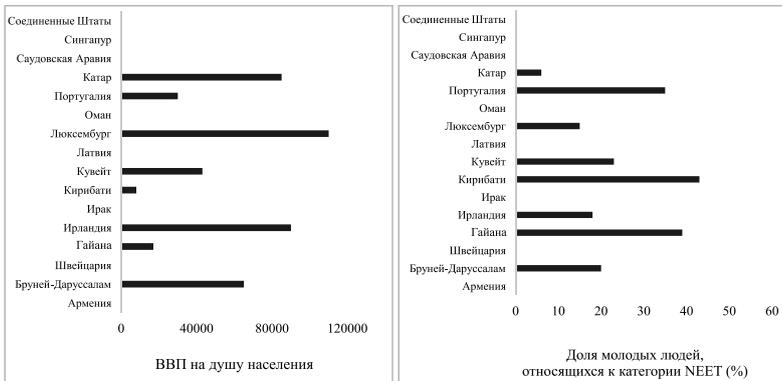
¹ ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>), смоделированные MOT оценки (ноябрь 2022 г.).

² Можно также отметить, что пандемия COVID-19 еще больше сократила этот разрыв, поскольку повлияла на потребности молодых мужчин значительно сильнее, чем на потребности молодых женщин.

³ См., например, интересный анализ Ассада (Explaining the MENA Paradox: Rising Educational Attainment, Yet Stagnant Female Labor Force Participation / R. Assaad,

регионе высокие показатели NEET обусловлены серьезными проблемами занятости среди женщин в странах Южной Азии.

Мужчины

Женщины

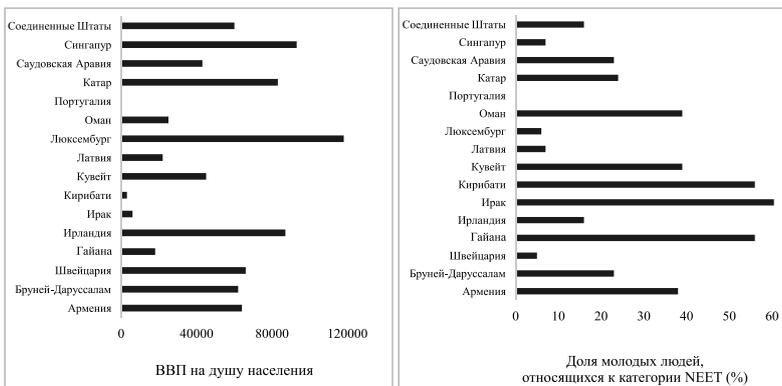

Рис. 27. Соотношение показателей NEET среди молодежи к ВВП на душу населения (ППС), мужчины и женщины, за 2023 год

Источник: расчеты авторов, основанные на микроданных ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>) из 152 стран с низким, средним и высоким уровнями дохода.

R. Hendy, M. Lassassi, S. Yassin // Demographic Research. 2020. № 43. P. 817–850. URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol43/28/43-28.pdf>, посвященный арабским государствам и Северной Африке, и анализ Неффа, Сена и Клинг (*Neff D., Sen K., Kling V.* The Puzzling Decline in Rural Women's Labour Force Participation in India: A Re-Examination // GIGA Research Institute Working Paper. 2012. № 196. URL: https://www.files.ethz.ch/isn/143184/wp196_neff-sen-kling.pdf), посвященный Южной Азии.

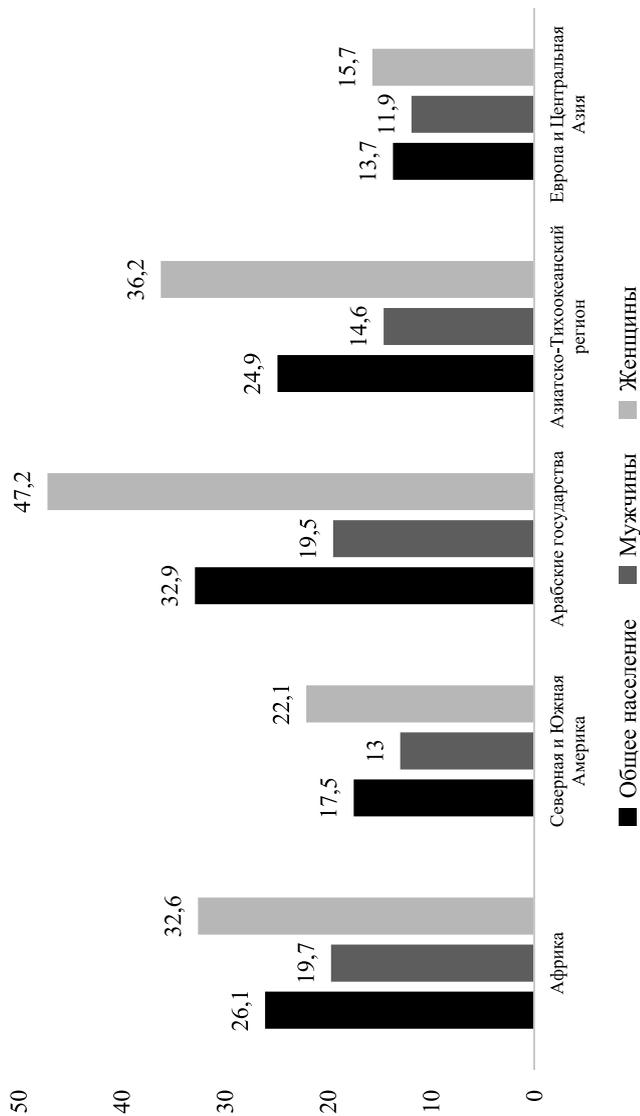

Рис. 28. Показатели NEET в разбивке по полу и регионам (2022) (%)

Источник: ILOSTAT (URL: <https://ilostat ilo.org>), смоделированные оценки МОТ (ноябрь 2022 г.).

В обоих случаях несколько факторов создают определенные проблемы, и роль социальных норм в этом процессе широко обсуждалась. Они влияют как на возможности трудоустройства, доступные женщинам, так и на их широкое участие в выполнении функций по уходу в этих регионах. Тем не менее разница между арабскими государствами, Южной Азией и другими регионами заключается скорее в степени, чем в характере. Гендерные различия в соотношении занятости и численности населения, а также преобладающее участие женщин в неоплачиваемой работе по уходу за детьми заметны во всем мире¹.

Показатели NEET значительно выше в сельской местности по сравнению с городскими районами, как и соотношение женщин и мужчин (рис. 29), причем не только в странах с низким уровнем дохода². Это подтверждает вывод о важности местного экономического развития для снижения уровня NEET в целом, а также гендерного разрыва в рамках NEET.

Показатели NEET снижаются по мере роста уровня образования (рис. 30). Интересен тот факт, что различия в показателях NEET в зависимости от уровня образования увеличиваются с ростом дохода в стране. В странах с высоким уровнем дохода немногие молодые люди имеют образование ниже базового.

¹ Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2018. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_633135.pdf.

Это не означает, что различия между странами и регионами не имеют большого значения, скорее они подчеркивают, что такие препятствия для участия женщин на рынке труда являются общей особенностью рынков труда, а не только проблемой в указанных выше регионах.

² Это, несомненно, отражает тот факт, что 19-я система ICLS еще не применялась при оценке глобальных показателей рабочей силы MOT. В результате относительно низкие показатели NEET и небольшой гендерный разрыв, наблюдаемый в странах с низким уровнем дохода, отражают вовлечение молодежи в натуральное хозяйство. Применение более современного определения, предполагающего, в частности, исключение любой работы, которая не оплачивается или приносит доход по найму, существенно улучшает разницу с такими оценками. Например, применение 19-го определения ICLS в Руанде — стране с низким уровнем дохода — привело к сокращению на 8 процентных пунктов соотношения занятости и численности населения, причем среди молодых женщин наблюдается большее сокращение, чем среди молодых мужчин. Более того, благодаря применению 19-го определения ICLS, которое исключает из числа занятых лиц, ведущих натуральное хозяйство, показатели NEET в Руанде в сельской местности намного выше, чем в городах, особенно среди молодых женщин. Это в большей степени соответствует модели, наблюдаемой в странах со средним уровнем дохода.

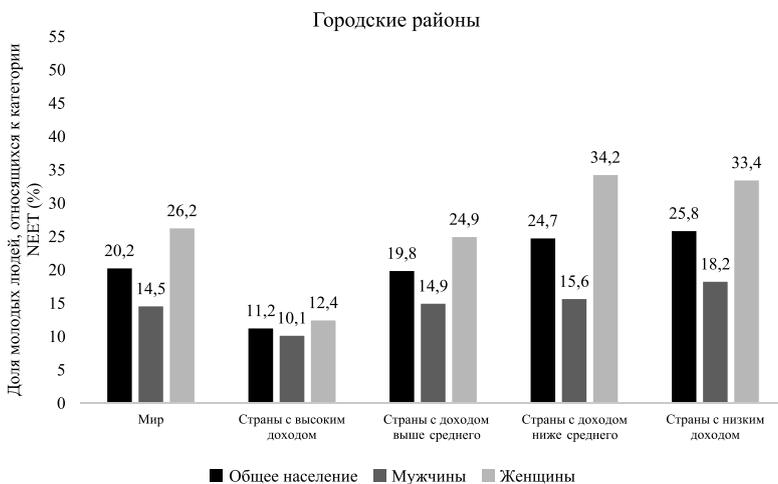
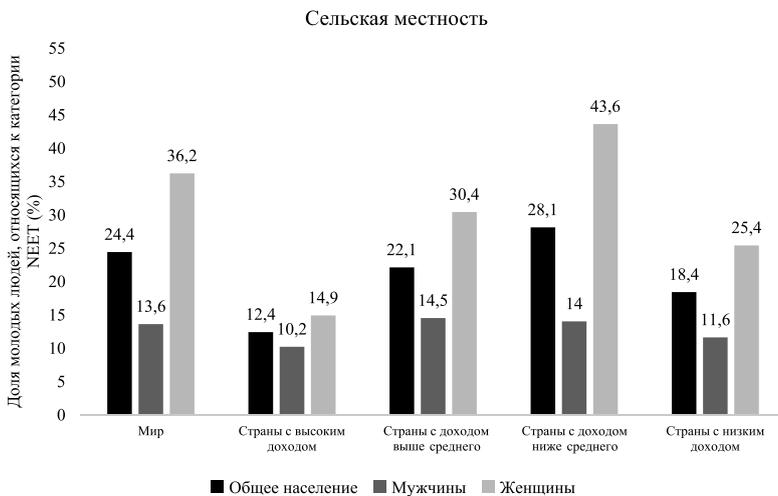

Рис. 29. Показатели NEET в разбивке по полу и группам стран с доходом, сельские и городские районы (2019)

Источник: ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>), смоделированные оценки MOT (ноябрь 2020 г.).

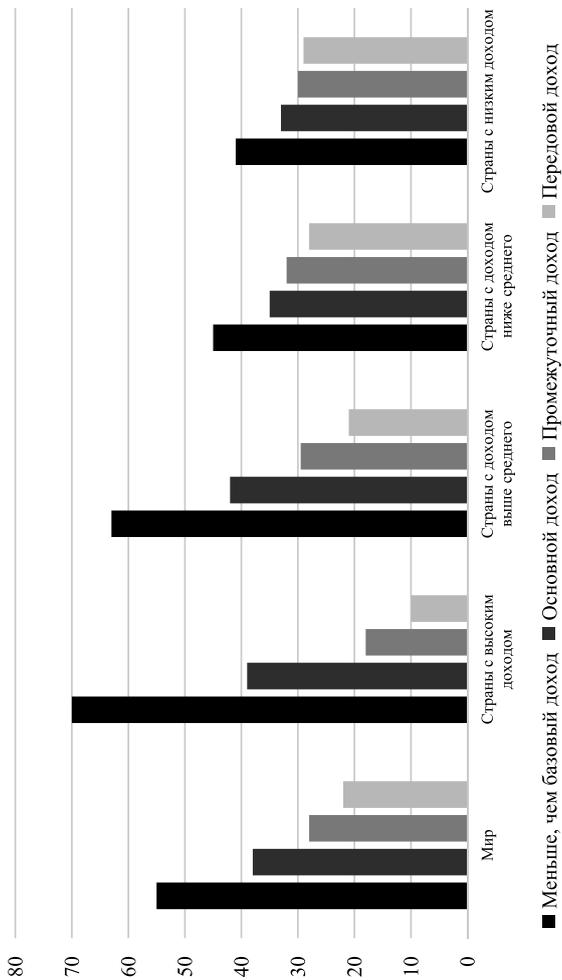

Рис. 30. Показатели NEET в разбивке по группам стран с разным доходом и уровнем образования, молодые люди в возрасте 25–29 лет (2021) (%)

Источник: расчеты авторов, основанные на микроданных ILOSTAT (URL: <https://ilostat ilo.org>) из 151 страны с низким, средним и высоким уровнями дохода.

Примечание: невзвешенные средние значения, основанные на данных по странам, по которым имеются данные. Указана возрастная группа от 25 до 29 лет, чтобы избежать обманчивого впечатления, которое могло бы возникнуть при использовании возрастных групп, в которых уровень участия в образовании (потенциально) является значительным.

Вызывает обеспокоенность тот факт, что почти у 30 % молодых людей (в возрасте 25–29 лет), то есть почти у каждого третьего, в странах как с низким уровнем дохода, так и с доходом ниже среднего отмечается третичный (продвинутый) уровень образования¹. В нынешнем виде уровень образования не является панацеей от попадания в категорию NEET.

Как и безработица среди молодежи, статус NEET является устойчивым для отдельных людей. Простой, хотя и несовершенный способ показать это — сопоставить показатели NEET для лиц в возрасте от 15 до 24 лет в конкретных странах с показателями NEET для лиц в возрасте от 25 до 34 лет десять лет спустя (рис. 31).

У молодых женщин эти соотношения более связанные, чем у молодых мужчин. Показатели NEET выше у молодых женщин, чем у молодых мужчин, и намного выше в некоторых странах и регионах; кроме того, статус NEET в большей степени постоянен для молодых женщин, чем для молодых мужчин. Более того, вероятность воспроизводства статуса NEET из поколения в поколение подразумевает, что отсутствие эффективной поддержки потребностей в настоящее время может привести к увеличению затрат на решение более масштабной проблемы в будущем².

Этот вывод также подтверждается исследованиями индивидуальных долгосрочных результатов, проведенных в основном в странах с высоким уровнем дохода. В 2015 году правительство Шотландии

¹ При сравнении показателей NEET на разных уровнях образования основное внимание уделяется возрастной группе чуть старше 25–29 лет. Это позволяет избежать ошибок при изучении NEET (или безработицы), показателей по уровню образования для лиц в возрасте от 15 до 24 лет, поскольку они подвержены различиям, не связанным с уровнем образования. Например, лица в возрасте от 15 до 24 лет, имеющие высшее образование, будут в среднем систематически старше, чем лица с базовым или средним образованием. Такого рода проблемы, наряду с неслучайным отбором на более высокие уровни образования, также способствуют распространенному заблуждению, согласно которому безработица среди образованной молодежи является основной проблемой молодежного рынка труда в странах с низким и средним уровнями дохода. См., например: *O'Higgins N. Youth Unemployment and Employment Policy in Global Perspective*. P. 33–36.

² Существует множество свидетельств передачи статуса безработного от поколения к поколению (*O'Neill D., Sweetman O. Intergenerational Mobility in Britain: Evidence from Unemployment Patterns // Oxford Bulletin of Economics and Statistics*. 1998. Vol. 60, № 4. P. 431–447. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0084.00108>) и, в более общем плане, ее негативного воздействия на поколения (*Magruder J. R. Intergenerational Networks, Unemployment, and Persistent Inequality in South Africa // American Economic Journal: Applied Economics*. 2010. Vol. 2, № 1. P. 62–85. URL: <https://www.jstor.org/stable/25760193>); существующие свидетельства также указывают на более широкую передачу статуса безработного от поколения к поколению.

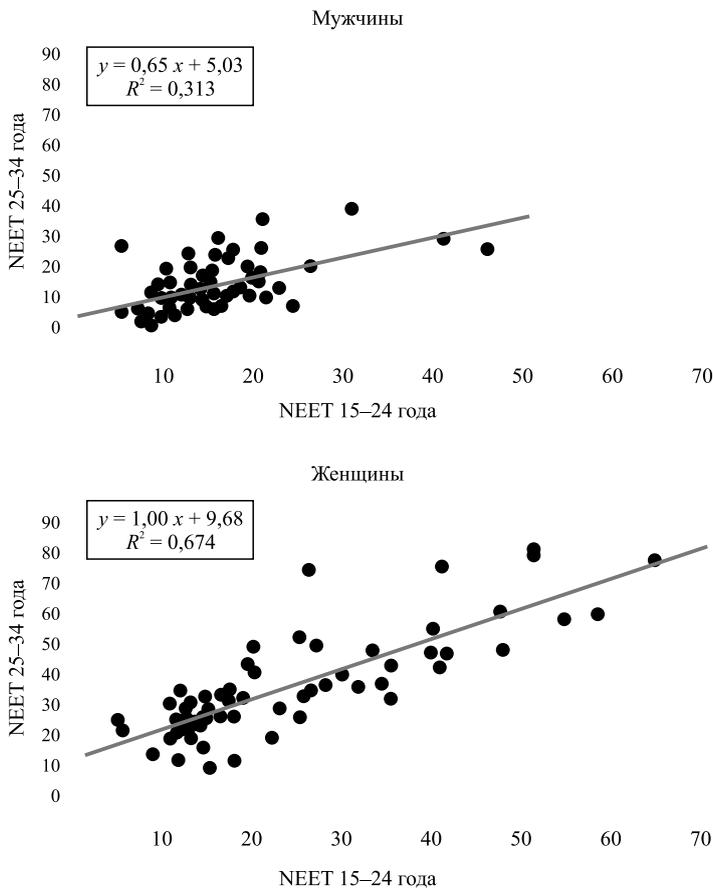

Рис. 31. Молодые люди в возрасте от 15 до 24 лет по сравнению с количеством молодых людей в возрасте от 25 до 34 лет (десять лет спустя), мужчин и женщин (%)

Источник: O'Higgins N. Young People Not in Employment, Education or Training // ILO/SIDA Technical Brief. 2019. № 3. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/-ed_emp/documents/publication/wcms_735164.pdf; расчеты авторов, основанные на микроданных ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>).

Примечание: на рис. 31 представлены показатели НЕЕТ среди молодежи в возрасте от 15 до 24 лет в 64 странах с низким и высоким уровнями дохода в середине 2000-х годов и показатели НЕЕТ среди молодежи в возрасте от 25 до 34 лет в тех же странах десять лет спустя (в середине 2010-х гг.).

(Великобритания) установило, что молодые люди переживают вероятность того, что NEET станут безработными или экономически неактивными десять лет спустя, в 2,8 раза выше, чем лица, не являющиеся таковыми¹. Даже после того как они найдут работу, у NEET в 2,5 раза больше шансов через десять лет получить профессию с низким общественным статусом, чем у лиц, не являющихся таковыми. Кроме того, риски для здоровья в группе NEET были в 1,6–2,5 раза выше, чем у групп, не относящихся к NEET. Эти группы также отличаются разными последствиями для здоровья. Мало и другие авторы² подчитали, что в Италии наличие NEET увеличивает вероятность того, что через четыре года они снова станут NEET, на 10–25 %, в Португалии и Испании — на 22–40%. Цифры говорят в пользу модели раннего вмешательства, которую ЕС стремится внедрить в рамках программы «Молодежная гарантия». Исследования также подчеркивают долгосрочные издержки бездействия, что подтверждает проведенный MOT анализ воздействия пандемии COVID-19 на молодежный рынок труда³.

Характеристики молодых людей, относящихся к NEET, довольно разнообразны. Важность конкретных подкатегорий NEET сильно варьирует в зависимости от страны, а также от индивидуальных параметров (пол, уровень дохода в стране и образование). Политические меры должны учитывать весь комплекс проблем, с которыми могут сталкиваться молодые люди. В первую очередь следует провести различие между молодыми безработными в рамках категории NEET (далее — NEET-безработные) и молодыми людьми, которые находятся за пределами рынка труда (далее — неактивные). К числу последних относятся молодые люди, которые не работают и не получают образования, но и не ищут активно работу. В странах с высоким уровнем дохода относящиеся к категории NEET, как правило, примерно поровну распределяются между безработными и неактивными⁴. Однако в странах с низким и средним уровнями до-

¹ Consequences, Risk Factors, and Geography of Young People not in Education, Employment or Training (NEET): Research Findings // Scottish Government : [сайт]. 2015. URL: <https://www.gov.scot/publications/consequences-risk-factors-geography-young-people-education-employment-training-neet-research-findings/>.

² Being a NEET Before and After the Great Recession: Persistence by Gender in Southern Europe / M. Malo, C. Mussida, B. Cueto, M. Baussola // Socioeconomic Review. 2021. Vol. 21, № 1. P. 319–339. URL: <https://academic.oup.com/ser/advance-article/doi/10.1093/ser/mwab043/6349217>.

³ An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis...

⁴ Хотя в 27 странах ЕС, где «Молодежная гарантия» действует с 2014 года, доля безработных из числа NEET за последнее десятилетие заметно снизилась, что отража-

хода гораздо больше молодых людей, зарегистрированных как неактивные, чем безработных. В этих странах в категории NEET преобладают женщины.

Еврофонд предлагает более детальное разделение на группы лиц, относящихся к категории NEET. В частности, выделяются три категории безработных, которые существенно различаются по продолжительности безработицы¹. В странах с низким и средним уровнями дохода продолжительность безработицы вариативна².

Для целей настоящего исследования разделим представителей категории NEET на две группы — в зависимости от того, насколько активно они ищут работу. Мы выделяем лиц, не ищущих работу по причинам: 1) связанным с рынком труда, в первую очередь разочарованных, которые отказались от поиска работы из-за отсутствия свободных рабочих мест³; 2) не связанным с рынком труда, прежде всего молодых женщин, выполняющих домашние обязанности и (или) занятых уходом за больными родственниками.

Другими словами, мы проводим различие между молодыми, новичками, которые ограничены отсутствием доступной работы, и теми, кто сталкивается с другими ограничениями в силу личных обстоятельств. Широкая трехсторонняя классификация применяется к 98 странам с использованием последних (с 2018 г.) данных, агрегированных по доходам стран и регионов соответственно (рис. 32). Даже на этом уровне агрегирования географических групп и подгрупп NEET выявляются четкие закономерности, которые позволяют сделать выводы из предыдущих наблюдений.

Преобладание молодых женщин отражено на рис. 32. Можно также отметить, что на этом уровне агрегирования (по странам, группам по уровню дохода) безработными NEET чаще становятся молодые мужчины, чем женщины. Обратная ситуация наблюдается, когда речь идет о неактивных представителях NEET. Эта гендерная модель, как правило, повторяется на национальном уровне. В Индии, где в 2019 году уровень неактивности среди женщин

ет как успех «Молодежной гарантии» в снижении уровня безработицы среди молодежи, так и отсутствие успеха в снижении уровня бездеятельности (исключая образование) среди молодежи.

¹ Exploring the Diversity of NEETs. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2016 // Eurofound. 2016. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1602en.pdf.

² O'Higgins N. Young People Not in Employment, Education or Training. Op. cit.

³ Там, где применяется 19-й стандарт ICLS, например в Руанде, в эту группу также входят лица, работающие по найму.

в четыре раза превышал уровень неактивности среди мужчин, это различие между неактивными и безработными по признаку пола особенно заметно. Более того, большинство бедных людей в Индии вообще не относятся к рабочей силе, и здесь явно преобладают молодые женщины. И наоборот, среди безработных в категории NEET, которые происходят из более обеспеченных семей, преобладают молодые мужчины¹.

Число молодых женщин, уволенных по причинам, непосредственно не вытекающим из состояния рынка труда, намного превышает соответствующее количество молодых мужчин. Как уже отмечалось, это может быть связано с неравенством между молодыми женщинами и мужчинами по такому параметру, как вовлеченность в работу по уходу за родственниками. Например, в Таиланде 74 % молодых женщин, отнесенных к категории неактивных и не получающих образования, заняты в домашнем хозяйстве. В то же время мужчины, скорее всего, не смогут найти работу из-за того, что они болеют (22 %) или делают перерыв в работе или учебе (32,1 %)². Это справедливо для стран с любым уровнем экономического развития, хотя в государствах с низким и средним уровнями дохода наблюдаются большие разрывы. Кроме того, во многих странах молодые женщины имеют меньше шансов найти работу по сравнению с мужчинами в силу причин, обусловленных особенностями рынка труда. Гендерные различия здесь гораздо скромнее.

Также важно понимать, что некоторые слои молодежи с большей вероятностью могут быть отнесены к категории NEET вследствие их специфических характеристик. Молодые люди с ограниченными возможностями здоровья, как правило, имеют статус NEET, хотя данные об этом несколько разрозненны. Например, в Эфиопии молодые женщины и мужчины с ограниченными возможностями здоровья имеют примерно одинаковый показатель NEET, который почти в два раза превышает значение показателя для молодых женщин, не имеющих инвалидности (27,7%). Аналогичные тенденции среди молодых людей с ограниченными возможностями здоровья были отмечены в Сенегале. Там 84,1 % молодых женщин и 72,1 % молодых мужчин с ограниченными воз-

¹ *Majid N.* Young Persons Not in Employment and Education (NEET) in India: 2000–2019 // ILO Research Brief. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---sro-new_delhi/documents/publication/wcms_789243.pdf.

² *A Gender-Responsive Employment Recovery: Building Back Fairer* // ILO Policy Brief. 2020. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_751785.pdf.

возможностями относятся к NEET по сравнению с 48,1 и 21,3 % молодых женщин и мужчин, не имеющих инвалидности. Здесь важную роль играют общая недоступность рынка труда для инвалидов, а также недостатки системы образования в сочетании с низким спросом на рынке труда.

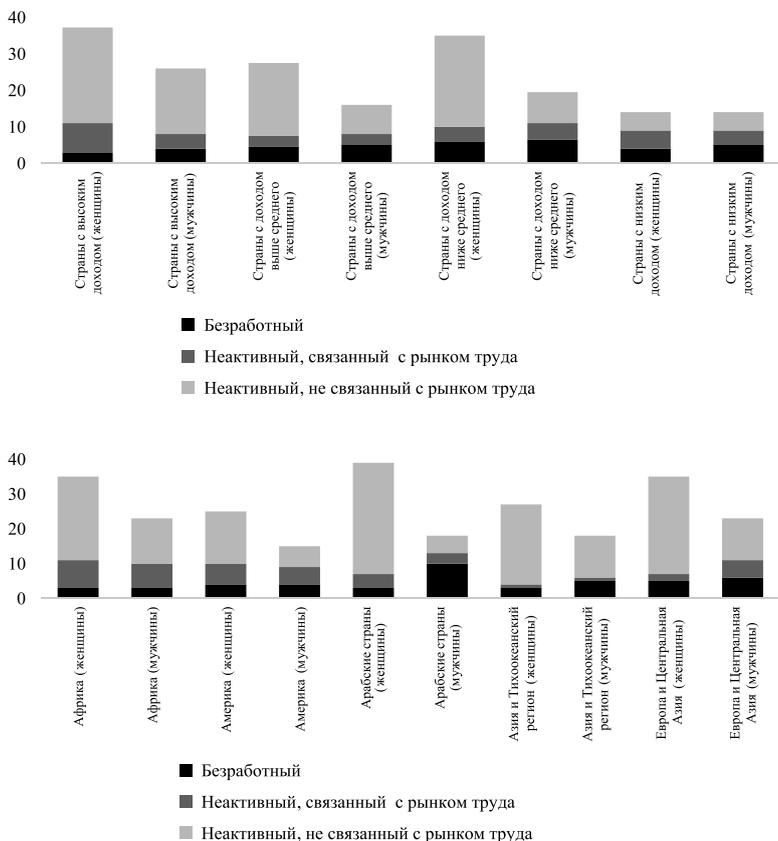

Рис. 32. Причины, по которым молодежь относится к NEET, по регионам и группам стран по уровню дохода за 2022 год (%)

Источник: расчеты автора на основе микроданных ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>) за 2022 год.

Примечание: обобщенные данные, взвешенные по численности населения, за 2022 год для 98 стран, по которым доступны микроданные.

Ключевые моменты, имеющие отношение к политике. Существует множество факторов, влияние которых ставит молодых людей в бедственное положение. Все они должны учитываться при принятии политических решений. Переход от концентрации исключительно на безработице к более широкой интерпретации NEET как основы для политических решений имеет ряд важных последствий. Ориентация политики молодежной занятости на сокращение безработицы среди молодежи в странах, не имеющих развитых систем социальной защиты, может привести к негативным результатам. Например, существует опасность, что усилия будут сосредоточены на молодых людях из более благополучных семей, которые могут позволить себе оставаться безработными во время поиска подходящей работы довольно длительное время, так как их может поддержать семья. Однако расширение сферы охвата мерами социальной политики позволяет учесть всех молодых людей, которые относятся к категории NEET, а не только тех, кто не работает, но активно ищет работу (и может позволить себе тратить на это достаточно времени). Ситуация осложняется неоднородностью причин, по которым отдельные представители молодежи могут быть отнесены к категории NEET.

Несмотря на существенные различия между странами, можно выделить ряд общих закономерностей, подтверждаемых эмпирическими исследованиями:

- численность лиц, относящихся к категории NEET, как правило, снижается по мере увеличения среднедушевого дохода страны;
- численность лиц, относящихся к NEET, выше, а гендерный разрыв больше в сельской местности по сравнению с городскими районами;
- численность лиц, относящихся к NEET, значительно выше у молодых людей с ограниченными возможностями здоровья по сравнению с их сверстниками, не являющимися инвалидами;
- численность лиц, относящихся к NEET, как правило, снижается при повышении уровня образования.

Обозначенные закономерности еще раз подчеркивают важность государственной политики, направленной на сокращение числа лиц, относящихся к категории NEET.

5.2. ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА, НАПРАВЛЕННАЯ НА СНИЖЕНИЕ ЧИСЛЕННОСТИ ЛИЦ, ОТНОСЯЩИХСЯ К КАТЕГОРИИ NEET

Смещение акцента политики с безработицы среди молодежи на NEET с целью поощрения достойной работы среди молодежи расширяет сферу применения возможных мер. Снижение уровня NEET может быть достигнуто за счет как увеличения числа лиц, принимающих участие в трудовой деятельности, так и расширения участия в системе образования и профессиональной подготовки. Кроме того, существует множество факторов, влияющих на статус NEET. Большинство молодых NEET — это женщины, многие из которых ограничены на рынке труда из-за своих обязанностей по уходу за детьми и других¹. Эти препятствия для участия на рынке труда, в свою очередь, зависят от сложного взаимодействия между экономическими факторами, социальными нормами и услугами по уходу. Следовательно, политические меры должны включать действия, направленные на устранение экономических и социальных препятствий для участия женщин на рынке труда. Также показатели NEET выше среди групп населения, сталкивающихся с дополнительными препятствиями на рынке труда, например людей с ограниченными возможностями здоровья. Поэтому политика должна быть направлена на решение проблем, связанных с неэффективностью рынка труда, то есть на устранение ограничений, которые фактически исключают значительные слои населения из числа рабочей силы. Принятие NEET в качестве критерия для оценки прогресса на молодежных рынках труда имеет серьезные последствия, не все из которых еще осознаны.

В целом характеристики категории NEET требуют, чтобы политика по сокращению ее численности была частью комплексной стратегии, предусматривающей скоординированные действия по многим направлениям. Большое разнообразие типов и детерминант NEET требует разработки стратегий, адаптированных к условиям конкретной страны. Здесь мы обобщим основные результаты исследований, чтобы определить потенциальные направления действий, а также программы, которые могут быть эффективными в конкретных обстоятельствах.

Роль политики, ориентированной на спрос, в расширении возможностей трудоустройства молодежи. Как уже отмечалось,

¹ *Majid N.* Op. cit. ; Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work... ; Care at Work: Investing in Care Leave and Services for a More Gender Equal World of Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_838653.pdf.

показатели NEET, наряду с другими показателями рынка труда среди молодежи, в значительной степени зависят от бизнес-цикла и в целом от уровня экономического развития. Стратегия сокращения NEET должна основываться на рациональном управлении спросом и стратегии экономического развития наряду с другими мерами. Учитывая, что численность NEET, а также разрыв между численностью NEET среди женщин и мужчин, как правило, сокращаются по мере роста экономики, прежде всего необходимо выработать общую стратегию экономического развития. Структура факторов экономического роста, безусловно, важна. Последние оценки МОТ, выходящие за рамки традиционной отраслевой структуры экономической деятельности, указывают, что особое внимание следует уделять конкретным стратегиям, основанным на инвестициях в «зеленую», цифровую, креативную экономику, поскольку такие инвестиции могут внести значительный вклад в процесс содействия занятости молодежи и снижение уровня NEET¹.

В последние годы появилось много исследований о влиянии налогово-бюджетной политики на занятость, а события, связанные с пандемией COVID-19, подтвердили позитивную роль антициклической экономической политики в контексте смягчения последствий сокращения совокупного спроса. Что касается конкретных результатов на рынке труда для молодежи, то Эбелл и О'Хиггинс² в своем исследовании стран с высоким уровнем дохода показали, что антициклическая налогово-бюджетная политика: а) более эффективна в содействии занятости молодежи, чем занятости взрослого населения; б) оказывает более значительное антициклическое воздействие во время рецессий, чем в периоды подъема³.

¹ Global Employment Trends for Youth 2022...

² *Ebell M., O'Higgins N. Fiscal Policy and the Youth Labour Market // ILO Employment Working Paper. 2016. № 200. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_466541.pdf.*

³ Безусловно, большая часть фактических данных по этому вопросу поступает из стран с высоким уровнем дохода; однако в некоторых работах подробно рассматриваются различия, возникающие в контексте стран с низким и средним уровнями дохода, особенно в том, что касается экономических последствий пандемии COVID-19 и мер реагирования на нее. Например, о детерминантах воздействия COVID-19 на молодежь в сравнении с занятостью взрослого населения в странах с высоким и невысоким уровнями дохода см.: *O'Higgins N., Ebell M., Junankar R. Macroeconomic and Sectoral Issues in Youth Employment Policy // Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues / ed. by N. O'Higgins. ILO, 2017. P. 13–29. URL: https://www.researchgate.net/publication/348936565_Macroeconomic_and_sectoral_issues_in_youth_employment_policy.*

Более того, последствия стимулирующей бюджетной политики зависят от экономических циклов и состояния государственных финансов. Лучшее время для принятия стимулирующей политики — это ситуация, когда имеет место избыток государственного бюджета, а экономика находится в состоянии рецессии. В таких условиях стимулирующая налогово-бюджетная политика связана со значительным снижением уровня безработицы среди молодежи (в том числе долгосрочной) и соответствующим увеличением занятости молодежи¹.

Существует множество свидетельств, касающихся фискальных мультипликаторов². Пандемия COVID-19 и принятые впоследствии ответные меры подчеркнули важность быстрых существенных мер бюджетной экспансии — в данном случае главным образом за счет создания рабочих мест и принятия мер социальной поддержки, особенно в странах с высоким уровнем дохода³. Относительно быстрое восстановление экономики в этих государствах демонстрирует значимость таких дополнительных мер.

Кроме того, также имеет значение структура расходов. Меры, направленные на сохранение рабочих мест и заработной платы действующих работников, как правило, в меньшей степени благоприятствуют молодым участникам рынка труда. Молодые работники также с меньшей вероятностью могли претендовать на поддержку из-за нехватки времени на работе или отсутствия работы вообще. Более того, молодые люди составляют большую долю среди лиц, ищущих работу и, таким образом, страдают от отсутствия новых возможностей трудоустройства, что усугубляется особым вниманием к уже работающим⁴. Они также сталкивались с проблемами при получении образования и профессиональной подготовке.

¹ *O'Higgins N., Ebell M., Junankar R.* Op. cit.

² *Blanchard O., Leigh D.* Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers // *American Economic Review*. 2013. Vol. 103, № 3. P. 117–120. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/aer.103.3.117> ; *Auerbach A., Gorodnichenko Y.* Measuring the Output Responses to Fiscal Policy // *American Economic Journal: Economic Policy*. 2012. Vol. 4, № 2. P. 1–27. URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/pol.4.2.1>.

³ ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Eighth edition // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_824092.pdf.

⁴ An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis... ; Global Employment Trends for Youth 2022... ; *Barford A., Coutts A., Sahai G.* Youth Employment in Times of COVID: A Global Review of COVID-19 Policy Responses to Tackle (Un) Employment and Disadvantage Among Young People // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/empolicy/pubs/WCMS_823751/lang-en/index.htm.

стран Европейского союза связан с введением в 2014 году программы «Молодежная гарантия» после мирового кризиса. Программа была обновлена и возобновлена в июле 2020 года в разгар экономического кризиса, вызванного пандемией.

Программа «Молодежная гарантия», реализованная в 2014 году во всех странах ЕС, позволила им добиться того, чтобы «все молодые люди в возрасте до 25 лет получали качественное предложение о трудоустройстве, продолжении образования, обучении или стажировке в течение четырех месяцев после того, как они стали безработными или закончили формальное образование»¹. Программа призвана обеспечить политическую основу для решения проблем, с которыми сталкиваются молодые люди при поступлении на работу. В период COVID-19 программа была расширена до возраста 29 лет². Программа направлена на то, чтобы молодые люди, относящиеся к категории NEET, получали помощь до того, как длительный период отсутствия на рынке труда снизит их шансы найти работу. Акцент в программе «Молодежная гарантия» для относящихся к категории NEET сделан на то, чтобы охватить наиболее отчаявшиеся найти работу слои молодежи.

В рамках «Молодежной гарантии» государства — члены ЕС обязуются предоставлять молодым людям (первоначально в возрасте от 15 до 24 лет, затем и до 29 лет) возможность вернуться к образованию, профессиональной подготовке, обучению на рабочем месте или трудоустройству в течение четырех месяцев после прекращения обучения или трудоустройства. Эта гарантия обходится дорого, и часто ее сложно реализовать. Более того, учитывая масштабы и охват программы, оценить ее воздействие с использованием стандартных методов непросто. Тем не менее данные убедительно свидетельствуют, что программа «Молодежная гарантия» была эффективной в плане снижения численности NEET во многих европейских странах. После введения программы показатель NEET среди людей в возрасте от 15 до 24 лет в странах ЕС в целом упал с 13,3 % в 2013 году до 10,5 % в 2019-м. Показатели NEET в 27 странах ЕС выросли до

ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---ubl/documents/publication/wcms_556949.pdf.

¹ Council Recommendation of 22 April 2013 on Establishing a Youth Guarantee (2013/c 120/01).

² Council Recommendation of 30 October 2020 on A Bridge to Jobs — Reinforcing the Youth Guarantee and Replacing the Council Recommendation of April 2013 on Establishing a Youth Guarantee (220/c 372/01).

11,3 % в 2020 году (в период пандемии), затем немного снизились до 11,1 % в 2021-м¹.

Однако этот результат достигнут за счет сокращения числа молодых людей, не имеющих работы по программе NEET, а показатели неактивной группы NEET практически не изменились. Это отражает аналогичную тенденцию после введения программы «Молодежная гарантия», когда снижение показателей NEET с 2013 по 2019 год можно было бы объяснить тем фактом, что доля безработных в рамках NEET сократилась с 6,9 % от общей численности населения в возрасте от 15 до 24 — от 4,8 %, в то время как значения показателей по неактивной группе практически не изменились. С началом пандемии ситуация для неактивной молодежи ухудшилась. Доля молодых неактивных жителей Нью-Йорка составила 6,0 % в 2019 году, увеличилась до 6,8 % в 2020-м, а затем незначительно снизилась до 6,7 % в 2021-м. Это контрастирует с безработной молодежью NEET, доля которой в общей численности населения увеличилась минимально — с 4,1 до 4,3 % — в период с 2019 по 2020 год, а затем, к 2021 году, снизилась до уровня, существовавшего до пандемии, — до 4,1 %. Это отражает более общую тенденцию, наблюдаемую во многих странах мира, когда молодые люди переходят к бездействию, а не к безработице после шока, вызванного пандемией COVID-19². Также подчеркиваются трудности, с которыми сталкиваются страны ЕС при сокращении доли неактивных лиц в рамках NEET.

За пределами относительно благополучной группы стран с высоким уровнем дохода неактивные молодые люди — прежде всего молодые женщины — составляют подавляющее большинство тех, кто не имеет работы, образования или профессиональной подготовки. В странах с низким уровнем дохода значение этого показателя примерно в два раза больше, чем в странах с высоким уровнем дохода. Вероятно, что в странах с низким и средним уровнями дохода также может быть достигнут значительный прогресс в сокращении численности лиц, принадлежащих к NEET.

Комплексные программы, предусматривающие множество индивидуальных мероприятий, не новы. Они уже давно применяются в странах ОЭСР. В США программа Job Corps включает множество

¹ ILOSTAT (URL: <https://ilostat.ilo.org>), смоделированные MOT оценки (ноябрь 2022 г.). Действительно, согласно последним данным, уровень NEET среди 15–24-летних в ЕС снизился до 9,7 %, что почти на 1 процентный пункт ниже показателя 2019 года.

² An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis...

мероприятий для молодых людей, находящихся в сложной ситуации, и настолько успешна, что продолжает действовать с 1964 года. Программа *Vision Plan* в Республике Корея служит примером многоуровневой программы, непосредственно направленной на снижение уровня NEET среди молодых людей, находящихся в неблагополучной ситуации и живущих в семьях с низкими доходами. Этот пилотный проект, в котором в течение трех лет приняли участие 1780 молодых людей, преследовал конкретные цели. Первая заключалась в том, чтобы не допустить перехода подростков в возрасте от 14 до 19 лет в NEET, а вторая — чтобы улучшить положение молодежи на рынке труда в возрасте от 20 до 24 лет¹. Программа была развернута на трех уровнях с целью предоставления такой комплексной и многогранной поддержки, которая в идеале могла бы одновременно решать разнообразные и пересекающиеся задачи, стоящие перед отдельными группами молодых людей. На индивидуальном уровне было организовано профессиональное и просветительское обучение, а также эмоциональная и психологическая поддержка. На семейном уровне — курсы по воспитанию детей, финансовая поддержка и социальная вовлеченность. И, наконец, на уровне общин осуществлялась институциональная координация между государством, школами и колледжами, что обусловило укрепление партнерских отношений и совместной деятельности. Последствия включали увеличение на 8,3 % числа желающих найти работу и снижение на 6,6 % вероятности стать безработными².

Подобные мероприятия проводятся не только в странах с высоким уровнем дохода. В Латинской Америке программы *Joven*, ориентированные на молодежь, находящуюся в неблагоприятной ситуации, впервые были внедрены в Чили в 1991 году³. Такие программы достигли значительных успехов в контексте повышения вероятности трудоустройства участников после окончания программы и повышения качества полученной работы⁴. Модель *Joven* стала редким при-

¹ Youth Not in Employment, Education or Training in Asia and the Pacific: Trends and Policy Considerations // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2022. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/documents/publication/wcms_860568.pdf.

² *Ibid.* P. 23.

³ Конечно, за это время ряд латиноамериканских стран — не в последнюю очередь Чили — присоединился к клубу стран с высоким уровнем дохода; однако этого не было, когда программа *Chile Joven* была представлена впервые.

⁴ *Ibarrarán P., Rosas-Shady D.* Evaluating the Impact of Job Training Programmes in Latin America: Evidence from IDB funded operations // Journal of Development Effectiveness. 2009. Vol. 1, № 2. P. 195–216. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10>.

мером ее успешной реализации за пределами США и стран Европы, где в 1990-х годах уже предпринимались серьезные попытки реализации подобных программ.

При этом программа «Молодежная гарантия» более масштабна, чем Joven: она ориентирована на всех молодых людей, а не только на безработных и включает широкий спектр возможностей¹. Ее положительной стороной, как уже отмечалось, является снижение числа молодежи среди NEET. Однако после перезапуска в 2020 году программа привела к сокращению безработицы, но не для тех, кто не был занят ни на рынке труда, ни в сфере образования или профессиональной подготовки. Гендерный разрыв внутри NEET за тот же период увеличился.

Трудно оценить воздействие программы на численность лиц, относящихся к NEET, так как ее масштабы очень велики. Когда вмешательство является значительным и может оказать существенное влияние на опыт молодых людей (и не только) на рынке труда, не всегда ясно, как определить целевую группу.

Например, О'Хиггинс и Пика² использовали подход «разница в разнице» с применением модели разрыва регрессии на основе возраста для определения влияния на трудоустройство молодежи программы «Молодежная гарантия» в Италии³. Возможно, более важно то, что такая масштабная программа неизбежно обуславливает мультипликативный эффект, который обычно не учитывается при проведении мониторинга или реализации проектов по оценке воздействия программы на занятость молодежи. Действительно, для таких про-

1080/19439340902918094?journalCode=tjde20 ; *González-Velosa C., Ripani L., Rosas-Shady D.* How Can Job Opportunities for Young People in Latin America be Improved? // Inter-American Development Bank: Labor Markets and Social Security Unit (SCL/LMK) Technical Notes. 2012. № IDB-TN-345. URL: <https://publications.iadb.org/en/how-can-job-opportunities-young-people-latin-america-be-improved>.

¹ Gender and Youth Employment in CIS Countries. ILO Decent Work Technical Support Team and Country Office for Eastern Europe and Central Asia — Employment Country Reports Series // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2020. URL: <https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms764206.pdf>.

² *O'Higgins N., Pica G.* Complementarities Between Labour Market Institutions and Their Causal Impact on Youth Labour Market Outcomes // *Journal of Economic Analysis and Policy*. 2020. Vol. 20, № 3. P. 1–37. URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/bejeap-2018-0165/html?lang=en>.

³ Однако данная статья посвящена в первую очередь не влиянию гарантий для молодежи, а скорее направлена на тщательное теоретическое и эмпирическое изучение взаимодополняемости политики и институтов на рынке труда — в данном случае взаимосвязи между политикой занятости и реформами законодательства о защите занятости в Италии.

грамм, как «Молодежная гарантия», также важно учитывать более широкий эффект на макроэкономическом уровне¹.

Иногда предпринимались попытки оценить влияние ALMP (активной политики на рынке труда), используя агрегированный подход. Например, Еврофонд² применяет данные по странам для анализа воздействия активной политики на рынке труда (ALMP) на NEET. Проведенный анализ показывает, что расходы стран на ALMP играют существенную роль в снижении численности NEET³.

Активная политика на рынке труда (ALMP): особенности реализации. Одна из сфер, которой с 2000 года уделяется много внимания, — конкретные особенности разработки программ для молодежи в области трудоустройства. В последние годы анализ результатов также затрагивает благополучие молодежи⁴. Большое количество

¹ Это также является недостатком такого рода оценки воздействия применительно к государственным программам занятости (или программам общественных работ, как их иногда называют). В данном случае это особенно важно, поскольку такие программы часто преследуют в числе своих основных целей поддержку доходов и строительство инфраструктуры, а не просто содействие развитию экономики и перспективам трудоустройства участников после окончания программы.

² NEETs — Young People not in Employment, Education or Training: Characteristics, Costs and Policy Responses in Europe. Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2012 // Eurofound : [сайт]. 2012. URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf.

³ Другим важным и устойчивым институциональным фактором, определяющим показатели NEET, было наличие систем дуального профессионального образования. В литературе часто отмечается, что оно играет значительную роль в снижении безработицы среди молодежи в целом и NEET в частности (см.: *O'Higgins N. Institutions and Youth Labour Markets in Europe During the Crisis // Economic Policy and the Financial Crisis / eds P. Tridico, L. Mamica. Abingdon : Routledge, 2014. P. 90–114. URL: <https://www.routledge.com/Economic-Policy-and-the-Financial-Crisis/Mamica-Tridico/p/book/9780415787222>; *Idem. The Impact of the Economic and Financial Crisis on Youth Employment: Measures for Labour Market Recovery in the European Union, Canada and the United States // ILO Employment Working Paper. 2011. № 70. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_154365.pdf*).*

⁴ В последние годы были проведены многочисленные оценки воздействия с использованием более точных методов. Это позволило применять методы метаанализа как в отношении ALMPS в целом, так и более конкретно в отношении молодежи. Работа Бетчермана (*A Review of Interventions to Support Young Workers: Findings of the Youth Employment Inventory / G. Betcherman [et al.] // World Bank Social Protection Discussion Paper. 2007. № 0715. URL: https://www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/2007_Intervention_Support_Workers_eng.pdf*) — ранний пример применения. Среди прочего стоит выделить исследование о влиянии на молодежь: *Do Youth Employment Programs Improve Labor Market Outcomes? A Quantitative Review / J. Kluge [et al.] // World Development. 2019. № 114. P. 237–253. URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X18303905>*. Существует также много общих метаанализов, посвященных влиянию ALMP.

и разнообразие оценок вмешательства также позволило провести анализ результатов, в итоге был сделан ряд важных для политики выводов:

— программы обучения неизменно признаются наиболее эффективным видом вмешательства;

— субсидии на заработную плату также эффективны, особенно когда опыт работы сочетается с обучением без отрыва от производства, — субсидируемая занятость или изолированное обучение менее эффективны;

— наиболее эффективными являются многочисленные вмешательства, адаптированные к конкретным индивидуальным особенностям;

— в странах с низким и средним уровнями дохода программы samozанятости оказывают наибольшее влияние на результаты работы молодежи на рынке труда¹.

Еще один вывод заключается в том, что воздействие мероприятий существенно различается в разных странах и социально-экономических контекстах. Несколько исследований показало, что программы для молодежи более эффективны в странах с низким и средним уровнями дохода, чем в странах с высоким уровнем дохода². Более того, программы активной политики на рынке труда ALMP (в частности, программы обучения), как правило, лучше работают в периоды роста, чем спада. Во время экономического спада естественно нужно уделять больше внимания мерам, направленным на стимулирование спроса, для поддержки занятости, например, посредством программ субсидирования занятости молодежи.

Еще один важный вывод, вытекающий из исследований политики регулирования рынка труда на примере стран Латинской Америки, заключается в том, что меры социальной поддержки могут играть важную роль в содействии формализации занятости³, и это

¹ Do Youth Employment Programs Improve Labor Market Outcomes?..

² Ibid. ; A Review of Interventions to Support Young Workers: Findings of the Youth Employment Inventory...

³ What Works? Active Labour Market Policies in Latin America and the Caribbean. ILO Studies on Growth and Equity // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2016. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wems_492373.pdf; Active Labour Market Programmes in Latin America and the Caribbean: Evidence from a Meta Analysis / V. Escudero, J. Kluge, E. López Mourelo, C. Pignatti // Journal of Development Studies. 2019. Vol. 55, № 12. P. 2644–2661. URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/00220388.2018.1546843?needAccess=true&role=button>.

все больше подтверждается научными работами по оценке воздействия¹.

Несмотря на то что эти выводы полезны для выработки мероприятий, сосредоточение внимания только на перспективах трудоустройства отдельных участников рынка труда может ввести в заблуждение. Действительно, оценки воздействия на индивидуальном уровне дают информацию, позволяющую выработать более эффективные программы (какие конкретные конструктивные особенности могут быть относительно полезны, каким группам они, скорее всего, помогут и т. д.). Однако анализ отдельных результатов после завершения программы не предназначен для оценки макроэкономических последствий, которые могут возникнуть при реализации крупномасштабных программ.

Возможно, более уместно рассматривать крупномасштабную инициативу, предполагающую системные изменения, такую как «Молодежная гарантия», как рамочную программу по обеспечению занятости молодежи, а не как активную политику на рынке труда. Более того, разработка конкретных элементов в рамках крупномасштабных программ могла бы быть более системно интегрирована в широкие макроэкономические и секторальные стратегии развития. Это требует расширенного взгляда на роль политики в области занятости молодежи, которая также учитывает потенциальные положительные последствия (как институциональные, так и экономические).

Устранение барьеров для конкретных групп населения. Один из значимых параметров, характеризующий принадлежащих к NEET людей, особенно в странах с низким и средним уровнями дохода, — доход молодых женщин. Это обстоятельство также отражается в уменьшении соотношения занятых и общей численности населения и снижении доли рабочей силы в общей численности населения во всем мире². Молодые женщины оказываются безработными по разным причинам: неравномерное распределение семейных обязанностей между женщинами и мужчинами³; влияние местных социальных норм на характер участия молодых женщин на рынке труда;

¹ *O'Higgins N.* Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2017. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---ubl/documents/publication/wcms_556949.pdf ; Council Recommendation of 22 April 2013 on Establishing a Youth Guarantee (2013/c 120/01).

² Global Employment Trends for Youth 2022...

³ Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work...

стереотипы в отношении видов занятости, которые считаются подходящими только для женщин и мужчин.

В любом случае молодые женщины составляют подавляющее большинство лиц, принадлежащих к NEET, и любой эффективный подход к снижению уровня NEET должен это учитывать. По сути, это означает анализ барьеров, препятствующих участию женщин в образовании и трудоустройстве, а также количества и качества возможностей, доступных молодым женщинам в этих сферах. Разумеется, в разных странах и регионах они различаются. Действия по устранению или уменьшению барьеров, с которыми сталкиваются молодые женщины, могут принимать различные формы и осуществляться на разных уровнях¹.

Образование является ключевой областью, в которой проявляются гендерные различия. У девушек из бедных семей гораздо меньше шансов получить среднее образование, чем у мальчиков из бедных семей². Не менее важны изучаемые предметы. В частности, молодые мужчины, как правило, специализируются на предметах STEM (наука, технологии, инженерия и математика), в то время как молодые женщины — на предметах, не связанных со STEM. Карьера в области STEM более прибыльна, и поэтому, помимо влияния на шансы найти работу, это расхождение в раннем возрасте создает основу для долгосрочной сегрегации и неравенства возможностей на рынке труда, а также может повлиять на профессиональную и отраслевую гендерную сегрегацию, наблюдаемую во многих странах³.

Мероприятия, направленные на содействие трудоустройству молодых женщин и их возвращению на работу, могут быть эффективными. Конкретный характер мероприятий будет зависеть от местных условий, и там, где это возможно, государственные службы занятости могут оказать поддержку, составляя профиль молодежи и предлагая возможности трудоустройства за пределами их компетенции. В частности, можно обучать молодых женщин профессиям, в которых обычно доминируют мужчины. Еще одной широко применяемой мерой в странах с высоким, средним и низким уровнями дохода являются поддержка и поощрение молодых женщин-предпринимателей.

В Индии в 2019 году около половины (50,6 %) молодых женщин в сельской местности не посещали школу или не проходили профес-

¹ A Gender-Responsive Employment Recovery...

² GirlForce: Skills, Education and Training for Girls Now // UNICEF : [сайт]. URL: https://www.unicef.org/sites/default/files/2018-10/Unicef_DayoftheGirl_Brochure_R7.pdf.

³ Gender and Youth Employment in CIS Countries...

сиональную подготовку и не имели работу. Для сравнения: для молодых женщин и мужчин в городских районах доля NEET составляет 39,1 и 14,2 % соответственно. Среди молодых женщин, относящихся к NEET, почти все (96,4 %) были неактивны или не входили в состав рабочей силы, что в основном объясняется личными или семейными причинами (ранняя беременность, замужество и уход за больными). Рост аутсорсинга бизнес-процессов в контексте стремительных технологических изменений и реформ в Индии открывает возможности для сельских женщин на рынке труда, поскольку повышает спрос на образованных работниц.

Дженсен отобрал 160 деревень из списка сельских округов, расположенных в 50–150 км от Дели (в штатах Харьяна, Пенджаб, Раджастан и Уттар-Прадеш), население которых было слабо осведомлено об аутсорсинге бизнес-процессов и доступе к нему вследствие высоких затрат на подбор персонала. В каждой из 160 деревень в 2003 и 2006 годах было опрошено 20 домохозяйств (базовое и последующее обследования), в общей сложности 3200 домохозяйств. На начальном этапе анализ был сосредоточен на женщинах в возрасте 15–21 года.

Исследование показало, что расширение возможностей трудоустройства привело к улучшению его результатов, увеличению числа учащих и более позднему вступлению в брак и беременности среди молодых женщин. Женщины в возрасте 18–24 лет из деревень, в которых работает рекрутер, с большей вероятностью будут работать на аутсорсинге бизнес-процессов (на 4,6 процентных пункта выше) или вне дома (на 2,4 процентных пункта выше), чем молодые женщины из деревень, в которых нет рекрутера. Также возрос уровень желаний женщин работать до вступления в брак (на 13 процентных пунктов больше). У них больше шансов (на 5,5 процентных пункта) повысить квалификацию за счет посещения компьютерных курсов, курсов английского языка или школы. Кроме того, у них меньше шансов вступить в брак или родить ребенка в раннем возрасте, чем у молодых женщин в деревнях, где не работают рекрутеры¹.

В 2017 году в Астраханской области РФ был запущен пилотный проект под названием «Моя мама — предприниматель», ориентированный на женщин, которые ушли с рынка труда после родов или в связи с уходом за детьми. Проект предусматривает интенсивную программу обучения предпринимательству, материалы для открытия

¹ Youth Not in Employment, Education or Training in Asia and the Pacific...

бизнеса и наставническую поддержку со стороны профессиональных предпринимателей. Он также предлагает финансовую поддержку победителям ежегодного конкурса бизнес-проектов МОТ¹.

Еще одной областью является решение проблем, связанных с ролью молодых женщин в обеспечении ухода за родственниками. Меры могут включать комбинацию субсидируемых услуг по уходу или выплаты молодым женщинам, выполняющим обязанности по уходу, чтобы помочь им вернуться на рынок труда². Образование и уход за детьми также могут быть включены в эти проекты. В Армении матерям в возрасте до 30 лет выплачиваются стипендии для покрытия расходов на профессиональное обучение и одновременный уход за детьми в целях содействия возвращению на рынок труда³. Во всем мире уход за детьми остается довольно дефицитной услугой. В настоящее время только 21 страна из 178 предоставляет бесплатный доступ к услугам по уходу за детьми в возрасте от 0 до 2 лет, то есть эта услуга доступна лишь 8,9 % потенциальных родителей⁴. Отсутствие такой услуги может стать существенным препятствием для трудоустройства. Эта проблема обострилась во время пандемии COVID-19, когда закрытие школ и социальное дистанцирование препятствовали уходу за детьми⁵. Конечно, работа молодых женщин по уходу за детьми не ограничивается только этим, другие формы поддержки могли бы дополнять эти услуги.

Связанный с этим вопрос, который стал актуальным в контексте пандемии COVID-19, касается рабочего времени и местоположения. Например, создание стимулов для занятости на неполный рабочий день и (или) устранение сдерживающих факторов могут способствовать интеграции молодых женщин в состав рабочей силы. Недавнее исследование также показало, что молодые женщины, выполняющие обязанности по уходу за детьми, считают онлайн-работу особенно

¹ Gender and Youth Employment in CIS Countries...

² За многие годы накоплен обширный опыт, свидетельствующий о том, что субсидирование и (или) расширение доступа к услугам по уходу за детьми могут оказать существенное влияние на участие молодых матерей в процессах, происходящих на рынке труда. Недавний обзор результатов, полученных в странах с низким и средним уровнями дохода, см. в: Halim D., Perova E., Reynolds S. Childcare and Mothers' Labor Market Outcomes in Lower- and Middle-Income Countries // The World Bank Research Observer. 2023. Vol. 38, № 1. P. 73–114.

³ Gender and Youth Employment in CIS Countries...

⁴ Care at Work: Investing in Care Leave and Services for a More Gender Equal World of Work...

⁵ Update on Gender and Employment Trends 2021 // ILO Policy Brief. 2021. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_824865.pdf.

привлекательной именно из-за гибкости рабочего графика и местоположения¹.

В целом важно устранить дополнительные препятствия, с которыми сталкиваются молодые женщины, относящиеся к NEET на всех уровнях. Учитывая, что статус NEET сохраняется с раннего возраста, необходимо устранить эти препятствия на раннем этапе.

Аналогичное замечание можно сделать и в отношении молодых людей с ограниченными возможностями здоровья. Они имеют меньше шансов найти работу и больше шансов остаться без работы, чем те, у кого нет инвалидности. Данные свидетельствуют о том, что, несмотря на неоднородность, эти различия характерны для стран с любым уровнем дохода.

Также проблемы связаны с доступом как к образованию, так и к трудоустройству, а также с качеством услуг, предоставляемых молодым людям с ограниченными возможностями здоровья. Что касается устранения барьеров на пути к трудоустройству, то, по-видимому, наиболее часто используется такой подход, как установление квот². Существует также проблема качества рабочих мест. Что касается молодых женщин, то гибкость некоторых форм работы с использованием цифровых технологий может оказаться эффективным инструментом, но в этой области есть нерешенные проблемы³.

Смещение акцента в политике обеспечения занятости молодежи, которая выходит за рамки безработицы среди этой возрастной группы, очевидно, требует изменения мировоззрения, согласно которому проблема обеспечения занятости молодежи сводится к сокращению безработицы. Новый подход долгое время подвергался сомнению, особенно в странах с низким и средним уровнями дохода⁴. Принятие

¹ *Pinedo C., Niall O'Higgins L., Berg J. Young People and the Gig-economy // In Is the Future Ready for Youth? Youth Employment Policies for Evolving Labour Markets / eds by S. Dasgupta, J. Chacaltana. ILO, 2021. P. 38–52. URL: https://www.researchgate.net/publication/351160461_Young_people_and_the_gig_economy; O'Higgins N., Pinedo Caro L. Crowdfunder for Young People: Risks and Opportunities // ILO Working Paper. 2022. № 50. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_837670.pdf.*

² *Promoting Employment Opportunities for People with Disabilities: Quota Schemes // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---ifp_skills/documents/publication/wcms_735531.pdf.*

³ *An Inclusive Digital Economy for People with Disabilities // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. 2019. URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_769852.pdf.*

⁴ *Manning C., Junankar P. N. Choosy Youth or Unwanted Youth? A Survey of Unemployment // Economics of the Labour Market. L. : Palgrave Macmillan, 1998. P. 204–235.*

оценки уровня NEET в качестве показателя для одной из Целей устойчивого развития (8.6.1) (измерение прогресса в обеспечении достойной работы для молодежи) знаменует важный шаг на пути к воплощению этого подхода в жизнь. Тем не менее мероприятия в интересах молодежи в странах с низким и средним уровнями дохода часто направлены в первую очередь на безработных (как правило, образованных и часто мужского пола).

Решение новой задачи требует комплексного подхода, который включает широкий спектр стратегий и программ, направленных на более эффективную поддержку трудоустройства молодежи путем облегчения доступа молодых людей либо к высококачественному образованию, а затем и к высококачественной занятости, либо непосредственно к хорошей работе. Другие проблемы, такие как изменение климата, также негативно влияют на молодежную занятость¹, что делает широкомасштабный подход еще более актуальным.

ВЫВОДЫ

Комплекс мероприятий, необходимых для существенного снижения уровня NEET, должен опираться на макроэкономическую политику и политику секторального развития, направленную на содействие структурным преобразованиям в целях создания большего числа качественных рабочих мест.

Задача снижения уровня NEET должна рассматриваться в контексте отсутствия спроса на молодежь на рынке труда. Многие молодые люди, относящиеся к категории NEET, — это люди, которые хотели бы работать, если бы могли, но отказались от поисков из-за отсутствия адекватных возможностей.

Европейская программа «Молодежная гарантия» — пример создания всеобъемлющей системы обеспечения занятости молодежи на основе широкого подхода, которая доказала свою эффективность в процессе существенного сокращения числа молодых безработных. Безусловно, такой подход сложен как с институциональной, так и с финансовой точки зрения.

URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137555199_13; *O'Higgins N.* Youth Unemployment and Employment Policy in Global Perspective.

¹ *Barford A., Coombe R.* Getting By: Young People's Working Lives. Cambridge: Murray Edwards College, Univ. of Cambridge, 2019. URL: https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/292310/Barford_Coombe_GettingBy_2019.pdf?sequence=2&isAllowed=y; Barford A., Coutts A., Sahai G. Op. cit.

В то же время конкретные мероприятия должны быть адаптированы с учетом характеристик лиц, относящихся к NEET, в конкретных условиях. Молодые женщины составляют подавляющее большинство принадлежащих к NEET лиц во всем мире, и для достижения существенного прогресса в борьбе с этим явлением необходимо уделять внимание препятствиям на пути получения образования и участия в трудовой деятельности, с которыми сталкиваются женщины в различных странах.

NEET — это разнообразная, крайне неоднородная группа, и молодые женщины, конечно, не единственные, кто нуждается в специальной поддержке. Например, показатели NEET в мире, как правило, выше среди людей с низким уровнем образования и намного выше среди молодых людей с ограниченными возможностями здоровья. Мероприятия должны быть специально разработаны с учетом характеристик подгрупп NEET, выявленных на уровне отдельных государств, и их конкретных потребностей.

Молодые люди, относящиеся к NEET, как правило, сталкиваются с препятствиями в процессе трудоустройства, получения образования и профессиональной подготовки. Соответственно, эффективность принимаемых мер может быть повышена за счет применения комплексного подхода, включающего сочетание образовательных грантов, поддержку в поиске работы, доступность услуг по уходу за детьми и программы возвращения на работу, а также стимулирование спроса на рынке труда.

Остается еще много вопросов. Необходимо понять природу и последствия различных типов NEET в разных странах и определяющие их факторы. Также нужно собрать больше фактических данных о воздействии мер, направленных на борьбу с NEET. Прежде всего разработка и внедрение мер, созданных по образцу европейской программой «Молодежная гарантия», уже осуществляются в ряде стран с низким и средним уровнями дохода. Они должны сопровождаться надежными оценками их эффективности наряду с другими мерами, направленными на сокращение численности NEET с учетом более широких секторальных и макроэкономических последствий. Накопление знаний в этой области может сыграть ключевую роль в улучшении положения молодых людей, которые не имеют работы, образования или профессиональной подготовки, во всем мире.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В современной экономике рынок труда подвергается макроэкономическому регулированию — прежде всего посредством использования институтов рынка труда через бюджетно-налоговую политику или реализации социальных программ. Кроме того, на эффективность регулирования рынка труда на макроуровне могут оказывать влияние другие факторы: валютный курс, международная торговля, государственный бюджет, фаза бизнес-цикла. Также большое значение имеет взаимодействие мер бюджетно-налоговой и денежно-кредитной политики.

Государственное регулирование рынка труда предполагает использование широкого набора инструментов, таких как создание рабочих мест в государственном секторе, образовательные программы, финансовая поддержка различных форм сохранения занятости, пособия по безработице, страхование от безработицы, а также различные схемы пенсионного и социального обеспечения. Эффективность использования различных инструментов варьирует в зависимости от уровня развития страны и общей макроэкономической ситуации. В то же время в большинстве стран мира так или иначе используются вышеупомянутые инструменты. Страны учитывают собственный опыт и практику других государств. Таким образом, вышеупомянутые инструменты макроэкономического регулирования рынка труда имеют не только национальное, но и глобальное значение.

В настоящее время Международная организация труда, которая существует уже более 100 лет (в ее состав входит 187 государств), является основным глобальным институтом, регулирующим занятость.

Главный принцип деятельности МОТ заключается в обеспечении социального диалога между тремя сторонами: государственными институтами, ассоциациями работодателей и наемных работников. В настоящее время функции МОТ нетождественны функциям национальных правительств. В то же время Международная организация труда принимает многочисленные конвенции и декларации, которые служат своеобразным ориентиром для национальных правительств при определении приоритетов политики занятости. Важными направлениями деятельности МОТ являются отстаивание права на свободу объединений, недопущение распространения принудительного труда и детского труда, преодоление трудовой дискриминации, а также проблемы

повышения уровня заработной платы, социальной защиты занятых, регулирования трудовой миграции, и охраны здоровья занятых.

Комплекс мероприятий, необходимых для существенного снижения уровня NEET, должен опираться на макроэкономическую политику и политику секторального развития, направленную на содействие структурным преобразованиям в целях создания большего числа более качественных рабочих мест. Задача снижения уровня NEET должна рассматриваться в контексте широко распространенного отсутствия спроса на молодежь на рынке труда. Многие молодые люди, относящиеся к категории NEET, хотели бы работать, если бы могли, но отказались от поисков из-за отсутствия адекватных возможностей.

Европейская программа «Молодежная гарантия» — пример разработки всеобъемлющей системы обеспечения занятости молодежи на основе широкого подхода — доказала свою эффективность в виде существенного сокращения числа молодых безработных. Безусловно, такой подход сложен как с институциональной, так и с финансовой точки зрения. В то же время конкретные мероприятия должны быть адаптированы с учетом характеристик относящихся к NEET лиц в конкретных условиях. Молодые женщины составляют подавляющее большинство принадлежащих к NEET лиц во всем мире, и для достижения существенного прогресса в борьбе с этим явлением необходимо уделять внимание различным препятствиям на пути получения образования и участия в трудовой деятельности, с которыми сталкиваются женщины в различных странах.

NEET — это разнообразная, крайне неоднородная группа, и молодые женщины, конечно, не единственный слой, нуждающийся в поддержке. Например, показатели NEET во всем мире, как правило, выше среди людей с низким уровнем образования и намного выше среди молодых людей с ограниченными возможностями здоровья. Мероприятия должны быть разработаны в соответствии с характеристиками подгрупп NEET, выявленных на уровне отдельных государств, и их конкретными потребностями.

Молодые люди, относящиеся к NEET, часто сталкиваются с барьерами, препятствующими трудоустройству, получению образования и профессиональной подготовке. Эффективность мер может быть повышена за счет применения комплексного подхода, включающего сочетание образовательных грантов, поддержку в поиске работы, доступность услуг по уходу за детьми и программы возвращения на работу, а также стимулирование спроса на рынке труда.

ЛИТЕРАТУРА

A European Green Deal // European Commission : [сайт]. — 2019. — URL: https://ec.europa.eu/info/strategy/priorities-2019-2024/european-green-deal_en (дата обращения: 20.08.2025).

A Gender-Responsive Employment Recovery: Building Back Fairer // ILO Policy Brief. — 2020. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_751785.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

A New Profile of the Global Poor / A. Castañeda [et al.] // World Development. — 2018, January. — № 101. — P. 250–267. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.worlddev.2017.08.002>.

A Quantum Leap for Gender Equality: For a Better Future of Work for All // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2019. — URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_674831/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

A Review of Interventions to Support Young Workers: Findings of the Youth Employment Inventory / G. Betcherman [et al.] // World Bank Social Protection Discussion Paper. — 2007. — № 0715. — URL https://www.youthpolicy.org/library/wp-content/uploads/library/2007_Intervention_Support_Workers_eng.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Abiad, A. The Macroeconomic Effects of Public Investment: Evidence from Advanced Economies / A. Abiad, D. Furceri, P. Topalova // Journal of Macroeconomics. — 2016. — Vol. 50. — P. 224–240.

Acemoglu, D. Efficient Unemployment Insurance / D. Acemoglu, R. Shimer // Journal of Political Economy. — 1999. — Vol. 107, № 5. — P. 893–928.

Active Labour Market Programmes in Latin America and the Caribbean: Evidence from a Meta Analysis / V. Escudero, J. Kluge, E. López Mourelot, E. Pignatti // IZA Discussion Paper. — 2017. — № 11039.

Active Labour Market Programmes in Latin America and the Caribbean: Evidence from a Meta Analysis / V. Escudero, J. Kluge, E. López Mourelot, E. Pignatti // Journal of Development Studies. — 2019. — Vol. 55, № 12. — P. 2644–2661. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/epdf/10.1080/00220388.2018.1546843?needAccess=true&role=button> (дата обращения: 20.08.2025).

Advancing Social Justice and Decent Work in Rural Economies // ILO Policy Brief. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_dialogue/---sector/documents/briefingnote/wcms_858195.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Aggarwal, V. Do WTO Rules Preclude Industrial Policy? Evidence from the Global Economic Crisis / V. Aggarwal, S. Evenett // Business and Politics. — 2014. Vol. 16, № 4. — P. 481–509. — URL: <https://www.alexandria.unisg.ch/253041/> (дата обращения: 20.08.2025).

Aiginger, K. Industrial Policy for a Sustainable Growth Path / K. Aiginger // New Perspectives on Industrial Policy for Modern Britain. — 2014. — DOI: <https://doi.org/10.1093/acprof:oso/9780198706205.003.0019>.

Aiginger, K. Rebirth of Industrial Policy and an Agenda for the Twenty First Century // K. Aiginger, D. Rodrik // Journal of Industry, Competition and Trade. — 2020. —

№ 20. — P. 189–207. — URL <https://link.springer.com/article/10.1007/s10842-019-00322-3> (дата обращения: 20.08.2025).

Aiginger, K. The “Greening” of Industrial Policy / K. Aiginger // EURActiv : [сайт]. — 2013. — URL: <https://www.euractiv.com/section/sustainable-dev/opinion/the-greening-of-industrial-policy/> (дата обращения: 20.08.2025).

Algan, Y. Public Employment and Labour Market Performance / Y. Algan, P. Cahuc, A. Zylberberg // Economic Policy. — 2002. — № 17 (334). — P. 7–65.

Altenburg, T. Electric Mobility and the Quest for Automobile Industry Upgrading in China / T. Altenburg, K. Feng, Q. Shen // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences / edited by T. Altenburg, C. Assmann. — 2017. — Chapter 12. — URL: <https://www.idosresearch.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/> (дата обращения: 20.08.2025).

An Evaluation of the 1987 French Disabled Workers Act: Better Paying than Hiring / T. Barnay, E. Duguet, C. Le Clairche, Y. Videau // The European Journal of Health Economics. — 2019. — Vol. 20, № 4. — P. 597–610.

An Inclusive Digital Economy for People with Disabilities // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2019. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---gender/documents/publication/wcms_769852.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

An Update on the Youth Labour Market Impact of the COVID-19 Crisis // ILO Statistical Brief. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/briefingnote/wcms_795479.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Antonopoulos, R. Public Job-creation Programs: The Economic Benefits of Investing in Social Care. Case Studies in South Africa and the United States / R. Antonopoulos, K. Kim // Levy Economics Institute Working Paper. — 2011. — Vol. 671.

Arbeitslosenquote & Arbeitslosenzahlen // Bundesagentur für Arbeit : [сайт]. — 2023. — URL: <https://www.arbeitsagentur.de/news/arbeitsmarkt> (дата обращения: 20.08.2025).

Are Protective Labor Market Institutions at the Root of Unemployment? / D. R. Howell, D. Baker, A. Glyn, J. Schmitt // A Critical Review of the Evidence. Capitalism and Society. — 2007. — Vol. 2, № 1.

Are we Failing Young People not in Employment, Education or Training (NEETs)? A Systematic Review and Meta-Analysis of Re-Engagement Interventions / L. Mawn [et al.] // Systematic. — 2017. — Reviews 6. — P. 16. — URL: <https://www.ncbi.nlm.nih.gov/pmc/articles/PMC5264339/> (дата обращения: 20.08.2025).

Asenjo, A. Unemployment Insurance Schemes around the World: Evidence and Policy Options / A. Asenjo, C. Pignatti // ILO Research Department Working Paper. — 2019. — № 49.

Auer, P. Active Labour Market Policies around the World: Coping with the Consequences of Globalization / P. Auer, Ü. Efendioğlu, J. Leschke. — Geneva : ILO, 2008.

Auerbach, A. Measuring the Output Responses to Fiscal Policy / A. Auerbach, Y. Gorodnichenko // American Economic Journal: Economic Policy. — 2012. — Vol. 4, № 2. — P. 1–27. — URL: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/pol.4.2.1> (дата обращения: 20.08.2025).

Auktor, G. V. Renewable Energy as a Trigger for Industrial Development in Morocco / G. V. Auktor // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experienc-

es / edited by T. Altenburg, C. Assmann. — 2017. — Chapter 10. — URL <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/> (дата обращения: 20.08.2025).

Autor, D. H. The Rise in the Disability Rolls and the Decline in Unemployment / D. H. Autor, M. G. Duggan // *Quarterly Journal of Economics*. — 2003. — Vol. 118, № 1. — P. 157–205.

Azam, M. The Impact of Indian Job Guarantee Scheme on Labor Market Outcomes: Evidence from a Natural Experiment / M. Azam // *IZA Discussion Paper*. — 2012. — № 6548.

Bach, K. New Data Shows Long Covid Is Keeping as Many as 4 Million People out of Work / K. Bach // *Brookings* : [сайт]. — 2022, 24 August. — URL <https://www.brookings.edu/research/new-data-shows-long-covid-is-keeping-as-many-as-4-million-people-out-of-work/> (дата обращения: 20.08.2025).

Baert, S. Wage Subsidies and Hiring Chances for the Disabled: Some Causal Evidence / S. Baert // *The European Journal of Health Economics*. — 2016. — Vol. 17, № 1. — P. 71–86.

Barford, A. Getting By: Young People's Working Lives / A. Barford, R. Coombe. — Cambridge : Murray Edwards College, University of Cambridge, 2019. — URL https://www.repository.cam.ac.uk/bitstream/handle/1810/292310/Barford_Coombe_Getting-By_2019.pdf?sequence=2&isAllowed=y (дата обращения: 20.08.2025).

Barford, A. Youth Employment in Times of COVID: A Global Review of COVID-19 Policy Responses to Tackle (Un)Employment and Disadvantage Among Young People / A. Barford, A. Coutts, G. Sahai // *International Labour Organization (ILO)* : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/emppolicy/pubs/WCMS_823751/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Barga, J. P. Greening Macroeconomic Policies: Current Trends and Policy Options / J. P. Barga // *ILO Policy Brief*. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---emp_ent/documents/publication/wcms_863317.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Bassanini, A. The Determinants of Unemployment across OECD Countries / A. Bassanini, R. Duval // *OECD Economic Studies*. — 2006. — № 1. — P. 7–86.

Batut, C. The Longer Term Impact of Hiring Credits. Evidence from France / C. Batut // *Labour Economics*. — 2021. — № 72. — 102052.

Behaghel, L. Private and Public Provision of Counseling to Job Seekers: Evidence from a Large Controlled Experiment / L. Behaghel, B. Crépon, M. Gurgand // *American Economic Journal: Applied Economics*. — 2014. — Vol. 6, № 4. — P. 142–174.

Behar, A. Does Public-sector Employment Fully Crowd Out Private-sector Employment? / A. Behar, J. Mok // *Review of Development Economics*. — 2019. — Vol. 23, № 4. — P. 1891–1925.

Being a NEET Before and After the Great Recession: Persistence by Gender in Southern Europe / M. Malo, C. Mussida, B. Cueto, M. Baussola // *Socioeconomic Review*. — 2021. — Vol. 21, № 1. — P. 319–339. — URL: <https://academic.oup.com/ser/advance-article/doi/10.1093/ser/mwab043/6349217> (дата обращения: 20.08.2025).

Belot, M. Does the Recent Success of Some OECD Countries in Lowering their Unemployment Rates Lie in the Clever Design of their Labor Market Reforms? / M. Belot, J. C. van Ours // *Oxford Economic Papers*. — 2004. — Vol. 56, № 4. — P. 621–642.

Berg, J. Policymaking Gone Awry: The Labor Market Regulations of the Doing Business Indicators / J. Berg, S. Cazes // *Comparative Labor Law & Policy Journal*. — 2008. — Vol. 29, № 4. — P. 349–382.

Berg, J. The Doing Business Indicators: Measurement Issues and Political Implications / J. Berg, S. Cazes // *ILO Economic and Labour Market Paper*. — 2007. — № 6.

Bernanke B. A Distinguished Fellow in Economic Studies at Brookings Institution, delivered the 2020 American Economic Association (AEA) Presidential Address on January 4, 2020 // *Brookings*: [сайт]. — URL: <https://www.brookings.edu/articles/the-new-tools-of-monetary-policy/> (дата обращения: 20.08.2025).

Bernanke, B. The new tools of monetary policy / B. S. Bernanke // *American Economic Review*. — 2020. — Vol. 110, № 4. — P. 943–983.

Bernhard, S. Wage Subsidies for Needy Job-Seekers and their Effect on Individual Labour Market Outcomes after the German Reforms / S. Bernhard, H. Gartner, G. Stephan // *IZA Discussion Paper*. — 2008. — № 3772.

Bessen, J. The New Goliaths / J. Bessen. — New Haven, C. T.: Yale University Press, 2022.

Beusekom, M., van. Global Data Reveal Half May Have Long COVID 4 Months on / M. van Beusekom // *CIDRAP News*. — 2022, 18 April. — URL: <https://www.cidrap.umn.edu/global-data-reveal-half-may-have-long-covid-4-months> (дата обращения: 20.08.2025).

Bitler, M. The Social Safety Net in the Wake of COVID-19 / M. Bitler, H. Hoynes, D. Schanzenbach // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. — 2020. — № 27796.

Blanas, S. Is Deeper Global Value Chain Integration Linked to More Inclusive Labour Markets in South-East Asia? / S. Blanas, P. Huynh, C. Viegelaahn // *ILO Working Paper. A Global Comparative Analysis*. — (Готовится к печати).

Blanchard, O. Growth Forecast Errors and Fiscal Multipliers / O. Blanchard, D. Leigh // *American Economic Review*. — 2013. — Vol. 103, № 3. — P. 117–120. — DOI: <https://pubs.aeaweb.org/doi/pdfplus/10.1257/aer.103.3.117>.

Blanchard, O. Public Debt: Fiscal and Welfare Costs in a Time of Low Interest Rates / O. Blanchard // *PIIE Policy Brief*. — 2019, Febr. — Vol. 19, № 2.

Blundell, R. Retirement Incentives and Labor Supply / R. Blundell, E. French, G. Tetlow // *Handbook of the Economics of Population Aging* / edited by J. Piggott, A. Woodland. — Amsterdam: North-Holland Publishing Company, 2016. — P. 457–566.

Boeri, T. The Economics of Imperfect Labor Markets / T. Boeri, J. C. van Ours. — Princeton, N. J.: Princeton University Press, 2008.

Bohnenberger, K. Is it a Green or Brown Job? A Taxonomy of Sustainable Employment / K. Bohnenberger // *Ecological Economics*. — 2022. — № 200. — 107469.

Boockmann, B. The Effects of Wage Subsidies for Older Workers / B. Boockmann // *IZA World of Labor*. — 2015. — № 189. — P. 1–10.

Boone, J. Effective Active Labor Market Policies / J. Boone, J. C. van Ours // *IZA Discussion Paper*. — 2004. — № 1335.

Boone, J. Modeling Financial Incentives to Get the Unemployed Back to Work / J. Boone, J. C. van Ours // *Journal of Institutional and Theoretical Economics*. — 2006. — Vol. 162, № 2. — P. 227–252.

Bördös, K. What Works in Wage Subsidies for Young People: A Review of Issues, Theory, Policies and Evidence / K. Bördös, M. Csillag, A. Scharl // ILO Working Paper. — 2015. — № 199.

Brancaccio, E. Structural Labour Market Reforms, GDP Growth and the Functional Distribution of Income / E. Brancaccio, N. Garbellini, R. Giammetti // Structural Change and Economic Dynamics. — 2018. — № 44. — P. 34–45.

Bredemeier, C. Fiscal Policy and Occupational Employment Dynamics / C. Bredemeier, F. Juessen, R. Winkler // IZA Discussion Paper. — 2017. — № 10466.

Brey, B. The Extension of Short-Time Work Schemes during the Great Recession: A Story of Success? / B. Brey, M. S. Hertweck // Macroeconomic Dynamics. — 2020. — Vol. 24, № 2. — P. 360–402.

Brown, A. J. G. Active Labor Market Programs: Employment Gain or Fiscal Drain? / A. J. G. Brown, J. Koettl // IZA Journal of Labor Economics. — 2015. — Vol. 4, № 1. — P. 1–36.

Brown, A. J. G. Can Hiring Subsidies Benefit the Unemployed? / A. J. G. Brown // IZA World of Labor. — 2015. — № 163. — P. 1–10.

Brown, A. J. G. Comparing the effectiveness of employment subsidies / A. J. G. Brown, C. Merkl, D. J. Snower // Labour Economics. — 2011. — Vol. 18, № 2. — P. 168–179.

Brunnermeier, M. K. Rethinking Monetary Policy in a Changing World / M. K. Brunnermeier // Finance & Development. — 2023, March. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/fandd/issues/2023/03/rethinking-monetary-policy-in-a-changing-world-brunnermeier> (дата обращения: 20.08.2025).

Cahuc, P. Short-time Work Compensation Schemes and Employment / P. Cahuc // IZA World of Labor. — 2019. — № 11.

Cahuc, P. The Effectiveness of Hiring Credits / P. Cahuc, S. Carcillo, T. Le Barbanchon // Review of Economic Studies. — 2019. — Vol. 86, № 2. — P. 593–626.

Caliendo, M. Earnings Exemptions for Unemployed Workers: The Relationship between Marginal Employment, Unemployment Duration and Job Quality / M. Caliendo, S. Künn, A. Uhlendorff // Labour Economics. — 2016. — Vol. 42. — P. 177–193.

Caliendo, M. Youth Unemployment and Active Labor Market Policies in Europe / M. Caliendo, R. Schmidl // IZA Journal of Labor Policy. — 2016. — Vol. 5, № 1.

Calvino, F. The Innovation-Employment Nexus: A Critical Survey of Theory and Empirics / F. Calvino, M. E. Virgillito // Journal of Economic Surveys. — 2018. — Vol. 32, № 1. — P. 83–117.

Can Public Employment Schemes Increase Equilibrium Wages? Evidence from a Natural Experiment in India / E. Berg, S. Bhattacharyya, D. Rajasekhar, R. Manjula // Centre for Market and Public Organisation Working Paper. — 2014. — № 317.

Caponi, V. The Effects of Public Sector Employment on the Economy / V. Caponi // IZA World of Labor. — 2017. — № 332. — P. 1–10.

Card, D. Minimum Wages and Employment: A Case Study of the Fast-Food Industry in New Jersey and Pennsylvania / D. Card, A. Krueger // American Economic Review. — 1994. — Vol. 84, № 4. — P. 772–793.

Card, D. What Works? A Meta Analysis of Recent Active Labor Market Program Evaluations / D. Card, J. Kluve, A. Weber // Journal of the European Economic Association. — 2018. — Vol. 16, № 3. — P. 894–931.

Care at Work: Investing in Care Leave and Services for a More Gender Equal World of Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/global/topics/care-economy/WCMS_838653/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Care Work and Care Jobs for the Future of Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2018. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_633135.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Cerra, V. Growth Dynamics: The Myth of Economic Recovery / V. Cerra, S. Chaman Saxena // American Economic Review. — 2008. — Vol. 98, № 1. — P. 439–457.

Chabert, G. Restructuring Debt of Poorer Nations Requires More Efficient Coordination / G. Chabert, M. Cerisola, D. Hakura // IMF blog. — 2022. — URL: <https://www.imf.org/en/Blogs/Articles/2022/04/07/restructuring-debt-of-poorer-nations-requires-more-efficient-coordination> (дата обращения: 20.08.2025).

Challenges Facing Small- and Medium-Sized Enterprises in the Food System: Results of an Online Survey // Global Alliance for Improved Nutrition. — 2022. — URL: <https://sunbusinessnetwork.org/wp/content/uploads/2022/09/SBN-SME-Survey-2022-Results-Final.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Changing Demand for Skills in Digital Economies and Societies: Literature Review and Case Studies from Low- and Middle-Income Countries // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/skills/areas/skills-training-for-poverty-reduction/WCMS_831372/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Chen, W. The Global Economic Recovery 10 Years after the 2008 Financial Crisis / W. Chen, M. Mrkaic, M. S. Nabar // IMF Working Paper. — 2019. — № 83. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2019/04/26/The-Global-Economic-Recovery-10-Years-After-the-2008-Financial-Crisis-46711> (дата обращения: 20.08.2025).

Chetty, R. Moral Hazard versus Liquidity and Optimal Unemployment Insurance / R. Chetty // Journal of Political Economy. — 2008. — Vol. 116, № 2. — P. 173–234.

Child Labour: Global Estimates 2020, Trends and the Road Forward // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/ipec/Informationresources/WCMS_797515/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Christiano, L. When Is the Government Spending Multiplier Large? / L. Christiano, M. Eichenbaum, S. Rebelo // Journal of Political Economy. — 2011. — Vol. 119, № 1. — P. 78–121.

Cipollone, A. Female Labor Market Participation in Europe: Novel Evidence on Trends and Shaping Factors / A. Cipollone, E. Patacchini, G. Vallanti // IZA Journal of European Labor Studies. — 2014. — Vol. 3, № 18.

Coalition for Social Investment: A New Kid on the Block? // Decide Health Decision Hub. — 2021. — URL: <https://decidehealth.world/en/news/coalition-social-investment-new-kid-block> (дата обращения: 20.08.2025).

Consequences, Risk Factors, and Geography of Young People not in Education, Employment or Training (NEET): Research Findings // Scottish Government : [сайт]. — 2015. — URL: <https://www.gov.scot/publications/consequences-risk-factors-geography-young-people-education-employment-training-neet-research-findings/> (дата обращения: 20.08.2025).

Coronavirus: The World Economy at Risk // OECD Economic Outlook. — 2020, 2 March. — URL: https://read.oecd-ilibrary.org/economics/oecd-economic-outlook-volume-2019/issue-2_7969896b-en#page1 (дата обращения: 20.08.2025).

Council of the European Union. Council Recommendation of 22 April 2013 on Establishing a Youth Guarantee (2013/c 120/01).

Council of the European Union. Council Recommendation of 30 October 2020 on A Bridge to Jobs — Reinforcing the Youth Guarantee and Replacing the Council Recommendation of April 2013 on Establishing a Youth Guarantee (220/c 372/01).

COVID-19 Country Policy Responses // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2023. — URL: <https://www.ilo.org/legacy/english/covid-19/country-policy-responses/covid-country-response-Asia-2023-03-01.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Cox, T. How Many People Get “Long” COVID? More than Half, Researchers Find / T. Cox // PennState. — 2021, 13 October. — URL: <https://www.psu.edu/news/research/story/how-many-people-get-long-covid-more-half-researchers-find/> (дата обращения: 20.08.2025).

D’Achon, E. Two Decades of National Employment Policies 2000–2020 / E. D’Achon. — ILO, 2021. — Part 1 : Employment Policy Design: Lessons from the Past, Policies for the Future.

Da Motta Veiga, P. Ethanol Policy in Brazil: A Green Industrial Policy by Accident? / P. da Motta Veiga, S. Polónia Rios // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences / edited by T. Altenburg, C. Assmann. — 2017. — Chapter 13. — URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/> (дата обращения: 20.08.2025).

Dale-Olsen, H. Can Placement of Governmental Sector Jobs Spur Private Sector Employment and Performance? / H. Dale-Olsen, P. Schöne // IZA Discussion Paper. — 2020. — № 13993.

Davis, S. J. Recessions and the Costs of Job Loss / S. J. Davis, T. von Wachter. // Milton Friedman Institute for Research in Economics Working Paper. — 2011. — № 2011-009.

De Serres, A. Policies to Facilitate the Return to Work / A. De Serres, F. Murtin, C. de La Maisonneuve // Comparative Economic Studies. — 2012. — Vol. 54, № 1. — P. 5–42.

Destefanis, S. A Literature Review of the Main Elements for a Social-Cost Benefit Analysis of Youth Guarantees / S. Destefanis // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2017. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_583523.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Development Prospects in a Fractured World: Global Disorder and Regional Responses // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). — 2022. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_en.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Did Working Families’ Tax Credit Work? The Impact of In-work Support on Labour Supply in Great Britain / M. Brewer, A. Duncan, A. Shephard, M. J. Suárez // Labour Economics. — 2006. — Vol. 13, № 6. — P. 699–720.

Do Family Policies Reduce Gender Inequality? Evidence from 60 Years of Policy Experimentation / H. Kleven [et al.] // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2021. — № 28028.

Do Labor Market Policies Have Displacement Effects? Evidence from a Clustered Randomized Experiment / B. Crépon [et al.] // Quarterly Journal of Economics. — 2013. — Vol. 128, № 2. — P. 531–580.

Do Wage Subsidies Provide a Stepping-Stone to Employment for Recent College Graduates? Evidence From a Randomized Experiment in Jordan / M. Groh, N. Krishnan, D. McKenzie, T. Vishwanath // The Review of Economics and Statistics. — 2016. — Vol. 98, № 3. — P. 488–502.

Do Youth Employment Programs Improve Labor Market Outcomes? A Quantitative Review / J. Kluge [et al.] // World Development. — 2019. — № 114. — P. 237–253. — URL: <https://www.sciencedirect.com/science/article/pii/S0305750X18303905> (дата обращения: 20.08.2025).

Does Economic Growth Deliver Jobs? Revisiting Okun's Law / S. Lee, D. Schmidt-Klau, J. Weiss, J. Chacaltana // ILO Working Paper. — 2020. — № 17. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_761967.pdf. (дата обращения: 20.08.2025).

Doing Business 2008. — Washington, D. C. : World Bank, 2008.

Duval, R. Designing Labor Market Institutions in Emerging and Developing Economies: Evidence and Policy Options / R. Duval, P. Loungani // IMF Staff Discussion Note. — 2019. — № SDN-19-04.

Duval, R. The Effects of Labor and Product Market Reforms: The Role of Macroeconomic Conditions and Policies / R. Duval, D. Furceri // IMF Economic Review. — 2018. — Vol. 66, № 1. — P. 31–69.

Ebell, M. Fiscal Policy and the Youth Labour Market / M. Ebell, N. O'Higgins // ILO Employment Working Paper. — 2016. — № 200. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_466541.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Egebark, J. Payroll Taxes and Youth Labor Demand / J. Egebark, N. Kaunitz // Labour Economics. — 2018. — № 55. — P. 163–177.

Elder, S. What Does NEETs Mean and Why Is the Concept so Easily Misinterpreted? / S. Elder // ILO Work Youth Technical Brief. — 2015. — № 1. — URL: https://www.ilo.org/employment/areas/youth-employment/work-for-youth/publications/technical-briefs/WCMS_343153/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Empirically Grounded Technology Forecasts and the Energy Transition / R. Way, M. C. Ives, P. Mealy, J. D. Farmer // Joule. — 2022. — Vol. 6, № 9. — P. 2057–2082. — DOI: <https://doi.org/10.1016/j.joule.2022.08.009>.

Engemann, K. What's the Phillips Curve (And Why Has It Flattened?) / K. Engemann // Federal Reserve Bank of St Louis. — 2020. — URL: <https://www.stlouisfed.org/open-vault/2020/january/what-is-phillips-curve-why-flattened> (дата обращения: 20.08.2025).

Ernst, E. Supporting Jobseekers: How Unemployment Benefits Can Help Unemployed Workers and Strengthen Job Creation / E. Ernst // International Social Security Review. — 2015. — Vol. 68, № 3. — P. 43–67.

Ernst, E. The AI Trilemma: Saving the Planet without Ruining Our Jobs / E. Ernst // Frontiers in Artificial Intelligence. — 2022, 5 October. — DOI: <https://doi.org/10.3389/frai.2022.886561.1> (дата обращения: 20.08.2025).

Ernst, E. The Dutch Tax-Benefit System and Life-Cycle Employment: Outcomes and Reform Options / E. Ernst, T. Teuber // OECD Economics Department Working Papers. — 2008. — № 617.

Ernst, E. The Return of the Fourth Horseman: How the Current Pandemic Might Re-shape Our World / E. Ernst // Medium. — 2020, 30 March. — URL: https://medium.com/@ekkehard_ernst/the-return-of-the-fourth-horseman-how-the-current-pandemic-might-re-shape-our-world-4f82d7f8eac4 (дата обращения: 20.08.2025).

Ernst, E. Understanding Unemployment Flows / E. Ernst, U. Rani // Oxford Review of Economic Policy. — 2011. — Vol. 27, № 2. — P. 268–294.

Escudero, V. Are Active Labour Market Policies Effective in Activating and Integrating Low-Skilled Individuals? An International Comparison / V. Escudero // IZA Journal of Labor Policy. — 2018. — Vol. 7, № 4.

Escudero, V. Joint Provision of Income and Employment Support: Evidence from a Crisis Response in Uruguay / V. Escudero, E. López Mourelo, C. Pignatti // World Development. — 2020. — № 134. — 105015.

Evaluating the Employment Impact of a Mandatory Job Search Program / R. Blundell, C. Meghir, M. Costa Dias, J. van Reenen // Journal of the European Economic Association. — 2004. — Vol. 2, № 4. — P. 569–606.

Explaining the MENA Paradox: Rising Educational Attainment, Yet Stagnant Female Labor Force Participation / R. Assaad, R. Hendy, M. Lassassi, S. Yassin // Demographic Research. — 2020. — № 43. — P. 817–850. — URL: <https://www.demographic-research.org/volumes/vol43/28/43-28.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Exploring the Diversity of NEETs. — Luxembourg : Publications Office of the European Union, 2016 // Eurofound : [сайт]. — URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1602en.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Faberman, R. J. How Do Unemployment Benefits Relate to Job Search Behavior? / R. J. Faberman, A. Haider Ismail // Chicago Fed Letter. — 2020. — № 441.

Faggio, G. Relocation of Public Sector Workers: Evaluating a Place-based Policy / G. Faggio // Journal of Urban Economics. — 2019. — № 111. — P. 53–75.

Faggio, G. The Effect of Public Sector Employment on Local Labour Markets / G. Faggio, H. Overman // Journal of Urban Economics. — 2014. — № 79. — P. 91–107.

Federal Reserve Economic Data. — URL: <https://fred.stlouisfed.org/> (дата обращения: 20.08.2025).

Feijao C. The Global Digital Skills Gap: Current Trends and Future Directions / C. Feijao, C. van Stolk Flanagan, S. Gunashekar // RAND Corporation. — 2021. — DOI: <https://doi.org/10.7249/RR1533-1>.

Fernández, C. The Impact of Lowering the Payroll Tax on Informality in Colombia / C. Fernández, L. Villar // Economía. — 2017. — Vol. 18, № 1. — P. 125–155.

Fiscal Monitor: A Fair Shot. — Washington, D. C. : International Monetary Fund, 2021.

Fiscal Multipliers in the 21st Century / P. Brinca, H. A. Holter, P. Krusell, L. Malafry // Journal of Monetary Economics. — 2016. — № 77. — P. 53–69.

Friedman, L. What Is the Green New Deal? A Climate Proposal, Explained / L. Friedman // New York Times. — 2019, 21 February. — URL: <https://www.nytimes.com/2019/02/21/climate/green-new-deal-questions-answers.html> (дата обращения: 20.08.2025).

Frutos, E. M. L. Equal Health, Equal Work? The Role of Disability Benefits in Employment after Controlling for Health Status / E. M. L. Frutos, J. V. Castello // The European Journal of Health Economics. — 2015. — Vol. 16, № 3. — P. 329–340.

Furceri, D. The Macroeconomic (and Distributional) Effects of Public Investment in Developing Economies / D. Furceri, G. B. Li. // IMF Working Paper. — 2017. — № 217.

Gal, P. The Macroeconomic Impact of Structural Policies on Labour Market Outcomes in OECD Countries: A Reassessment / P. Gal, A. Theising // OECD Economics Department Working Papers. — 2015. — № 1271.

Garibaldi, P. The Economics of Public Employment: An Overview for Policy Makers / P. Garibaldi, P. Gome // Fondazione Rodolfo de Benedetti Policy Report. — 2020.

Gechert, S. What Fiscal Policy Is Most Effective? A Meta-regression Analysis / S. Gechert // Oxford Economic Papers. — 2015. — Vol. 67, № 3. — P. 553–580.

Gender and Youth Employment in CIS Countries // ILO Decent Work Technical Support Team and Country Office for Eastern Europe and Central Asia — Employment Country Reports Series. — 2020. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---europe/---ro-geneva/---sro-moscow/documents/publication/wcms_764206.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Gerard, F. Informal Labor and the Efficiency Cost of Social Programs: Evidence from the Brazilian Unemployment Insurance Scheme / F. Gerard, G. Gonzaga // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2018. — № 22608.

Gill, I. Inflation Could Wreak Vengeance on the World's Poor / I. Gill, P. Nagle // Brookings : [сайт]. — 2022, 18 March. — URL <https://www.brookings.edu/blog/future-development/2022/03/18/inflation-could-wreak-vengeance-on-the-worlds-poor/> (дата обращения: 20.08.2025).

GirlForce: Skills, Education and Training for Girls Now. — New York, N. Y. : UNICEF, 2018 // UNICEF : [сайт]. — URL: https://www.unicef.org/sites/default/files/2018-10/Unicef_DayoftheGirl_Brochure_R7.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Giurponi, G. Subsidizing Labor Hoarding in Recessions: The Employment and Welfare Effects of Short Time Work / G. Giurponi, C. Landais // Centre for Economic Policy Research Discussion Paper. — 2018. — № 13310.

Global Accelerator on Jobs and Social Protection for Just Transitions // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: <https://www.ilo.org/> (дата обращения: 20.08.2025).

Global Employment Trends for Youth 2020: Technology and the Future of Jobs. — Geneva : International Labour Office, 2020.

Global Employment Trends for Youth 2022: Investing in Transforming Futures for Young People // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_853321/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Global Estimates of Modern Slavery: Forced Labour and Forced Marriage. — 2022. — DOI: <https://doi.org/10.54394/CHUI5986>.

Global Supply Chain Pressure Index // Federal Reserve Bank of New York. — 2022.

Global Wage Report 2022–2023: The Impact of Inflation and COVID-19 on Wages and Purchasing Power // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/WCMS_862569/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Global Warming of 1.5 °C: An IPCC Special Report on the Impacts of Global Warming of 1.5 °C above Pre-industrial Levels and Related Global Greenhouse Gas Emission Pathways, in the Context of Strengthening the Global Response to the Threat

of Climate Change, Sustainable Development, and Efforts to Eradicate Poverty. — Cambridge ; New York, N. Y. : Cambridge University Press, 2018.

González-Velosa, C. How Can Job Opportunities for Young People in Latin America be Improved? / C. González-Velosa, L. Ripani, D. Rosas-Shady // Inter-American Development Bank: Labor Markets and Social Security Unit (SCL/LMK). — 2012. — Technical Notes № IDB-TN-345. — URL: <https://publications.iadb.org/en/how-can-job-opportunities-young-people-latin-america-be-improved> (дата обращения: 20.08.2025).

Guénette, J. D. Is a Global Recession Imminent? / J. D. Guénette, M. Ayhan Kose, N. Sugawara // Equitable Growth, Finance and Institutions Policy Note. — 2022. — № 4.

Haldenwang, C. von. Shedding Light on Worldwide Tax Expenditures: GTED Flagship Report 2021 / C. von Haldenwang, A. Redonda, F. Aliu. — Bonn : German Development Institute, 2021.

Halim, D. Childcare and Mothers' Labor Market Outcomes in Lower- and Middle-Income Countries / D. Halim, E. Perova, S. Reynolds // The World Bank Research Observer. — 2023. — Vol. 38, № 1. — P. 73–114.

Hebous, S. The Effects of Discretionary Fiscal Policy on Macroeconomic Aggregates: A Reappraisal / S. Hebous // Journal of Economic Surveys. — 2011. — Vol. 25, № 4. — P. 674–707.

Hijzen, A. The Role of Short-time Work Schemes during the Global Financial Crisis and Early Recovery: A Cross-country Analysis / A. Hijzen, S. Martin // IZA Journal of Labor Policy. — 2013. — Vol. 2, № 5.

Hirway I. Time-Use Surveys in Developing Countries: An Assessment / I. Hirway // ResearchGate : [сайт]. — URL: https://www.researchgate.net/publication/304636246_Time-UseSurveysinDevelopingCountriesAnAssessment.

House, C. L. Austerity in the Aftermath of the Great Recession / C. L. House, C. Proebsting, L. L. Tesar // Journal of Monetary Economics. — 2020, November. — № 115. — P. 37–63.

Human Capital at Work: The Value of Experience // McKinsey : [сайт]. — 2022. — URL: <https://www.mckinsey.com/capabilities/people-and-organizational-performance/our-insights/human-capital-at-work-the-value-of-experience> (дата обращения: 20.08.2025).

Huttunen, K. The Employment Effects of Low-wage Subsidies / K. Huttunen, J. Pirttilä, R. Uusitalo // Journal of Public Economics. — 2013. — № 97. — P. 49–60.

Huynh, P. Economic Class and Labour Market Inclusion: Poor and Middle Class Workers in Developing Asia and the Pacific / P. Huynh, S. Kapsos // ILO Working Paper. — 2013, 7 August.

Ibarrarán, P. Evaluating the Impact of Job Training Programmes in Latin America: Evidence from IDB funded operations / P. Ibarrarán, D. Rosas Shady // Journal of Development Effectiveness. — 2009. — Vol. 1, № 2. — P. 195–216. — URL: <https://www.tandfonline.com/doi/abs/10.1080/19439340902918094?journalCode=rjde20> (дата обращения: 20.08.2025).

Ilkkaracan, İ. Transformations in the Gender Gaps in Paid and Unpaid Work during the COVID-19 Pandemic: Findings from Turkey / İ. Ilkkaracan, E. Memiş // Feminist Economics. — 2021. — Vol. 27, № 1–2. — P. 288–309.

ILO Modelled Estimates Database // ILOSTAT. — URL: <https://ilostat.ilo.org/data/> (дата обращения: 20.08.2025).

ILO Monitor on the World of Work. 10th ed. Multiple Crises Threaten the Global Labour Market Recovery // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/briefingnote/wcms_859255.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

ILO Monitor: COVID-19 and the World of Work. Eighth Edition. Updated Estimates and Analysis // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/briefingnote/wcms_824092.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Imbert, C. Labor Market Effects of Social Programs: Evidence from India's Employment Guarantee / C. Imbert, J. Papp // American Economic Journal: Applied Economics. — 2015. — Vol. 7, № 2. — P. 233–263.

Immervoll, H. A Good Time for Making Work Pay? / H. Immervoll, M. Pearson // Taking Stock of In-Work Benefits and Related Measures across the OECD. — Paris : OECD, 2009.

Inclusivity in the Labor Market / A. El-Ganainy [et al.] // IMF Working Paper. — 2021. — № 141.

Industrial Policy for the 21st Century: Lessons from the Past // European Commission Discussion Paper. — 2022. — № 157. — URL: https://ec.europa.eu/info/sites/default/files/economy-finance/dp157_en_industrial_policy.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Inequality Hysteresis and the Effectiveness of Macroeconomic Stabilisation Policies / L. A. Pereira da Silva [et al.]. — Bank for International Settlements (BIS), 2022.

Insolvency Report 2022 // Allianz Research : [сайт]. — 2022, 18 May. — URL: https://www.allianz-trade.com/en_global/news-insights/news/insolvency-report-2022.html (дата обращения: 20.08.2025).

Investing in Health and Social Protection Systems: An Investment Agenda Towards the SDGs // Draft for the Finance in Common Summit in Abidjan. — 2022, 18–20 Oct.

Islam, Y. Macroeconomic Policy Responses to the COVID Crisis in Emerging Market and Developing Economies: Current Outcomes and Evolving Challenges / Y. Islam // ILO Background Paper. — 2021. — № 5. — URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_840835/lang--en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

IZA COVID-19 Crisis Response Monitoring: Short-Run Labor Market Impacts of COVID-19, Initial Policy Measures and Beyond / W. Eichhorst [et al.] // IZA Research Report. — 2020. — № 98.

IZA COVID-19 Crisis Response Monitoring: The Second Phase of the Crisis Eichhorst / W. Eichhorst [et al.] // IZA Research Report. — 2021. — № 105.

Jaenichen, U. The Effectiveness of Targeted Wage Subsidies for Hard-to-place Workers / U. Jaenichen, G. Stephan // Applied Economics. — 2011. — Vol. 43, № 10. — P. 1209–1225.

Jaumotte, F. Inequality and Labor Market Institutions / F. Jaumotte, C. Osorio Buitron // IMF Staff Discussion Note. — 2015. — Iss. 014.

Jiménez-Martín, S. Hiring Subsidies for People with a Disability: Do They Work? / S. Jiménez-Martín, A. Juanmartí Mestres, J. Vall Castell // European Journal of Health Economics. — 2019. — Vol. 20, № 5. — P. 669–689.

Job Retention Schemes During COVID-19: A Review of policy responses / W. Eichhorst, P. Marx, U. Rinne, J. Brunner // ILO/IZA Institute of Labour Econom-

ics. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---emp/documents/publication/wcms_849465.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

JobsFit COVID-19 Labor Market Information Report: How the Pandemic is Reshaping the Philippine Labor Market // Department of Labor and Employment, Philippines (DOLE) : [сайт]. — 2020. — URL: <https://ble.dole.gov.ph/wp-content/uploads/2022/06/JobsFit-Covid-19-LMI-Report.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Jones, M. Disability and Labor Market Outcomes / M. Jones // IZA World of Labor. — 2021. — № 253. — P. 1–11.

Kangasharju, A. Do Wage Subsidies Increase Employment in Subsidized Firms? / A. Kangasharju // *Economica*. — 2007. — Vol. 74, № 293. — P. 51–67.

Klein, M. The Government Spending Multiplier at the Zero Lower Bound: International Evidence from Historical Data / M. Klein, R. Winkler // *Journal of Applied Econometrics*. — 2021. — Vol. 36, № 6. — P. 744–759.

Kleinknecht, A. The (Negative) Impact of Supply-side Labour Market Reforms on Productivity: An Overview of the Evidence / A. Kleinknecht // *Cambridge Journal of Economics*. — 2020. — Vol. 44, № 2. — P. 445–464.

Kluve, J. The Effectiveness of European Active Labor Market Programs / J. Kluve // *Labour Economics*. — 2010. — Vol. 17, № 6. — P. 904–918.

Kopp, D. Short-time Work and Unemployment in and after the Great Recession / D. Kopp, M. Siegenthaler // *Journal of the European Economic Association*. — 2021. — Vol. 19, № 4. — P. 2283–2321.

Krug, G. Is the Contracting-Out of Intensive Placement Services More Effective than Provision by the PES? Evidence from a Randomized Field Experiment / G. Krug, G. Stephan // IZA Discussion Paper. — 2013. — № 7403.

Kucera, D. Industrial Policies for Structural Transformation: Processes, Institutions and Methods / D. Kucera, D. Schmidt-Klau, J. Weiss // *Global Employment Policy Review 2020: Employment Policies for Inclusive Structural Transformation*. — 2020. — Chapter 1. — URL https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_735067/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Kugler, A. Do Payroll Tax Breaks Stimulate Formality? Evidence from Colombia's Reform / A. Kugler, M. Kugler, L. O. Herrera-Prada // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. — 2017. — № 23308.

Lalive, R. Unemployment Benefits, Unemployment Duration, and Post-Unemployment Jobs: A Regression Discontinuity Approach / R. Lalive // *American Economic Review*. — 2007. — Vol. 97, № 2. — P. 108–112.

Lamo, A. Does Slack Influence Public and Private Labour Interactions? / A. Lamo, E. Moral-Benito, J. Pérez // *European Central Bank Working Paper*. — 2016. — № 1890.

Landais, C. Optimal Unemployment Insurance over the Business Cycle / C. Landais, P. Michaillat, E. Saez // *National Bureau of Economic Research Working Paper*. — 2010. — № 16526.

Lastauskas, P. Labor Market Reforms and the Monetary Policy Environment / P. Lastauskas, J. Stakėnas // *European Economic Review*. — 2020. — № 128. — 103509.

Lawson, N. Social Program Substitution and Optimal Policy / N. Lawson // *Labour Economics*. — 2015. — № 37. — P. 13–27.

Levy Yeyati, E. What Works for Active Labor Market Policies? / E. Levy Yeyati, M. Montané, L. Sartorio // Center for International Development, Harvard University, Working Paper. — 2019. — № 358.

Linden, B., van der. Do In-work Benefits Work for Low-skilled Workers? / B. van der Linden // IZA World of Labor. — 2021. — № 246.

Long-Term Care in the Context of Population Ageing: What Role for Social Protection policies? // International Social Security Review. — 2022. — Vol. 75, № 3–4. — P. 19–45. — DOI: <https://doi.org/10.1111/issr.12306>.

Long-Term Impacts of Conditional Cash Transfers: Review of the Evidence / T. Molina Millán [et al.] // World Bank Research Observer. — 2019. — Vol. 34, № 1. — P. 119–159. — URL: <https://academic.oup.com/wbro/article/34/1/119/5492445> (дата обращения: 20.08.2025).

Lydon, R. Short-time Work in the Great Recession: Firm-level Evidence from 20 EU Countries / R. Lydon, T. Y. Mathä, S. Millard // IZA Journal of Labor Policy. — 2019. — Vol. 8, № 2.

Macallan, C. The Cyclicalities of Mark-ups and Profit Margins for the United Kingdom: Some New Evidence / C. Macallan, S. Millard, M. Ian Parker // Bank of England Working Paper. — 2008. — № 351. — DOI: <https://doi.org/10.2139/ssrn.1280900>.

Magruder, J. R. Intergenerational Networks, Unemployment, and Persistent Inequality in South Africa / J. R. Magruder // American Economic Journal: Applied Economics. — 2010. — Vol. 2, № 1. — P. 62–85. — URL: <https://www.jstor.org/stable/25760193> (дата обращения: 20.08.2025).

Maihold, G. A New Geopolitics of Supply Chains: The Rise of Friend-Shoring / G. Maihold // SWP Comment. — 2022 — С45. — URL: <https://www.swp-berlin.org/en/publication/a-new-geopolitics-of-supply-chains> (дата обращения: 20.08.2025).

Majid, N. The Great Employment Transformation in China / N. Majid // ILO Employment Working Paper. — 2015. — № 195. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---emp/documents/publication/wcms_423613.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Majid, N. Young Persons Not in Employment and Education (NEET) in India: 2000–2019 / N. Majid // ILO Research Brief. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/---ro-bangkok/---sro-ew-delhi/documents/publication/wcms_789243.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Manning, C. Choosy Youth or Unwanted Youth? A Survey of Unemployment / C. Manning, P. N. Junankar // Economics of the Labour Market. — London : Palgrave Macmillan, 1998. — P. 204–235. — URL: https://link.springer.com/chapter/10.1057/9781137555199_13 (дата обращения: 20.08.2025).

Marinescu, I. Unemployment Insurance and Job Search Behavior / I. Marinescu, D. Skandalis // Quarterly Journal of Economics. — 2021. — Vol. 136, № 2. — P. 887–931.

Martínez, A. C. Childcare Effects on Maternal Employment: Evidence from Chile / A. C. Martínez, M. Peticarà // Journal of Development Economics. — 2017. — № 126. — P. 127–137.

McKenzie, D. How Effective are Active Labor Market Policies in Developing Countries? A Critical Review of Recent Evidence / D. McKenzie // World Bank Research Observer. — 2017. — Vol. 32, № 2. — P. 127–154.

Melitz, M. J. Heterogeneous Firms and Trade / M. J. Melitz, S. J. Redding // Handbook of International Economics / edited by G. Gopinath, E. Helpman, K. Rogoff. — Amsterdam : Elsevier, 2014. — Vol. 4. — P. 1–54.

Milanovic, B. The Three Eras of Global Inequality, 1820–2020 with the Focus on the Past Thirty Years / B. Milanovic // SocArXiv Papers. — 2022. — DOI: <https://doi.org/10.31235/osf.io/yg2h9>.

Milner, C. The Impact of Exporting and Export Destination on Manufacturing Wages: Evidence for Sub-Saharan Africa / C. Milner, V. Tandrayen // Review of Development Economics. — 2007. — Vol. 11, № 1. — P. 13–30.

Monatsbericht zum Arbeits- und Ausbildungsmarkt // Bundesagentur für Arbeit : [сайт]. — 2022, August. — URL: https://www.arbeitsagentur.de/datei/arbeitsmarktbericht-august-2022_ba147616.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Muralidharan, K. General Equilibrium Effects of (Improving) Public Employment Programs: Experimental Evidence from India / K. Muralidharan, P. Niehaus, S. Sukhtankar // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2018. — № 32838.

National Employment Recovery Strategy // Department of Labor and Employment, Philippines (DOLE) : [сайт]. — 2021. — URL: <https://ble.dole.gov.ph/ners/> (дата обращения: 20.08.2025).

Nebuloni, V. National Employment Policies and Environmental Sustainability: Forging Stronger Ties / V. Nebuloni, C. Ernst, D. Epifanio // Global Employment Policy Review 2020: Employment Policies for Inclusive Structural Transformation. — 2020. — Chapter 4. — URL: https://www.ilo.org/employment/Whatwedo/Publications/WCMS_735073/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

NEETs — Young People not in Employment, Education or Training: Characteristics, Costs and Policy Responses in Europe. — Luxembourg : Publications Office of the European Union // Eurofound : [сайт]. — 2012. — URL: https://www.eurofound.europa.eu/sites/default/files/ef_publication/field_ef_document/ef1254en.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Neff, D. The Puzzling Decline in Rural Women's Labour Force Participation in India: A Re-Examination / D. Neff, K. Sen, V. Kling // GIGA Research Institute Working Paper. — 2012. — № 196. — URL: https://www.files.ethz.ch/isn/143184/wp196_neffsen-kling.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Nekoei, A. Does Extending Unemployment Benefits Improve Job Quality? / A. Nekoei, A. Weber // American Economic Review. — 2017. — Vol. 107, № 2. — P. 527–561.

Neumark, D. Does a Higher Minimum Wage Enhance the Effectiveness of the Earned Income Tax Credit? / D. Neumark, W. Wascher // ILR Review. — 2011. — Vol. 64, № 4. — P. 712–746.

Neumark, D. Employment Effects of Minimum Wages: When Minimum Wages are Introduced or Raised, Are There Fewer Jobs? / D. Neumark // IZA World of Labor. — 2018. — № 6.

Neumark, D. The Employment Effects of State Hiring Credits / D. Neumark, D. Grijalva // ILR Review. — 2017. — Vol. 70, № 5. — P. 1111–1145.

Nichols, A. The Earned Income Tax Credit / A. Nichols, J. Rothstein // Economics of Means-Tested Transfer Programs in the United States / edited by R. A. Moffitt. — Chicago : University of Chicago Press, 2016. — Vol. 1. — P. 137–218.

Non-standard Employment around the World: Understanding Challenges, Shaping Prospects. Geneva : International Labour Office, 2016.

Non-standard Work and Innovation: Evidence from European Industries / J. Reljic, A. Cetrulo, V. Cirillo, A. Coveri // *Economics of Innovation and New Technology*. — 2021.

O'Higgins, N. A NEET Overview: Trends, Issues and Policies Regarding Young People Who Are Neither in Education, Employment nor Training / N. O'Higgins, A. Barford, A. Coutts // *ILO Working Paper*. — Geneva, 2017.

O'Higgins, N. Complementarities Between Labour Market Institutions and Their Causal Impact on Youth Labour Market Outcomes / N. O'Higgins, G. Pica // *B. E. Journal of Economic Analysis and Policy*. — 2020. — Vol. 20, № 3. — P. 1–37. — URL: <https://www.degruyter.com/document/doi/10.1515/bejeap-2018-0165/html?lang=en> (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Crowdwork for Young People: Risks and Opportunities / N. O'Higgins, L. Pinedo Caro // *ILO Working Paper*. — 2022. — № 50. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_837670.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Institutions and Youth Labour Markets in Europe During the Crisis / N. O'Higgins // *Economic Policy and the Financial Crisis* / edited by P. Tridico, L. Mamica. — Abingdon : Routledge, 2014. — P. 90–114. — URL: <https://www.routledge.com/Economic-Policy-and-the-Financial-Crisis/Mamica-Tridico/p/book/9780415787222> (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Macroeconomic and Sectoral Issues in Youth Employment Policy / N. O'Higgins, M. Ebell, R. Junankar // *Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues* / edited by N. O'Higgins. — ILO, 2017. — P. 13–29. — URL: https://www.researchgate.net/publication/348936565_Macroeconomic_and_sectoral_issues_in_youth_employment_policy (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. On the Nature of the Impact of the COVID-19 Pandemic on Youth Labour Markets: A Cross-country Analysis / N. O'Higgins, A. Elsheikhi, S. Verick // Paper presented at the 7th Regulating for Decent Work Conference. — Geneva : ILO, 2021. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---inst/documents/genericdocument/wcms_818024.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues / N. O'Higgins // *International Labour Organization (ILO)* : [сайт]. — 2017. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_556949.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. The Impact of the Economic and Financial Crisis on Youth Employment: Measures for Labour Market Recovery in the European Union, Canada and the United States / N. O'Higgins // *ILO Employment Working Paper*. — 2011. — № 70. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_154365.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Young People Not in Employment, Education or Training / N. O'Higgins // *ILO/SIDA Technical Brief*. — 2019. — № 3. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_735164.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

O'Higgins, N. Youth Unemployment and Employment Policy in Global Perspective / N. O'Higgins // *International Labour Organization (ILO)* : [сайт] — 2001. — URL: https://www.researchgate.net/publication/44829351_Youth_unemployment_and_employment_policy_A_global_perspective (дата обращения: 20.08.2025).

O'Neill, D. Intergenerational Mobility in Britain: Evidence from Unemployment Patterns / D. O'Neill, O. Sweetman // Oxford Bulletin of Economics and Statistics. — 1998. — Vol. 60, № 4. — P. 431–447. — URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/full/10.1111/1468-0084.00108> (дата обращения: 25.08.2025).

Obstfeld, M. Uncoordinated Monetary Policies Risk a Historic Global Slowdown // Obstfeld, Maurice. Peterson Institute for International Economics. — 2022. — URL: <https://www.piie.com/blogs/realtime-economic-issues-watch/uncoordinated-monetary-policies-risk-historic-global-slowdown> (дата обращения: 20.08.2025).

Oesch, D. What Explains High Unemployment among Low-skilled Workers? Evidence from 21 OECD Countries / D. Oesch // European Journal of Industrial Relations. — 2010. — Vol. 16, № 1. — P. 39–55.

Olivetti, C. The Economic Consequences of Family Policies: Lessons from a Century of Legislation in High-income Countries / C. Olivetti, B. Petrongolo // Journal of Economic Perspectives. — 2017. — Vol. 31, № 1. — P. 205–230.

Orlandi, F. Structural Unemployment and its Determinants in the EU Countries / F. Orlandi // European Commission Economic Papers. — 2012. — № 455.

Page Not Found // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — URL: <https://ilostat.ilo.org/resources/concepts-and-definitions/description-labour-force-statistics/> (дата обращения: 20.08.2025).

Parker, S. W. Conditional Cash Transfers: The Case of “Progres/Oportunidades” / S. W. Parker P. E. Todd // Journal of Economic Literature. — 2017. — Vol. 55, № 3. — P. 866–915. — URL: <https://www.aeaweb.org/articles?id=10.1257/jel.20151233> (дата обращения: 20.08.2025).

Pegels, A. Germany: The Energy Transition as a Green Industrial Development Agenda / A. Pegels // Green Industrial Policy: Concept, Policies, Country Experiences / edited by T. Altenburg, C. Assmann. — 2017. — Chapter 11. — URL: <https://www.idos-research.de/buchveroeffentlichungen/article/green-industrial-policy-concept-policies-country-experiences/>. (дата обращения: 20.08.2025).

Pettis, M. China's Overextended Real Estate Sector Is a Systemic Problem / M. Pettis // China Financial Markets. — 2022, 24 August. — URL: <https://carnegieendowment.org/chinafinancialmarkets/87751.54> (дата обращения: 20.08.2025).

Pianta, M. Employment Quality, Economic Performance and Wages in Europe: Exploring the Virtuous Circle / M. Pianta, J. Reljic // Munich Personal RePEc Archive Paper. — 2021. — № 109797.

Pignatti, C. Better Together: Active and Passive Labor Market Policies in Developed and Developing Economies // C. Pignatti, E. van Belle // IZA Journal of Development and Migration. — 2021. — Vol. 12, № 1. — P. 1–27.

Pinedo Caro, L. Young People and the Gig-economy / L. Pinedo Caro, N. O'Higgins, J. Berg // Is the Future Ready for Youth? Youth Employment Policies for Evolving Labour Markets / edited by S. Dasgupta, J. Chacaltana. — 2021. — P. 38–52. — URL: https://www.researchgate.net/publication/351160461_Young_people_and_the_gig_economy (дата обращения: 20.08.2025).

Pissarides, C. A. Equilibrium Unemployment Theory / C. A. Pissarides. — Cambridge, M. A. : MIT Press, 2000.

Policy Responses to the Economic Crisis: Investing in Innovation for Long-Term Growth. — Paris : OECD, 2009.

Poverty: Development news. — URL: <https://www.worldbank.org/en/topic/poverty> (дата обращения: 20.08.2025).

Prasad, E. Assessing the G-20 Stimulus Plans: A Deeper Look / E. Prasad, I. Sorkin. — Washington, D. C. : Brookings Institute, 2009.

Preventing Exclusion from the Labour Market: Tackling the COVID-19 Youth Employment Crisis // ILO Policy Brief. — 2020. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/documents/publication/wcms_746031.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Price Spike Caused by Ukraine War Will Push Over 40 Million into Poverty: How Should We Respond? // Center for Global Development : [сайт]. — 2022. — URL: <https://www.cgdev.org/blog/price-spike-caused-ukraine-war-will-push-over-40-million-poverty-how-should-we-respond> (дата обращения: 20.08.2025).

Promoting Employment Opportunities for People with Disabilities: Quota Schemes // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2019. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_emp/---ifp_skills/documents/publication/wcms_735531.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Public Works as a Safety Net: Design, Evidence and Implementation / K. Subbarao, C. del Ninno, C. Andrews, C. Rodríguez-Alas. — Washington, D. C. : World Bank, 2012.

Ramey, V. A. Government Spending Multipliers in Good Times and in Bad: Evidence from US Historical Data / V. A. Ramey, S. Zubairy // Journal of Political Economy. — 2018. — Vol. 126, № 2. — P. 850–901.

Ramey, V. A. Ten Years After the Financial Crisis / V. A. Ramey // The Journal of Economic Perspectives. — 2019. — Vol. 33, № 2. — P. 89–114.

Razavi, S. The Political and Social Economy of Care in a Development Context: Conceptual Issues, Research Questions and Policy Options / S. Razavi // UNRISD. — 2007. — URL: <https://cdn.unrisd.org/assets/library/papers/pdffiles/razavi-paper.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Recent Trackers // Institute of International Finance : [сайт]. — URL: <https://www.iif.com/Products/Capital-Flows-Tracker> (дата обращения: 20.08.2025).

Rees, D. Bottlenecks: Causes and Macroeconomic Implications / D. Rees, P. Rungcharoenkitkul // BIS Bulletin. — 2021. — № 48. — URL: <https://www.bis.org/publ/bisbull48.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

Rehwal, K. Do Public or Private Providers of Employment Services Matter for Employment? Evidence from a Randomized Experiment / K. Rehwal, M. Rosholm, M. Svarer // Labour Economics. — 2017. — № 45. — P. 169–187.

Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2018. — URL: http://www.ilo.ch/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_230304.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Resolution I: Resolution concerning statistics of work, employment and labour underutilization // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2013. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---stat/documents/normativeinstrument/wcms_230304.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Rising to the Youth Employment Challenge: New Evidence on Key Policy Issues // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2017. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---ubl/documents/publication/wcms_556949.pdf.

Rodrik, D. Building a Good Jobs Economy / D. Rodrik, C. Sabel // Harvard University. — 2019. — URL: <https://drodrik.scholar.harvard.edu/publications/building-good-jobs-economy> (дата обращения: 20.08.2025).

Rodrik, D. Fixing Capitalism's Good Jobs Problem / D. Rodrik, S. Stantcheva // Oxford Review of Economic Policy. — 2021. — Vol. 37, № 4. — P. 824–837.

Rodrik, D. Green Industrial Policy / D. Rodrik // Oxford Review of Economic Policy. — 2019. — Vol. 30, № 3. — P. 469–491. — URL: https://drodrik.scholar.harvard.edu/files/dani-rodrik/files/green_industrial_policy.pdf.

Rodrik, D. Industrial Policy for the Twenty-First Century / D. Rodrik. — Harvard : Harvard University Press, 2004.

Rothstein, J. Is the EITC Equivalent to an NIT? Conditional Cash Transfers and Tax Incidence / J. Rothstein // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2009. — № 14966.

Saez, E. Hysteresis from Employer Subsidies / E. Saez, B. Schoefer, D. Seim // Journal of Public Economics. — 2021. — № 200. — 104459.

Schmieder, J. F. The Effects of Extended Unemployment Insurance over the Business Cycle: Evidence from Regression Discontinuity Estimates over 20 Years / J. F. Schmieder, T. von Wachter, S. Bender // Quarterly Journal of Economics. — 2012. — Vol. 127, № 2. — P. 701–752.

Schmieder, J. F. The Effects of Unemployment Insurance Benefits: New Evidence and Interpretation / J. F. Schmieder, T. von Wachter // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2016. — № 22564.

Sheiner, L. How Much Is Long COVID Reducing Labor Force Participation? Not Much (So Far) / L. Sheiner, N. Salwati // Hutchins Center Working Paper. — 2022. — № 80. — URL: https://www.brookings.edu/wp-content/uploads/2022/10/WP80-Sheiner-Salwati_10.27.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Shimer, R. The Cyclical Behavior of Equilibrium Unemployment and Vacancies / R. Shimer // American Economic Review. — 2005. — Vol. 95, № 1. — P. 25–49.

Social Assistance and Labor Market Outcomes: Evidence from the Uruguayan PANES / V. Amarante, M. Manacorda, A. Vigorito, M. Zerpa // IDB Technical Note. — 2011. — № IDB-TN-453.

Social Dialogue Report 2022: Collective Bargaining for an Inclusive, Sustainable and Resilient Recovery // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_842807.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Social Protection and Jobs Responses to COVID-19: A Real-Time Review of Country Measures / U. Gentilini [et al.]. — Washington, D. C. : World Bank, 2021.

Song, H. Subsidy Policy Selection of Elderly Care Service Projects Under Uncertain Actual Demand: A Real Options Analysis Based on China's Experience / H. Song, K. Ji, T. Sun // BMC Geriatrics. — 2022. — № 22. — URL: <https://bmgeriatr.biomedcentral.com/articles/10.1186/s12877-021-02690-0>. (дата обращения: 20.08.2025).

Soosaar, O. Does Raising the Pension Age Prolong Working Life? Evidence from Pension Age Reform in Estonia / O. Soosaar, A. Puur, L. Leppik // Journal of Pension Economics and Finance. — 2021. — Vol. 20, № 2. — P. 317–335.

Staubli, S. Does Raising the Early Retirement Age Increase Employment of Older Workers? / S. Staubli, J. Zweimüller // Journal of Public Economics. — 2013. — № 108. — P. 17–32.

Stepanyan, A. Fiscal Policy Implications for Labor Market Outcomes in Middle-Income Countries / A. Stepanyan, L. Leigh // IMF Working Paper. — 2015. — № 17.

Stiglitz, J. The Rejuvenation of Industrial Policy / J. Stiglitz, J. Lin, C. Monga // World Bank Policy Research Working Paper. — 2013. — № 6628. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/16845> (дата обращения: 20.08.2025).

Stoevska, V. International Day of Persons with Disabilities: How Disability Affects Labour Market Outcomes / V. Stoevska // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2020. — URL: <https://ilostat.ilo.org/international-day-of-persons-with-disabilities-how-disability-affects-labour-market-outcomes/> (дата обращения: 20.08.2025).

Stoica, E. Sectoral Policies in the Post-COVID-19 Period / E. Stoica, L. Radu // Pesquisa no novo Portal da : [сайт]. — 2021. — URL: <https://pesquisa.bvsalud.org/global-literature-on-novel-coronavirus-2019-ncov/resource/en/covidwho-1441742> (дата обращения: 20.08.2025).

Strengthening the Credibility of Public Finances, Fiscal Monitor // International Monetary Fund (IMF). — 2021, October. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/FM/Issues/2021/10/13/fiscal-monitoroctober-2021> (дата обращения: 20.08.2025).

Strengthening the Euro Area: The Role of National Structural Reforms in Building Resilience / S. Aiyar [et al.] // IMF Staff Discussion Note. — 2019. — № SDN/19/05.

Stulpin, C. Global Prevalence of Long COVID “Substantial”, Researchers Say / C. Stulpin // Healio. — 2022, 1 May. — URL: <https://www.healio.com/news/infectious-disease/20220425/global-prevalence-of-long-covid-substantial-researchers-say> (дата обращения: 20.08.2025).

Switching from Payroll Taxes to Corporate Income Taxes: Firms’ Employment and Wages after the 2012 Colombian Tax Reform / R. Bernal, M. Eslava, M. Meléndez, A. Pinzón // *Economía*. — 2017. — Vol. 18, № 1. — P. 41–74.

Tatsiramos, K. Labor Market Effects of Unemployment Insurance Design / K. Tatsiramos, J. C. van Ours // *Journal of Economic Surveys*. — 2014. — Vol. 28, № 2. — P. 284–311.

Tessier, L. Long-term Care in the Context of Population Ageing: A Rights-based Approach to Universal Coverage / L. Tessier, N. de Wulf, Y. Momose // ILO Working Paper. — 2022. — № 82. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_protect/---soc_sec/documents/publication/wcms_858784.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Tessier, L. Long-term Care in the Context of Population Ageing: What Role for Social Protection policies? / L. Tessier, N. de Wulf, Y. Momose // *International Social Security Review*. — 2022. — Vol. 75, № 3–4. — P. 19–45. — DOI: <https://doi.org/10.1111/issr.12306>.

The 2022 Global Talent Shortage // ManpowerGroup : [сайт]. — 2022. — URL: <https://go.manpowergroup.com/hubfs/Talent%20Shortage%202022/MPG-Talent-Shortage-Infographic-2022.pdf> (дата обращения: 20.08.2025).

The Monetary Policy Response to COVID-19: The Role of Asset Purchase Programmes // UN DESA Policy Brief. — 2022. — № 129. — URL: <https://www.un.org/development/desa/dpad/publication/un-desa-policy-brief-no-129-themonetary-policy-response-to-covid-19-the-role-of-asset-purchase-programmes/> (дата обращения: 20.08.2025).

The OECD Jobs Study: Facts, Analysis, Strategies. — Paris : OECD, 1994.

The State of Food Security and Nutrition in the World 2022: Repurposing Food and Agricultural Policies to Make Healthy Diets More Affordable. — 2022. — DOI: <https://doi.org/10.4060/cc0639en>.

The Tides Are Turning: 2021 Reshoring Index // Kearney : [сайт]. — 2021. — URL: [https://www.kearney.com/consumer-retail/article/-/insights/the-2021-reshoring-index-the-tides-are-turning#:~:text=Our%20latest%20Reshoring%20Index%20is,Manufacturing%20Import%20Ratio%20\(MIR\)](https://www.kearney.com/consumer-retail/article/-/insights/the-2021-reshoring-index-the-tides-are-turning#:~:text=Our%20latest%20Reshoring%20Index%20is,Manufacturing%20Import%20Ratio%20(MIR)) (дата обращения: 20.08.2025).

Thévenon, O. Drivers of Female Labour Force Participation in the OECD / O. Thévenon // OECD Social, Employment and Migration Working Paper. — 2013. — № 145.

Tinios, P. Men, Women and Pensions / P. Tinios, F. Bettio, G. Betti. — Brussels : European Commission, 2015.

Tooze, A. Chartbook № 165: Polycrisis — Thinking on the Tightrope / A. Tooze // Chartbook. — 2022, 29 October. — URL: <https://adamtooze.substack.com/p/chartbook-165-polycrisis-thinking> (дата обращения: 20.08.2025).

Towards a Methodology to Estimate the social costs and benefits of the YG / M. Green, S. Hedges, V. Nafilyan, S. Speckesser // EC–ILO Action on the Youth Guarantee, Technical Paper. — 2017. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_emp/documents/publication/wcms_583276.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Trade and Development Report 2016 // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). — 2016. — URL: <https://unctad.org/webflyer/trade-and-development-report-2016> (дата обращения: 20.08.2025).

Trade and Development Report 2022. Development Prospects in a Fractured World: Global Disorder and Regional Responses // United Nations Conference on Trade and Development (UNCTAD). — 2022. — URL: https://unctad.org/system/files/official-document/tdr2022_en.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Transforming Economies: Making Industrial Policy Work for Growth, Jobs and Development / editors by J. Salazar-Xirinachs, I. Nübler, R. Kozul-Wright // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2014. — URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_242878/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Trends in Collective Bargaining Coverage: Stability, Erosion or Decline? // ILO Issue Brief. — 2017. — № 1. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_protect/---protrav/---travaildocuments/publication/wcms_409422.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Unlocking the Lockdown: The Gendered Effects of COVID-19 on Achieving the SDGs in Asia and the Pacific // UN Women. — 2020. — URL: https://data.unwomen.org/sites/default/files/documents/COVID19/Unlocking_the_lockdown_UNWomen_2020.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Update on Economic, Financial and Monetary Developments // Economic Bulletin. — 2022. — № 3. — URL: <https://www.ecb.europa.eu/pub/economic-bulletin/html/eb202203.en.html> (дата обращения: 20.08.2025).

Update on Gender and Employment Trends 2021 // ILO Policy Brief. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/-/ed_emp/documents/publication/wcms_824865.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Verick, S. Is This Time Really Different? How the Impact of the COVID-19 Crisis on Labour Markets Contrasts with That of the Global Financial Crisis of 2008–2009 / S. Verick, D. Schmidt-Klau, S. Lee // International Labour Review. — 2022. — Vol. 161, № 1. — P. 125–148.

Verick, S. The Great Recession of 2008–2009: Causes, Consequences and Policy Responses / S. Verick, I. Islam // IZA Discussion Paper. — 2010. — № 4934.

Visser, J. The Rise and Fall of Industrial Unionism / J. Visser // Transfer: European Review of Labour and Research. — 2012. — Vol. 18, № 2. — P. 129–141. — DOI: <https://doi.org/10.1177/1024258912439160>.

Vlandas, T. Welfare State Policies and Far Right Party Support: Moderating “Insecurity Effects” among Different Social Groups / T. Vlandas, D. Halikiopoulou // West European Politics. — 2022. — Vol. 45, № 1. — P. 24–49.

Vodopivec, M. Comparing Unemployment Insurance and Unemployment Assistance / M. Vodopivec // World Bank Employment Policy. — 2004. — № 3.

Vroman, W. Unemployment Insurance and Unemployment Assistance: A Comparison / W. Vroman // World Bank Social Protection Discussion Paper. — 2002. — № 24084

Wages and the Value of Nonemployment / S. Jäger, B. Schoefer, S. Young, J. Zweimüller // The Quarterly Journal of Economics. — 2020. — Vol. 135, № 4. — P. 1905–1963.

WFP Global Operational Response Plan 2022: Update № 6 // World Food Programme (WFP). — 2022. — URL: <https://www.wfp.org/publications/wfp-global-operational-response-plan-update-6-november-2022> (дата обращения: 20.08.2025).

What is the Effect of Changing Eligibility Criteria for Disability Benefits on Employment? A Systematic Review and Meta-analysis of Evidence from OECD Countries / P. McHale [et al.] // PLoS ONE. — 2020. — Vol. 15, № 12. — P. 1–19.

What Works? Active Labour Market Policies in Latin America and the Caribbean // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2016. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_492373.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

When More Flexibility Yields More Fragility: The Microfoundations of Keynesian Aggregate Unemployment / G. Dosi, M. C. Pereira, A. Roventini, M. E. Virgillito // Journal of Economic Dynamics and Control. — 2017. — № 81. — P. 162–186.

Who on Earth Can Work from Home? // World Bank Working Paper. — 2020. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/handle/10986/34277#:~:text=The%20ability%20to%20telework%20is,lagging%20regions%2C%20and%20poor%20workers> (дата обращения: 20.08.2025).

Who Will Bear the Brunt of Lockdown Policies? Evidence from Tele-workability Measures across Countries // IMF Working Paper. — 2020. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WP/Issues/2020/06/12/Who-will-Bear-the-Brunt-of-Lockdown-Policies-Evidence-from-Tele-workability-Measures-Across-49479.1> (дата обращения: 20.08.2025).

Why Do Sectoral Employment Programs Work? Lessons from WorkAdvance / L. F. Katz, J. Roth, R. Hendra, K. Schaberg // National Bureau of Economic Research Working Paper. — 2020. — № 28248.

Women and Men in the Informal Economy: A Statistical Picture // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2018. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/documents/publication/wcms_626831.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Woodford, M. Simple Analytics of the Government Expenditure Multiplier / M. Woodford // American Economic Journal: Macroeconomics. — 2011. — Vol. 3, № 1. — P. 1–35.

Working on a Warmer Planet: The Impact of Heat Stress on Labour Productivity and Decent Work // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2019. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---dgreports/---dcomm/---publ/documents/publication/wcms_711919.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

World Development Report 2007: Development and the Next Generation. Washington, D. C. : World Bank, 2006 // World Bank : [сайт]. — 2006. — URL: <https://openknowledge.worldbank.org/entities/publication/8bc09fdb-00c1-5ef7-b76f-4988c8922362> (дата обращения: 20.08.2025).

World Economic Outlook: Countering the Cost-of-Living Crisis // International Monetary Fund (IMF). — 2022. — URL: <https://www.imf.org/en/Publications/WEO/Issues/2022/10/11/world-economic-outlook-october-2022> (дата обращения: 20.08.2025).

World Employment and Social Outlook 2018: Greening with Jobs // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2018. — URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_628654/lang-en/index.htm.

World Employment and Social Outlook: Trends 2020 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2020. — URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/2020/lang-en/index.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

World Employment and Social Outlook: Trends 2021 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2021/WCMS_795453/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

World Employment and Social Outlook: Trends 2022 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends2022/WCMS_834081/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

World Employment and Social Outlook: Trends 2023 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2023. — URL: https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/WCMS_865332/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

World Employment and Social Outlook: Trends for Women 2017 // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2017. — URL: <https://www.ilo.org/global/research/global-reports/weso/trends-for-women2017/lang-en/index.htm> (дата обращения: 20.08.2025).

World Social Protection Report 2017–2019: Universal Social Protection to Achieve the Sustainable Development Goals. — Geneva : International Labour Office, 2017.

World Social Protection Report 2020–2022: Social Protection at the Crossroads — in Pursuit of a Better Future // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2021. — URL: https://www.ilo.org/global/publications/books/WCMS_817572/lang-en/index.htm (дата обращения: 20.08.2025).

Youth Not in Employment, Education or Training in Asia and the Pacific: Trends and Policy Considerations // International Labour Organization (ILO) : [сайт]. — 2022. — URL: https://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---asia/--ro-bangkok/documents/publication/wcms_860568.pdf (дата обращения: 20.08.2025).

Youth Unemployment Rate (indicator) / OECD. — 2021. — DOI: <https://doi.org/10.1787/c3634df7-en>.

Zimmermann, L. Why Guarantee Employment? Evidence from a Large Indian Public-Works Program / L. Zimmermann // Global Labor Organization Discussion Paper. — 2020. — № 504.

Zusammenhang zwischen Materialknappheit und Industrieaktivität // Destatis (Federal Statistical Office of Germany). — 2022. — Statistisches Bundesamt. — URL: <https://www.destatis.de/DE/Themen/Branchen-Unternehmen/Industrie-Verarbeitendes-Gewerbe/materialknappheit/industrieaktivitaet.html> (дата обращения: 20.08.2025).

ГЛОССАРИЙ

Безработица — проявление макроэкономической нестабильности, выражается в превышении предложения над спросом рабочей силы, при этом экономически активное население не занято в хозяйственной деятельности страны и находится в активном поиске работы. Бывает различных видов: фрикционная, структурная, циклическая, сезонная.

Безработные — лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период соответствовали следующим критериям: не имели работы (доходного занятия), занимались поиском работы в течение четырех недель, предшествующих обследуемой неделе; были готовы приступить к работе в течение обследуемой недели.

Вакансия — незанятая должность; рабочее место, которое работодатель намерен заполнить при появлении приемлемого претендента.

Внутренняя миграция — перемещение трудовых ресурсов между регионами страны или городами и селами, при этом численность населения государства не изменяется.

Внешняя (международная) трудовая миграция — перемещение трудовых ресурсов между странами. При внешней миграции численность населения государства изменяется: увеличивается за счет иммигрантов (людей, переселившихся в данное государство) и уменьшается за счет эмигрантов (людей, которые выехали за пределы данного государства).

Государственная политика занятости — часть социально-экономической политики государства, направленная на разрешение проблем занятости населения в экономике на основе повышения эффективности программ обеспечения занятости, развития системы социального партнерства, стимулирования мобильности экономически активного населения и усиления гибкости рынка труда.

Государственная служба занятости — система государственных учреждений и организаций, созданная для реализации политики занятости населения, оказания содействия гражданам в трудоустройстве и контроля за соблюдением прав граждан на труд и занятость. Структурно все органы государственной службы занятости делятся на три уровня: федеральный уровень (Федеральная служба по труду и занятости — Роструд); уровень субъекта РФ (Управление государственной службы занятости); уровень местного самоуправления (центры занятости населения).

Дендустриализация — процесс социальных и экономических изменений, вызванных снижением или полным прекращением индустриальной активности в регионе или стране.

Демографическая политика — политика государства, осуществляемая с целью воздействия на процессы воспроизводства населения и на изменение в нужном направлении или сохранение их параметров.

Деятельность по предоставлению труда работников — временное направление работодателем своих работников с их согласия к физическому или юридическому лицу, не являющемуся работодателем этих работников, для выполнения ими определенных трудовыми договорами функций в интересах, под управлением и контролем принимающей стороны.

Естественная убыль населения — разница между числом умерших и числом родившихся.

Заемный труд — труд, осуществляемый работником по распоряжению работодателя в интересах, под управлением и контролем физического или юридического лица, не являющегося работодателем данного работника. С 1 января 2016 года вступил в силу Закон о запрете заемного труда.

Занятость населения — важнейший параметр функционирования рынка труда. Уровень занятости характеризует развитие экономики в стране, уровень благосостояния народа. Занятость выражает меру включения населения в трудовую деятельность, степень удовлетворения потребностей общества в рабочей силе, степень удовлетворения интересов людей в оплачиваемых рабочих местах и получении дохода. Занятость как экономическое явление имеет демографическую и социальную составляющие. То есть, с одной стороны, она зависит от демографических процессов, а с другой — от социальной политики, проводимой в государстве.

Занятые в экономике — лица в возрасте 15–72 лет, которые в обследуемый период выполняли любую деятельность, связанную с производством товаров или оказанием услуг за оплату или прибыль. В число занятых включаются также лица, временно отсутствовавшие на рабочем месте в течение короткого промежутка времени и сохранившие связь с рабочим местом во время отсутствия.

Заработная плата — вознаграждение за труд в зависимости от квалификации работника, сложности, количества, качества и условий выполняемой работы, а также компенсационные и стимулирующие выплаты.

Квота на иностранную рабочую силу — разрешение на наем иностранной рабочей силы в установленных пределах. Размер квоты устанавливается в законодательном порядке Правительством РФ на основе прогнозов социально-экономического развития субъекта РФ.

Материнский (семейный) капитал — дополнительная государственная поддержка семей, имеющих детей, в виде средств федерального бюджета, передаваемых в бюджет Социального фонда РФ (СФР).

Миграция — реально состоявшийся статистически фиксируемый факт перемещения населения.

Миграционная политика — совокупность правил и законов, направленных на контроль за иностранными гражданами, находящимися на территории чужого государства.

Миграционная мобильность населения — способность (склонность) населения к миграции, которая не всегда может реализоваться в силу разных

причин. На миграционную мобильность влияют следующие факторы: наличие (отсутствие) вакантных рабочих мест; наличие (отсутствие) свободно-го и дешевого жилого фонда; социально-экономическая стабильность территории.

Миграционный поток — совокупность территориальных перемещений населения, совершающихся в определенное время в рамках определенной территориальной системы. Выделяют пять основных групп миграционных потоков: вынужденная миграция, внешняя миграция, внешняя трудовая миграция, незаконная миграция, внутренняя социально-экономическая миграция.

Мировой рынок труда — система механизмов, норм и институтов, обеспечивающих взаимодействие спроса на труд и его предложения на межгосударственном уровне. Формой существования мирового рынка труда является трудовая миграция.

Молодежь — особая социально-возрастная группа людей, которая отличается возрастными рамками и своим статусом в обществе. Возрастными рамками молодежи, проживающей в Российской Федерации, считается возраст от 15 до 29 лет включительно.

Молодежная биржа труда — организация, основной целью которой является содействие занятости, приобщение к труду подростков. В задачи молодежной биржи труда входит содействие в поиске подходящей работы, организация временного трудоустройства несовершеннолетних в свободное от учебы время, организация ярмарок вакансий и учебных рабочих мест и др.

Научно-технический прогресс (НТП) — это поступательное движение науки и техники, эволюционное развитие всех элементов производительных сил общественного производства на основе широкого познания и освоения внешних сил.

Нелегальная миграция — миграция с нарушением миграционного законодательства государства.

Неформальная занятость (теневая занятость) — вид занятости, при котором факт трудовых отношений между работником и работодателем скрывается от официальных властей.

Пособие по безработице — регулярная государственная социальная денежная выплата лицам, признанным по закону безработными, в установленном надлежащем порядке. Пособие по безработице в России выплачивается тем резидентам РФ, которые встали на учет в службе занятости. Выплата пособий по безработице регулируется Законом «О занятости населения в РФ».

Правовая база занятости и трудоустройства — целостная система нормативных правовых актов, в которую входят, с одной стороны, нормативные правовые акты, регулирующие вопросы занятости и трудоустройства, а с другой — акты, регулирующие иные общественные отношения, содержащие отдельные нормы, затрагивающие отношения занятости.

Рабочая сила — лица в возрасте 15–72 лет, которые в рассматриваемый период считаются занятыми или безработными.

Реиндустриализация — процесс интенсивного экономического роста при помощи повышения эффективности использования ресурсов с целью производства и реализации конкурентоспособных товаров.

Рынок труда — сфера формирования спроса и предложения на рабочую силу.

Резидент — юридическое или физическое лицо, постоянно зарегистрированное или постоянно проживающее в данной стране, на которое в полной мере распространяется национальное законодательство.

Скрытая безработица — вид безработицы, который характеризуется фактическим отсутствием занятости при формальном сохранении трудовых взаимоотношений с работодателем.

Средняя продолжительность жизни — интегральный демографический показатель, характеризующий уровень смертности населения, выражаемый числом лет, которое в среднем предстоит прожить лицам, родившимся или достигшим определенного возраста в данном календарном году, если предположить, что на всем протяжении их жизни смертность в каждой возрастной группе будет такой, какой она была в этом же году.

Структура занятости — в известной степени отражает общую структуру экономики и изменяется в значительной степени под ее влиянием. Выделяют отраслевую, профессионально-квалификационную, половозрастную, территориально-региональную и другие структуры занятости.

Трудоспособный возраст — возраст, в котором человек, способный к трудовой деятельности, имеет право трудиться. Трудоспособным для мужчин считается возраст — 16–59 лет, женщин — 16–54 года.

Трудовая миграция — вид миграции, отражающий перемещение людей в связи с занятостью и поиском работы.

Трудовые ресурсы страны — часть населения, фактически занятая в экономике или незанятая, но способная к труду по возрасту и состоянию здоровья. Трудовые ресурсы обладают количественными и качественными характеристиками. К количественным параметрам относятся общая численность трудоспособного населения, количество отработанного рабочего времени и др. К качественным параметрам относятся состояние здоровья, физическая дееспособность, уровень общеобразовательной, профессионально-квалификационной подготовки.

Частное агентство занятости — организация, аккредитованная на право осуществления деятельности по предоставлению труда работников. Федеральным органом исполнительной власти, уполномоченным на проведение аккредитации ЧАЗ, определен Роструд (Федеральная служба по труду и занятости РФ).

Уровень занятости — отношение численности занятого населения определенной возрастной группы к общей численности населения соответствующей возрастной группы, рассчитанное в процентах.

Уровень рождаемости — демографический показатель, который определяется как количество родившихся за определенный промежуток времени в расчете на 1 тыс. жителей.

Уровень смертности — демографический показатель, отражающий состояние здоровья общества. Характеризует экономическое и социальное здоровье государства, отражает эффективность государственной социальной политики.

Человеческий капитал — знания, навыки и способности человека, которые содействуют росту его производительной силы. Человеческий капитал, по определению большинства экономистов, состоит из приобретенных знаний, навыков, мотивации и энергии, которыми наделены индивиды и которые могут использоваться в течение определенного периода времени в целях производства товаров и услуг. Формирование человеческого капитала осуществляется на трех уровнях: индивидуальном, организационном, государственном.

Экономически активное население — часть населения, обеспечивающая предложение рабочей силы для производства товаров и услуг. Численность экономически активного населения включает занятых и безработных.

В серии Санкт-Петербургского Гуманитарного университета профсоюзов «Социально-трудовые конфликты», открытой в 2017 году, публикуются труды видных специалистов в области конфликтологии и представителей российских профсоюзов

1. МОНИТОРИНГ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ: ТЕОРИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

Рассматриваются концептуальные подходы к изучению социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт мониторинга социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах. Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

2. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: ПЕРСПЕКТИВНЫЕ МОДЕЛИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

Рассматриваются теоретические и методологические проблемы построения моделей социального партнерства в контексте социально-трудовых конфликтов, обобщается отечественный и зарубежный опыт моделирования социальных процессов, раскрываются организационные и технологические аспекты функционирования автоматизированной системы сбора и обработки информации о социально-трудовых конфликтах и перспективных моделях социального партнерства. Подготовлено в развитие исследовательского проекта, осуществленного на базе Научно-мониторингового центра «Трудовые конфликты» СПбГУП.

3. ТРУДОВОЙ АРБИТРАЖ В СФЕРЕ КОЛЛЕКТИВНЫХ СПОРОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография отражает исследование деятельности трудовых арбитров на этапах посредничества и трудового арбитража, содержит анализ роли государства как гаранта обеспечения соблюдения и защиты прав и свобод граждан, в частности трудовых прав и свобод. Рассмотрены история зарождения трудового арбитража, правовые и организационные условия деятельности трудовых арбитров и посредников, опыт разрешения коллективных трудовых споров в правовых рамках.

4. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В РОССИИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2005–2015)

В монографии представлен комплексный взгляд на тенденции развития и последствия трансформации российского профсоюзного движения в 2005–2015 годах. Особое внимание уделено влиянию профсоюзов на развитие социального партнерства. Авторы проводят сравнительный анализ эффективности деятельности различных профсоюзных объединений страны по защите социально-трудовых интересов работников.

5. ПРОФСОЮЗЫ НА ЗАЩИТЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ПРАВ РАБОТНИКОВ: ОПЫТ ФЕДЕРАЦИИ ПРОФСОЮЗОВ САНКТ-ПЕТЕРБУРГА И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ

Монография отражает исследование деятельности профессиональных союзов, связанной с контролем за исполнением трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области, содержит анализ влияния профессиональных союзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

Рассмотрены особенности правозащитной деятельности Федерации профсоюзов Санкт-Петербурга и Ленинградской области, способы реализации защитной функции профессиональными союзами, пути совершенствования трудового законодательства и усиления влияния профсоюзов на исполнение трудового законодательства работодателями в Санкт-Петербурге и Ленинградской области.

6. СУДЕБНАЯ ПРАКТИКА РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ СПОРОВ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография отражает исследование судебной практики разрешения социально-трудовых споров в современной России, содержит анализ правозащитной деятельности профессиональных союзов, в частности анализ судебной защиты как способа обеспечения этой деятельности.

Рассмотрены основные тенденции совершенствования правового регулирования и развития судебной практики по рассмотрению социально-трудовых споров в России.

7. РЕАЛИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА НА РЕГИОНАЛЬНОМ УРОВНЕ: ОПЫТ, ПРОБЛЕМЫ, ПЕРСПЕКТИВЫ

Монография посвящена исследованию системы социального партнерства в субъектах Российской Федерации на современном этапе. В исследовании рассмотрены особенности становления и развития социального партнерства в России, проведен анализ деятельности трехсторонних комиссий в регионах субъектов РФ, выявлены проблемы и проведена оценка эффективности их работы, разработаны рекомендации по совершенствованию социального партнерства на региональном уровне.

8. ПРОФСОЮЗНОЕ ДВИЖЕНИЕ В САНКТ-ПЕТЕРБУРГЕ И ЛЕНИНГРАДСКОЙ ОБЛАСТИ: ОСНОВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ (2010–2017)

Монография отражает тенденции развития профсоюзного движения в двух крупнейших регионах России — Санкт-Петербурге и Ленинградской области. В исследовании, охватывающем период с 2010 по 2017 год, анализируются эффективность защиты профсоюзными объединениями социально-трудовых интересов работников, их место и роль в системе социального партнерства, динамика изменения профсоюзного членства.

9. КУЛЬТУРА СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

Монография подготовлена по материалам научного исследования на одноименную тему. В работе анализируется широкий круг феноменов, отражающих различные стороны трудовых отношений и определяющих культуру мотивации трудовой деятельности, социальной справедливости, социального и человеческого капитала, социального партнерства.

10. СМИ КАК ФАКТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ (Конфликтологический анализ)

В монографии анализируется актуальная проблема участия СМИ в социально-трудовых конфликтах. Работа построена на обобщении значительного объема эмпирического материала, отражающего различные аспекты и модели влияния СМИ на социально-трудовые конфликты — как конструктивного, так и деструктивного. Рассматривается специфика освещения социально-трудового конфликта на различных этапах его протекания.

11. КОЛЛЕКТИВНЫЙ ДОГОВОР КАК МЕХАНИЗМ ПРЕДОТВРАЩЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируется исторический опыт становления и развития коллективно-договорных отношений, рассматриваются различные аспекты реализации потенциала коллективного договора как механизма и формы социального партнерства на уровне предприятия, виды и содержание коллективных договоров в России и зарубежных странах, направления оптимизации содержания и процедур заключения и оценки выполнения коллективного договора.

12. ПЕРЕГОВОРЫ КАК РЕГУЛЯТОР СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ: КОНЦЕПЦИЯ, МЕТОДИКА, ТЕХНОЛОГИИ

В монографии рассматриваются различные аспекты переговорного процесса в системе социально-трудовых отношений. Основное внимание уделяется анализу субъектов переговоров, в качестве которых выступают участники социального партнерства — работодатели, профсоюзы, органы государственного управления; технологическим аспектам переговоров. Центральное место в работе занимают технологии разрешения социально-трудовых конфликтов, основанные на переговорных методиках.

13. УЧАСТИЕ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии анализируются актуальные вопросы включения работников в процесс управления организацией в контексте профилактики социально-трудовых конфликтов. Рассматриваются отечественный и зарубежный опыт участия работников в управлении организацией, правовые и организационные аспекты управления с участием персонала на различных уровнях — от предприятия (организации) в целом до рабочего места.

14. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ: НАЦИОНАЛЬНО-КУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА, ПРОБЛЕМЫ ФОРМИРОВАНИЯ, РЕСУРСЫ И СТРАТЕГИИ ОПТИМИЗАЦИИ

В монографии характеризуются структура и проблемы становления социально-трудовых отношений постсоветской России, анализируется национально-культурная специфика социально-трудовых конфликтов, предложена комплексная национально ориентированная система стратегий и условий оптимизации социально-трудовых отношений и профилактики конфликтов.

15. КОНСУЛЬТИРОВАНИЕ КАК ТЕХНОЛОГИЯ УРЕГУЛИРОВАНИЯ КОНФЛИКТОВ В ОРГАНИЗАЦИИ

В монографии рассматриваются историко-культурные предпосылки формирования и развития конфликтологического консультирования, анализируются его коммуникационно-управленческие аспекты, специфика социального взаимодействия и проблемы, возникающие в процессе консалтинговой деятельности. Особое внимание уделяется методике и технологиям конфликтологического консультирования в социально-трудовой сфере, его роли в разрешении коллективных трудовых споров.

16. МЕЖДУНАРОДНЫЙ ОПЫТ УЧАСТИЯ РАБОТНИКОВ В УПРАВЛЕНИИ ПРЕДПРИЯТИЕМ

В монографии анализируются история становления и развития различных форм включения работников в управление предприятиями за рубежом, правовое обеспечение участия работников в решении производственных, экономических, организационных и иных вопросов. Отдельно рассматривается влияние российского опыта на зарубежную практику вовлечения трудящихся в управленческие процессы на предприятиях.

17. ЗАБАСТОВОЧНОЕ ДВИЖЕНИЕ В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

Монография посвящена исследованию особенностей и основных тенденций развития забастовочного движения в странах Европейского союза. В работе приводится статистика современного забастовочного движения в странах ЕС. Большое внимание уделяется сравнительному анализу законодательства европейских стран о забастовках, вопросам эффективности участия профсоюзов в организации и проведении забастовок.

18. ПОВЫШЕНИЕ ЭФФЕКТИВНОСТИ УЧАСТИЯ ОБЪЕДИНЕНИЙ РАБОТОДАТЕЛЕЙ В СИСТЕМЕ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА

В монографии рассматриваются объединения работодателей как сторона социального партнерства в России и зарубежных странах, раскрываются понятие и стороны социального партнерства, обобщается опыт социального диалога на малых и микропредприятиях стран ЕС. Характеризуются структуры представительства в социальном диалоге, основные тенденции его развития, прослеживается эволюция моделей социального диалога и представительства работников.

19. ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПОВЫШЕНИЯ ЭФФЕКТИВНОСТИ СОЦИАЛЬНОГО ПАРТНЕРСТВА В РОССИИ

В монографии анализируются современные проблемы эффективности социального диалога и социального партнерства, рассматривается правовое обеспечение взаимоотношений его сторон, дается характеристика сторон и органов социального партнерства различных уровней. Особое внимание в работе уделяется особенностям правового обеспечения социального партнерства, вопросам подготовки проектов и заключения коллективных договоров и соглашений, порядка их действия.

20. МОДЕЛИ ПРОФСОЮЗНОГО ДВИЖЕНИЯ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

В монографии рассматриваются вопросы формирования и эволюции различных моделей профсоюзного движения в странах Европы и Северной Америки. В книге подробно исследованы вопросы становления законодательства о профсоюзах, развития их организационного строения, участия в общественно-политической жизни общества, форм и методов профсоюзной работы.

21. ИСТОРИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ В РОССИИ

Монография посвящена истории развития социально-трудовых отношений в России. В книге исследуются вопросы становления социального диалога, формирования трудового законодательства, а также влияния профсоюзного движения на развитие социально-трудовых отношений. В работе также рассматривается эволюция государственной политики в сфере социально-трудовых отношений.

22. УПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫМИ ОТНОШЕНИЯМИ ЗА РУБЕЖОМ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В монографии исследуется исторический опыт управления социально-трудовыми отношениями в развитых зарубежных странах. В книге подробно рассматриваются актуальные вопросы становления и развития социального диалога между работниками, предпринимателями и государством, развития социально-трудового законодательства. Большое внимание уделяется анализу последствий влияния глобализации на эволюцию социально-трудовых отношений.

23. ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ В РОССИИ

Монография посвящена исследованию исторического опыта преодоления социально-трудовых конфликтов в России. Авторы работы раскрывают особенности урегулирования социально-трудовых конфликтов на различных этапах истории российского государства. В монографии рассматривается эволюция законодательства о разрешении социально-трудовых конфликтов, анализируются формы и методы действий властей, предпринимателей и работников в условиях конфликта.

24. ТЕНДЕНЦИИ В СФЕРЕ ЗАНЯТОСТИ

(На примере современной России)

В монографии исследуются основные тенденции в сфере занятости в экономике России в посткризисный период (с 2010 г. по настоящее время). Помимо обзора динамики общих показателей рассматриваются демографические аспекты занятости, проблемы трудовой миграции, молодежной занятости, а также влияние факторов научно-технического прогресса и процессов деиндустриализации на ситуацию на российском рынке труда.

25. ОПТИМИЗАЦИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

КАК ФАКТОР ПРОФИЛАКТИКИ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО ВЫГОРАНИЯ

В монографии анализируются эффективность трудовой деятельности и влияющие на нее психологические и социальные факторы, рассматриваются феномен профессионального выгорания и различные аспекты его деструктивного влияния на личность и коллектив, приемы совладания со стрессом и выгоранием. Основное внимание уделяется профессиональному выгоранию в контексте социально-трудовых отношений. Раскрывается конфликтогенный потенциал профессионального выгорания, обосновываются институциональные механизмы его профилактики и преодоления, такие как социальный аудит, мотивационный менеджмент, формирование корпоративной культуры, привлечение работников к управлению предприятием и др.

26. РЫНОК ТРУДА В ГЕРМАНИИ: ИСТОРИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ

И СОВРЕМЕННЫЕ РЕАЛИИ

В монографии рассматриваются основные тенденции, характеризующие развитие рынка труда в Германии на современном этапе. Основное внимание уделяется структурным аспектам динамики занятости и безработицы, законодательному регулированию условий труда отдельных категорий работников, влиянию установок Евросоюза на формирование политики занятости в Германии. Анализируются деятельность немецких профсоюзов, проблемы иностранных граждан на немецком рынке труда, а также влияние цифровизации на динамику и структуру рабочих мест.

27. ВЛИЯНИЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПАРТИЙ НА КОНФЛИКТОГЕННЫЕ

ФАКТОРЫ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ:

ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

В коллективной монографии исследуется влияние политических партий на конфликтогенные факторы в социально-трудовых отношениях в различные периоды истории России. Авторы рассматривают особенности воздействия политических партий на возникновение и развитие социально-трудовых конфликтов.

В монографии проведен анализ программ основных политических партий в сфере социально-трудовых отношений, показана их роль в развитии организованного рабочего движения, влияние на становление социального диалога в стране.

28. ИСТОРИЯ СТАНОВЛЕНИЯ СОЮЗОВ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ

Монография посвящена истории становления союзов предпринимателей и их влиянию на формирование социального партнерства на различных этапах истории России.

В монографии рассмотрены предпосылки и экономические основания воссоздания предпринимательских объединений в современной России. Показаны специфические особенности их возникновения и деятельности в условиях перехода от централизованной плановой к либерально-рыночной экономической модели.

29. КОНФЛИКТОГЕННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ НЕТРАДИЦИОННОЙ ЗАНЯТОСТИ И ПУТИ ЕГО СНИЖЕНИЯ

В монографии рассматриваются как теоретические, так и прикладные вопросы, связанные с развитием новых типов и форм занятости. Анализируются условия и факторы распространения нетрадиционной занятости, ее влияние на сферу социально-трудовых отношений. Особое внимание уделяется анализу конфликтогенных аспектов нетрадиционной занятости и путей снижения ее негативного влияния на сферу социально-трудовых отношений.

30. СОБЛЮДЕНИЕ ПРАВ ПРОФСОЮЗОВ В РОССИИ: АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПУТИ РЕШЕНИЯ

В монографии исследуется российское и международное законодательство, которое регулирует деятельность профессиональных союзов, обеспечивающую представительство и защиту прав и законных интересов членов профсоюзов в части индивидуальных трудовых споров и других отношений, непосредственно связанных с трудовой деятельностью, а также коллективных прав и интересов работников вне зависимости от их членства в профсоюзе. Проводится анализ судебной практики. Большое внимание уделяется нарушению прав профсоюзов и предложениям по разрешению таких ситуаций.

31. АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(По итогам аналитических обзоров, выполненных СПбГУП в 2020 г. на материалах ЛФП за 2018–2019 гг.)

В монографии проанализированы процессы, происходящие в социально-трудовой сфере, обобщены и классифицированы проблемы, имеющиеся в конкретных областях социально-трудовых отношений. Разработаны научно обоснованные рекомендации, направленные на предупреждение негативных тенденций, которые способны привести к социальному напряжению, а также прогнозирование возникновения негативных ситуаций в социально-трудовой сфере.

32. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В монографии рассматриваются основные аспекты, характеризующие особенности развития рынка труда в ЕС на современном этапе. Основное внимание уделено общей характеристике становления рынка труда в рамках европейской интеграции, проблемам трудовой миграции внутри ЕС, анализу воздействия цифровой трансформации на процессы трудовой дифференциации в странах Европы, а также особенностям функционирования рынка труда ЕС в условиях пандемии COVID-19.

33. ГЕНДЕРНЫЕ АСПЕКТЫ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография посвящена изучению эволюции гендерных отношений в социально-трудовой сфере. В книге рассматриваются особенности использования женского труда в условиях становления и развития капитализма; исследуется эволюция законодательства о положении женщин в трудовой сфере; анализируется влияние профсоюзного движения на достижение гендерного равенства в социально-трудовых отношениях; исследуются различные формы дискриминации по признаку пола в трудовых отношениях.

34. САМОЗАНЯТОСТЬ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ. СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКИЕ И ЮРИДИКО-ПРАВОВЫЕ АСПЕКТЫ ПО ИТОГАМ 2019–2021 ГОДОВ

Монография подготовлена на основе исследовательской работы, посвященной рассмотрению промежуточных итогов введения Федерального закона РФ от 27 ноября 2018 года № 422-ФЗ «О проведении эксперимента по установлению специального налогового режима „Налог на профессиональный доход“». Исследование проведено при финансовой поддержке МОН.

В книге рассматриваются вопросы правового обеспечения самозанятости, социально-экономического положения и профессиональной ориентации самозанятых, а также конфликтности, связанной с их деятельностью. Определены основные проблемы, сдерживающие развитие индивидуального труда граждан; сформулированы предложения о законодательном обеспечении самозанятости и мерах защиты трудовых и социальных прав самозанятых; сделаны выводы о роли и перспективах дальнейшего развития этого вида трудовой деятельности в России.

35. ПРОБЛЕМЫ НАСИЛИЯ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

В монографии представлен сравнительно-правовой анализ проявления насилия в сфере труда, раскрыты особенности использования насилия сторонами социально-трудовых отношений, показана эволюция законодательства о правовом регулировании ответственности за применение насилия в социально-трудовых конфликтах. Большое внимание уделяется изучению российского и зарубежного опыта профилактики насильственных действий в социально-трудовой сфере.

36. ГОСУДАРСТВЕННО-ЧАСТНОЕ ПАРТНЕРСТВО И ИНВЕСТИЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В СФЕРЕ СОЦИАЛЬНОГО ОБСЛУЖИВАНИЯ

В монографии рассматриваются теоретические, правовые, институциональные аспекты государственно-частного партнерства, система финансирования государственно-частных инвестиционных проектов, отечественный и зарубежный опыт их подготовки и реализации в сфере социального обслуживания. Значительное внимание уделяется оценке эффективности проектов, методам управления рисками, инструментам защиты инвесторов и повышения инвестиционной привлекательности проектов, анализу правовых и инвестиционных аспектов социального предпринимательства и рекомендациям по развитию государственно-частного партнерства в сфере социального обслуживания.

37. АНАЛИЗ ПРАВОВОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

(По итогам аналитических обзоров, выполненных СПбГУП в 2021 г. на материалах ЛФП за 2020 г. и первое полугодие 2021 г.)

В монографии проанализированы процессы, происходящие в социально-трудовой сфере, обобщены и классифицированы проблемы, возникающие в конкретных областях социально-трудовых отношений. По результатам исследования выработаны способы снижения рисков нарушения прав работников и возникновения социальной напряженности.

38. МОЛОДЕЖЬ В СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография посвящена изучению эволюции молодежной политики в социально-трудовой сфере. В книге рассматриваются особенности труда молодежи в условиях становления и развития капитализма; изучается эволюция законодательства о защите трудовых прав молодежи; анализируется роль профсоюзного движения в формировании молодежной политики в социально-трудовых отношениях; исследуется опыт преодоления дискриминации молодежи на производстве.

39. МОЛОДЕЖЬ НА РЫНКЕ ТРУДА В СТРАНАХ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА

В монографии обобщаются наиболее значимые аспекты проблематики молодежной занятости на примере стран Европейского союза. Основное внимание уделено обзору институционального регулирования молодежной занятости в ЕС, анализу статистики молодежной занятости и безработицы в европейских странах в 2010–2021 годах, выявлению особенностей решения проблемы молодежной безработицы в условиях цифровизации экономики, а также влиянию пандемии COVID-19 на молодежный сегмент рынка труда в ЕС. Рассматриваются принятые в ЕС инициативы, направленные на борьбу с безработицей в молодежном сегменте.

40. ОТ СОЦИАЛЬНОГО НАСИЛИЯ К СОЦИАЛЬНОМУ ГОСУДАРСТВУ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ ПРЕОДОЛЕНИЯ ДИСКРИМИНАЦИИ В ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЯХ

Монография посвящена изучению опыта преодоления дискриминации в трудовых отношениях. В книге дается комплексный анализ эволюции государственной политики, связанной с данным вопросом.

В монографии исследуется понятие дискриминации в сфере труда; рассматриваются международно-правовые нормы, закрепляющие запрет такой дискриминации; описывается опыт борьбы всех сторон социального партнерства с ущемлением интересов работников как в России, так и за рубежом.

41. ЦИФРОВАЯ ТРАНСФОРМАЦИЯ СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ

В монографии рассматриваются теоретические и прикладные вопросы цифровизации социального обеспечения в контексте цифровизации государственного управления в современной России.

Определены модели и основные этапы цифровой трансформации государственного управления, обозначена связь между вызовами современности и реализацией социального обеспечения при помощи цифровых технологий, обобщены политико-юридические обоснования социального обеспечения в России и в мире, выявлены тенденции, связанные с угрозами нового этапа развития общества. Проанализированы цифровые технологии, функционирующие исключительно в России, как на федеральном, так и на региональном уровне (на примере Санкт-Петербурга). Предложены методики повышения результатов цифровой трансформации социального обеспечения в современной России.

42. РЫНОК ТРУДА В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ В УСЛОВИЯХ САНКЦИОННОЙ ВОЙНЫ

В монографии представлены особенности влияния санкционной войны между странами Запада и Россией на развитие рынка труда Европейского союза. Существенное внимание уделено теоретическим аспектам, дан краткий обзор основных положений политической экономии санкций как одного из направлений современной экономической теории. Рассматриваются особенности развития рынка труда в странах ЕС в 2014–2021 годах, когда санкционный режим в отношениях России и ЕС носил умеренный характер, и в 2022 году, когда санкционные меры значительно ужесточились.

43. ТЕХНОЛОГИИ СВЯЗЕЙ С ОБЩЕСТВЕННОСТЬЮ В СИСТЕМЕ ПРОФИЛАКТИКИ И РАЗРЕШЕНИЯ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии рассматриваются теоретические и прикладные вопросы использования технологий связи с общественностью как средства профилактики и урегулирования социально-трудовых конфликтов. Раскрываются сущность и специфика социально-трудовых конфликтов, анализируется коммуникативная природа конфликтного взаимодействия участников трудовых отношений, особенности технологий связей с общественностью как инструмента конфликт-менеджмента, их миротворческий потенциал.

44. ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПРИРОДА И МЕХАНИЗМЫ РЕГУЛИРОВАНИЯ СОВРЕМЕННЫХ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ КОНФЛИКТОВ

В монографии представлены результаты исследования экономической природы и механизмов регулирования современных социально-трудовых конфликтов. Рассмотрены основные причины их возникновения и условия протекания, социально-экономические, правовые, институциональные аспекты их урегулирования. Значительное внимание уделяется анализу социально-трудовых конфликтов и развитию социально-трудовых отношений в 2014–2022 годах, а также анализу влияния в исследуемый период западных санкций и карантинных ограничений, вызванных пандемией коронавирусной инфекции, на уровень конфликтности социально-трудовых отношений в России. На основе результатов анализа разработаны рекомендации по совершенствованию экономических механизмов и институционально-правовой базы урегулирования социально-трудовых конфликтов.

45. РЫНОК ТРУДА В РОССИИ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ ЭКОНОМИЧЕСКИХ КРИЗИСОВ (пандемия и санкционная война в период с 2014 г. по настоящее время)

В монографии представлены результаты исследования трансформации рынка труда в России в условиях глобальных экономических кризисов последнего времени, причинами которых стали санкционные войны стран Запада против России, а также карантинные ограничения во время пандемии новой коронавирусной инфекции. Рассмотрены сущность, содержание и основные причины современного глобального экономического кризиса. Исследованы последствия санкционных войн и пандемии для российского рынка труда. Значительное внимание уделено анализу динамики основных показателей рынка труда в 2014–2022 годах, что позволило выявить основные тенденции его трансформации.

46. РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ РЕГУЛИРОВАНИЯ ТРУДА МИГРАНТОВ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Монография посвящена историческому развитию и современному опыту регулирования труда мигрантов в России и за рубежом. В исследовании рассматривается история эволюции государственной политики по отношению к трудовой миграции, а также современные проблемы интеграции трудовых мигрантов. В книге обобщается опыт влияния профессиональных союзов на формирование миграционной политики.

47. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОПЛАТЫ ТРУДА — ВАЖНЕЙШЕЕ НАПРАВЛЕНИЕ СОЦИАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ

Монография посвящена изучению истории и современных проблем оплаты труда как важнейшего направления социальной политики. В книге представлен комплексный анализ эволюции деятельности, связанной с оплатой труда, исследуются становление и развитие российского и зарубежного законодательства в этой сфере, проведен сравнительный анализ различных систем оплаты труда и обобщен опыт профсоюзов по защите интересов наемных работников.

48. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В США, СТРАНАХ ЕС И КИТАЕ В УСЛОВИЯХ ГЛОБАЛЬНЫХ СТРУКТУРНЫХ ПРЕОБРАЗОВАНИЙ

В монографии рассматриваются рынки труда в США, странах Европейского союза и Китае. В ходе анализа выделяются и обобщаются основные факторы, определяющие развитие рынков труда в этих странах и регионах в последние десятилетия. Существенное внимание уделяется демографическим аспектам, социальной политике, развитию информационных технологий. Анализ рынков труда проводится с учетом глобальных структурных преобразований, характеризующих развитие мировой экономики в целом.

49. СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ В УСЛОВИЯХ ВООРУЖЕННЫХ КОНФЛИКТОВ: УРОКИ ИСТОРИИ

Монография посвящена исследованию исторического опыта регулирования социально-трудовых отношений в период глобальных вооруженных конфликтов. В книге исследуется эволюция трудовых отношений в воюющих государствах с различной социально-политической системой, обобщен наиболее эффективный опыт преодоления социально-трудовых конфликтов, роль профессиональных союзов по защите социально-трудовых прав работников в условиях мобилизации трудовых ресурсов.

50. СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ОХРАНЫ ТРУДА В КОНТЕКСТЕ СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫХ ОТНОШЕНИЙ

Монография посвящена истории становления и современным проблемам развития системы охраны труда в России и за рубежом. В книге проводится анализ развития национальных законодательств в сфере охраны и гигиены труда, рассматриваются современные модели их организации и тенденции развития. Особое внимание уделяется исследованию роли профсоюзов в формировании государственной политики в данной сфере.

51. РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ ВОСТОКА

В монографии рассматриваются проблемы регулирования рынка труда в странах Востока. Существенное внимание уделено теоретическим аспектам функционирования трудового рынка с учетом особенностей четвертой промышленной революции, несовершенству управления в этой специфической сфере. Задачи государственных институтов в повышении эффективности регулирования рынка труда раскрываются на примере избранных стран Азии — Индонезии, Индии, Вьетнама и др. Также приводится обзор статистических данных по странам АСЕАН.

52. ТЕНДЕНЦИИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ И ПЕРСПЕКТИВЫ РОСТА ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТИ ТРУДА, ЗАНЯТОСТИ И КАЧЕСТВА ЖИЗНИ НАСЕЛЕНИЯ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ (период 1991–2023 гг. и прогноз до 2035 г.)

В монографии представлены результаты ретроспективного анализа (период 1991–2035 гг.) процессов решения взаимозависимых проблем роста производительности труда, обеспечения полной занятости и повышения качества жизни населения России.

53. ТРАНСФОРМАЦИЯ РЫНКА ТРУДА РОССИИ В УСЛОВИЯХ ФОРМИРОВАНИЯ НОВОГО МИРОВОГО ПОРЯДКА: РИСКИ И ПЕРСПЕКТИВЫ

В монографии представлены результаты исследования основных тенденций, рисков и перспектив развития рынка труда России в условиях формирования нового мирового порядка и изменения глобального экономического уклада.

Значительное внимание уделено анализу факторов и этапов трансформации, причин неустойчивости современного российского рынка труда, а также исследованию влияния цифровизации экономики на процессы его развития. Анализ основных показателей динамики рынка труда в период 2014–2024 годов позволяет выявить основные тенденции и составить прогноз его трансформации на период до 2035 года.

54. ТРУДОВОЙ ДОГОВОР: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ (РОССИЙСКИЙ И ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ)

Монография посвящена исследованию эволюции трудового законодательства в сфере заключения индивидуального трудового договора. В книге дана характеристика основных этапов исторического развития законодательства о трудовом договоре.

55. ЕВРОПЕЙСКИЕ ПРОФСОЮЗЫ В БОРЬБЕ ЗА СОЦИАЛЬНЫЕ СТАНДАРТЫ ПРОТИВ НЕОЛИБЕРАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ РУКОВОДСТВА ЕВРОСОЮЗА

Монография посвящена изучению опыта борьбы европейских профсоюзов за социальные стандарты против неолиберальной политики руководства Евросоюза в сфере социально-трудовых отношений. В книге дается комплексный анализ форм и методов действий европейских профсоюзов в отстаивании принципов «социальной Европы» как альтернативы неолиберальным реформам руководства Евросоюза.

56. ТЕНДЕНЦИИ РАЗВИТИЯ РЫНКА ТРУДА В СТРАНАХ БРИКС: СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ

Монография посвящена анализу функционирования и развития рынков труда в странах, входящих в состав межстранового объединения БРИКС+. Предметом исследования стали национальные рынки труда ЮАР, ОАЭ, Бразилии, Египта, Ирана и Эфиопии.

57. ТРУД И СВОБОДА: ГРАНИ ВЗАИМОВЛИЯНИЯ

Монография посвящена актуальной теме взаимовлияния базовых философских категорий «труд» и «свобода» в рамках социально-трудовых отношений. В книге рассматривается амбивалентность труда и свободы; изучается взаимосвязь данных категорий в рамках социально-трудовых отношений на протяжении исторического развития человеческого общества; анализируется трансформация темпорального соотношения свободы и труда в современном обществе; исследуются процессы реализации свободы труда в современных социально-трудовых отношениях.

58. ИННОВАЦИОННЫЕ КОМПЕТЕНЦИИ СУБЪЕКТОВ РЫНКА ТРУДА. АНАЛИЗ И ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ФОРМИРОВАНИЯ

В монографии представлены результаты исследования, посвященного формированию инновационных компетенций субъектов рынка труда — работников, работодателей, профсоюзных деятелей, государственных служащих.

Рассматриваются результаты исследования количественных и качественных характеристик спроса и предложения на российском рынке труда, а также особенностей государственной политики Российской Федерации в сфере формирования инновационных компетенций у населения. Анализируются роль IT-специалистов, менеджеров, творческих работников, работников образования и здравоохранения в экономике России.

59. НОВЫЕ ФОРМЫ ЗАНЯТОСТИ В УСЛОВИЯХ ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОГО ОБЩЕСТВА

В монографии рассматривается опыт участия государства и профсоюзов в выработке и реализации политики по защите интересов работников в условиях становления постиндустриального общества. Исследуются тенденции развития нестандартных форм занятости и их влияние на положение наемных работников, роль профсоюзов в развитии социального партнерства в условиях трансформации трудовых отношений.

Научное издание

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ РЫНКА ТРУДА:
ГЛОБАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ**

Редакторы: *В. Г. Даниленко, Т. В. Никифорова, С. В. Остудина*

Дизайнер *А. В. Костюкевич*

Технический редактор *Л. В. Климкович*

Корректор *Т. П. Тихонова*

Подписано в печать с оригинал-макета 16.10.25
Формат 60×90/16. Гарнитура Times New Roman
Усл.-печ. л. 14,5. Тираж 500 экз. Заказ № 25773

Санкт-Петербургский Гуманитарный
университет профсоюзов
192238, Санкт-Петербург, ул. Фучика, д. 15

Отпечатано в ООО «Типография «НП-Принт»
197110, Санкт-Петербург, Чкаловский пр., д. 15

9 785762 113601